

Фонд «Либеральная миссия»

Под общей редакцией И.М. Клямкина

ПОСЛЕ ИМПЕРИИ

Москва 2007

УДК 323/324(470+571)(06)

ББК 66.2(2Рос)

П62

П62 После империи / под общ. ред. А.М. Клямкина. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. — 224 с.

ISBN 978-5-903135-01-1

В книге представлены материалы конференции, организованной Фондом «Либеральная миссия» совместно с посольством Великобритании в октябре 2005 года, а также материалы дискуссий, состоявшихся в Фонде. В своих докладах, сообщениях и в ходе их обсуждения российские и английские исследователи рассматривали опыт послеимперских общественных трансформаций в разное время и в разных странах. В контексте этого опыта и в сравнении с ним анализировались проблемы современной России, что позволило выявить как сходство этих проблем с теми, которые решались постимперскими государствами раньше, так и историческое своеобразие нынешней российской трансформации.

Вопросы, обсуждаемые в книге, касаются роли и места России в современном мире, ее отношений со странами «ближнего» и «дальнего» зарубежья, поиска ею своей цивилизационной идентичности. Особое внимание авторов привлекли проявления имперской инерции в поведении российских властей на постсоветском пространстве и внутри страны.

Несмотря на близость мировоззренческих позиций большинства авторов, по ряду вопросов их оценки и выводы существенно разнятся. Это свидетельствует как о сложности обсуждаемых проблем, так и о том, что само обсуждение нуждается в продолжении. Книга рассчитана в том числе и на то, чтобы его стимулировать.

ББК 66.2(2Рос)

ISBN 978-5-903135-01-1

© Фонд «Либеральная миссия», 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Е. Ясин.</i> Фантомные боли ушедшей империи _____	5
ЧАСТЬ I. ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ _____	50
<i>Э. Брентон.</i> Россия прошла только половину пути _____	50
<i>Г. Карасин.</i> Мы были империей без метрополии и колоний _____	51
<i>И. Яковенко.</i> Империя и нация _____	54
<i>А. Давидсон.</i> Имперское наследие в XXI веке _____	60
<i>Д. Ливен.</i> Разные судьбы послеимперских метрополий _____	76
<i>Д. Фурман.</i> СНГ как последняя форма Российской империи _____	79
<i>Э. Паин.</i> Империя в себе. О возрождении имперского синдрома в России _____	102
<i>А. Гольц.</i> Российская империя и российский милитаризм _____	123
<i>А. Адамишин.</i> Imperium — это власть _____	135
<i>А. Пионтковский.</i> Имперская элита и имперский народ. Три века хождения в Европу _____	146
<i>Н. Тихонова.</i> Постимперский синдром или поиск национальной идентичности? _____	156
ЧАСТЬ II. ДИСКУССИЯ _____	177
<i>Е. Гайдар.</i> Быстро распавшиеся империи порождают больше боли _____	177
<i>В. Иноземцев.</i> Разочарование в нынешней имперской политике будет всеобщим и быстрым _____	181
<i>А. Филиппов.</i> Смысл имперской риторики в том создании базы мобилизации для элиты _____	184
<i>П. Лейн.</i> Космический пессимизм по поводу постимперского национализма не кажется мне оправданным _____	187
<i>М. Урнов.</i> Нынешняя властная элита обладает провинциальным менталитетом _____	190
<i>Б. Дубин.</i> Другого национализма, кроме бюрократического, в России никогда не было _____	191
<i>Т. Ворожейкина.</i> Примеров трансформации континентальных империй в гражданские нации в истории не существует _____	193

<i>А. Пелипенко.</i> Россия может стать трансформируемой, только пройдя еще один виток распада _____	197
<i>А. Коновалов.</i> Армия «метрополий» не была и не является _____	199
<i>В. Кантор.</i> В России русская национальная идея направлена против европеизма _____	200
<i>Ф. Шелов-Коведяев.</i> Противопоставление империи и нации представляется глубоко ошибочным _____	203
<i>А. Кузьмичев.</i> Россию «выбил» из колеи европейского прогресса первый русский император _____	204
<i>Л. Васильев.</i> Вместо империй появились и будут появляться супердержавы _____	206
<i>И. Яковенко.</i> На смену имперскому проекту должна прийти новая форма интеграции _____	208
<i>С. Гавров.</i> Проект нового российского империализма потерпел окончательное поражение _____	211
<i>С. Вебер.</i> В постмилитаристском обществе национальный патриотизм уже не считается важным качеством _____	215
<i>Ю. Афанасьев.</i> Этнонациональная аморфность подается как альтернатива гражданскому обществу _____	218
<i>И. Савельева.</i> Исторические аналогии могут быть только ориентирами _____	219
<i>Е. Ясин:</i> Пессимистические прогнозы не кажутся мне обоснованными _____	222

Е. Ясин,

*научный руководитель ГУ — ВШЭ, президент фонда «Либеральная миссия»,
доктор экономических наук, профессор*

ФАНТОМНЫЕ БОЛИ УШЕДШЕЙ ИМПЕРИИ

Эти строки я пишу 21 августа 2006 года, в день 15-й годовщины поражения ГКЧП и победы демократических сил, ставшей началом истории новой России. Хотел написать «демократической», но удержался. Тем не менее возникновение новой российской государственности, не Советского Союза и не Российской империи, я связываю с этим днем. На моем доме сегодня полощется российский триколор в память о гигантском полотнище, которое 15 лет назад российские предприниматели несли к осажденному Белому дому. Тогда — ну, можно прибавить еще четыре месяца — и кончилась империя в России.

Возможны, разумеется, уточнения: 20% населения в России и в новых ее границах составляют народы, этнически не являющиеся русскими. Есть Татарстан, Башкортостан, Чувашия, кавказские республики, в Чечне до сих пор продолжаются действия сепаратистов. Много религиозных конфессий. Несколько миллионов мигрантов из Таджикистана, Украины, Молдавии, Азербайджана, других республик бывшего СССР живут и работают в Москве и других местностях России. Продолжаются попытки создания союзного государства России и Белоруссии. Более 20 млн русских оказались за рубежом, на положении национальных меньшинств. Следы империи живы, они каждый день дают о себе знать, в том числе и в политике. Империи больше нет. Но она болит.

Предлагаемая читателю книга является результатом выполнения совместного проекта «После империи», о котором еще в начале 2005 года мы договорились с британским послом в Москве Э. Брентоном. Имелось в виду от имени фонда «Либеральная миссия» и британского посольства подготовить и провести российско-британскую конференцию, чтобы обсудить, как повлиял распад СССР на дальнейшее развитие России, и вспомнить опыт Великобритании, которой также после распада империи пришлось адаптироваться к реалиям постимперской жизни.

Нельзя сказать, что нам удалось в полной мере достичь этих целей. Британская сторона была представлена слабее, да и те, кто ее представлял, больше не хотели говорить о России. Тем не менее 28 октября 2005 года конференция состоялась. Британское посольство любезно предоставило нам свое помещение. Заместитель министра иностранных дел России Г. Карасин, только что покинувший пост российского посла в Соединенном Королевстве, счел возможным приветствовать нашу конференцию. После конференции мы провели семинар в Высшей школе экономики с привлечением иного круга участников. Так что

в предлагаемом издании содержатся и дополнительные материалы, относящиеся к нашему проекту и позволяющие подвести итог дискуссии на определенном этапе.

Президент В. Путин назвал распад СССР одной из крупнейших мировых катастроф XX века. Не знаю, что думают об этом граждане других стран, но для значительной части наших соотечественников это, несомненно, трагедия огромного масштаба, изменившая лицо страны, ее место в мире и оставившая глубокий рубец на национальном самосознании русских. Их национальное достоинство, веками питавшееся сознанием принадлежности к великой империи, могущественному государству, повелевавшему многими народам, оказалось униженным. Одновременно пришлось столкнуться с другими масштабными задачами — это и переход к рыночной экономике, и строительство практически заново демократической политической системы, институтов гражданского общества. Очевидно, что имперское наследие, как, впрочем, и другие рудименты прошлого, не могут не вступить в противоречие с задачами, которые нужно решать России ради ее процветания и того, чтобы занять достойное место в мире XXI века.

По моему глубокому убеждению, эта тема явно не сойдет в ближайшее время с повестки дня. Более того, появляется все больше поводов для общественной дискуссии о проблемах имперского прошлого и его влиянии на наше будущее. Все громче звучат голоса А. Проханова, Н. Нарочницкой, А. Дугина, рассуждающих об особом имперском характере русского народа, о мистических свойствах русской души, о миссии распространения духовности во всем мире, которую должна выполнять Россия, и т.п. Во внешней политике взят жесткий курс на, как говорят, восстановление силы России как великой державы и более последовательное продвижение ее национальных интересов. Но в результате оказываются испорчены отношения с рядом ближайших соседей, с западными странами. Новые же «друзья» как на подбор представлены авторитарными или фундаменталистскими режимами.

Поэтому, издавая материалы конференции, мы намерены продолжить дискуссию, предоставив слово прежде всего тем, кто придерживается демократических и либеральных взглядов. Их голос звучит сегодня тихо, тогда как идеи, соответствующие реалиям развития новой демократической России, должны распространяться все шире и укореняться все глубже.

Я не буду пересказывать или как-то оценивать работы, которые вошли в данный сборник, разве что позволю себе отдельные комментарии к некоторым из них. Но хочу предложить для дальнейшего обсуждения ряд тем, на мой взгляд, этого заслуживающих, и поделиться в отношении них своими соображениями, вероятно далеко не бесспорными. Остается добавить, что проект «После империи» не закрывается, поэтому у всех желающих будет возможность

высказаться на этот счет на площадках и в изданиях фонда «Либеральная миссия». С осени 2006 года проект возглавил Алексей Миллер, известный специалист по имперской проблематике.

А теперь темы, которые мне представляется важным обсудить, несмотря на то, что о них уже долго спорят в профессиональной среде:

- 1) что такое империя;
- 2) жизненный цикл империи;
- 3) Российская империя: становление, расцвет, упадок;
- 4) своеобразие Российской империи;
- 5) три задачи последней русской революции;
- 6) как строить национальное государство: этническая или гражданская нация;
- 7) может ли национализм в России стать созидательной силой;
- 8) этнический национализм и ксенофобия;
- 9) чеченский вопрос;
- 10) Россия и ближнее зарубежье;
- 11) почему нас не любят;
- 12) что такое сегодня имперские амбиции;
- 13) взгляд с Запада;
- 14) мы не одни такие;
- 15) являются ли США империей;
- 16) каково теперь место России в мире.

1. Что такое империя

По поводу определения империи среди специалистов идет давняя дискуссия. Я предложу свое определение, которое и буду использовать в статье. *Империя – это государство, в котором один народ (государствообразующий) устанавливает господство или доминирование над другим или многими другими народами, обычно с присоединением территорий их расселения, и удерживает их под своей властью силой или угрозой силы.*

Империи невозможны без насилия, какими бы мягкими ни были его формы. Это основной идентифицирующий признак империи.

Как правило, господствующий народ стремится получить выгоды от своего господства, в том числе для территории своего расселения (метрополии). Для этого империи и создаются. Господство над другими народами осуществляется с помощью их элит, порой специально формируемых. Эти элиты также получают выгоды от своего положения, от принадлежности к империи, гарантирующей им высокий статус и стабильность. Разумеется, более всего выгод получает элита метрополии, но она обычно ради стабильности всей империи инкорпорирует в свой состав представителей элит подчиненных народов.

Империя требует издержек на поддержание своей целостности или тем более на расширение. Эти издержки несут все народы империи, но более всего — народ метрополии, поскольку на его верность можно рассчитывать в наибольшей степени, если приходится прибегать к насилию. Он может получать больше выгод, чем другие, но и прежде других берет на себя бремя «солдата и чиновника», по выражению В. Ключевского, иногда в ущерб предпринимательской и производительной деятельности. Это в той или иной мере накладывает отпечаток на менталитет «государствообразующего» народа.

2. *Жизненный цикл империи*

Если выгоды для сил, поддерживающих империю, становятся в какой-то момент меньше издержек, которые они несут, то империя оказывается перед угрозой распада.

Рано или поздно у покоренных народов просыпается национальное самосознание, усиливаются национализм и сепаратизм. Экспансия также сталкивается с нарастающими препятствиями, а затем сама империя становится объектом агрессии или давления извне, причем внешние враги стараются использовать врагов внутренних и наоборот. Нарастают внутренние противоречия и в самой метрополии, ослабевают изначальная энергия и динамизм, все больше сил тратится на сохранение установленного порядка, тогда как имперская элита желает покоя и стремится максимально использовать преимущества своего положения для того, чтобы наслаждаться жизнью.

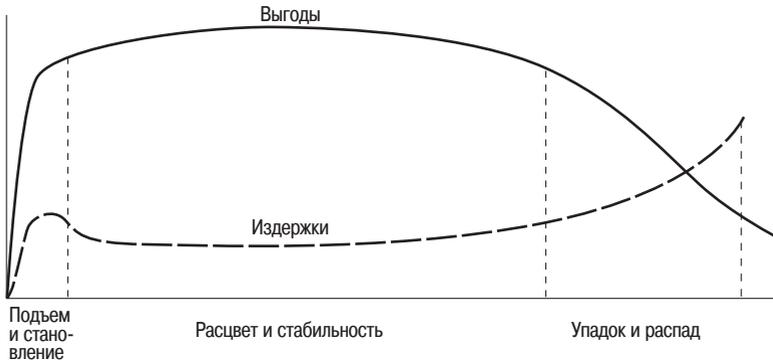
Правдоподобной представляется гипотеза, согласно которой в период создания и возвышения империи выгоды для сил поддержки существенно превышают издержки. Этими выгодами можно делиться, привлекая сторонников. Но потом суммы выгод и издержек уравниваются, а еще позднее издержки начинают превышать выгоды. Отсюда неустойчивость империй как государственных образований, даже если история некоторых из них насчитывает несколько столетий.

Жизненный цикл империи (*рис. 1*) охватывает, таким образом, фазы подъема и становления (выгоды растут быстрее издержек), расцвета и стабильности (выгоды и издержки в равновесии, но выгоды больше), упадка и распада (издержки превышают выгоды).

Предложенная гипотеза, возможно, кажется тривиальной, но она находит подтверждение в судьбе большинства известных империй, древних и нового времени, сухопутных и морских (по терминологии Д. Ливена, доклад которого приводится ниже).

Большинство империй нового времени, начиная с XVI века, сложились в результате либо преодоления феодальной раздробленности, либо военных завоеваний и колониальной экспансии. Феодальные в моем понимании отноше-

Рис. 1. Жизненный цикл империи

ния позволяли придавать легитимность объединению разных народов в границах одного государства на основе подданства царствующей фамилии (династии), в многообразных формах того, что условно можно назвать вассальной зависимостью. Постепенно такой способ легитимации власти все больше устаревал, терял силу.

Со временем выяснились преимущества национальных государств, населенных одним народом или несколькими народами, близкими по языку и культуре. В таких государствах, опирающихся на развитое национальное самосознание, не могли возникать центробежные силы, раскалывающие государство сепаратистские движения. Напротив, национальное самосознание становилось дополнительным источником энергии, порой разрушительной, если национальное государство, как Третий рейх, формировалось по этническому принципу. Ныне к государствам гражданской нации принадлежат США, Канада, Австралия, практически все европейские страны. В них наряду с коренным, государствообразующим народом, давшим стране язык и основную культуру, живут и другие народы. Всех они объединены общими ценностями, согласны жить по законам страны, приобщиться к общей культуре и на этой основе наделены равными правами и обязанностями.

В силу неустойчивости и устарелости самой формы легитимности в XX веке все империи распались — как морские (Британская, Французская, Португальская), так и сухопутные (Османская, Австро-Венгерская и, наконец, Российская). Был ли империей Советский Союз? Если исходить из данного выше определения, следует признать, что был. Как только исчезла угроза насилия, многие союзные республики вспомнили о своем праве выхода и союз распался. Таким образом, я исхожу из того, что Советский Союз был продолжением Российской империи.

3. Российская империя: становление, расцвет, упадок

У каждой империи своя история. Московское государство, из которого выросла Российская империя, в течение длительного времени после освобождения от татаро-монгольского ига проводило экспансионистскую политику. Сначала это был процесс объединения русских княжеств, сходный с аналогичными процессами преодоления феодальной раздробленности в Европе. Потом, после завоевания Иваном IV Казани и Астрахани, Московское царство стало подчинять и другие народы. С этого момента, как считают некоторые историки, уже можно говорить о первом этапе истории Российской империи. Но экспансия на Восток длительное время не наталкивалась на сколько-нибудь значимое сопротивление, потому что территории до Тихого океана заселяли племена и народы, не имевшие прочных государственных образований. Войны на Западе с Польшей в XVII веке из-за украинских и белорусских земель также еще можно считать, пусть и с натяжкой, войнами за национальное объединение.

Империя, и формально, и по существу, начинается с Петра I (завоевание Балтии). Время от царствования Екатерины II (завоевание Северного Причерноморья, Крыма, разделы Польши) до царствования Александра I (победа над Наполеоном, Финляндия, Бессарабия, присоединение Грузии, начало Кавказских войн) — расцвет империи. С конца царствования Николая I, с Крымской войны, начинается период ее упадка. Реформы Александра II открывают дорогу капиталистическому развитию, но России, а не Российской империи. Экспансия еще продолжается (Кавказ, Средняя Азия, Балканские войны и стремление к овладению проливами, Манчжурия, строительство КВЖД и ЮМЖД, Порт-Артура и Дальнего), но на всех этих направлениях Российская империя сталкивается с силами, которые уже не может одолеть (Британия в Центральной Азии, Япония на Дальнем Востоке, Германия и Австро-Венгрия на Балканах). Моя основная мысль: упадок империи начался давно. Страна развивалась, империя — нет, все больше становясь тормозом развития страны.

Первая мировая война привела к развалу империи. Большевики под лозунгами интернационализма, соединения мировой пролетарской революции и национально-освободительного движения смогли возродить империю в виде СССР. После Второй мировой войны, главные тяготы которой вынес на себе Советский Союз, он, а стало быть Российская империя в последнем «издании», достиг пика своего могущества. Он не вернул себе Польшу и Финляндию, но его территориальные приобретения были достаточно велики в отличие от других стран-победителей, а главное — сфера влияния СССР порой охватывала до трети земной суши. Благодаря ядерно-ракетному щиту он на время смог достичь стратегического паритета с США и НАТО. Первый спутник Земли,

первый космонавт на околоземной орбите — все это составляло предмет гордости русских патриотов, являлось доказательством могущества империи. На Западе многие тогда говорили о преимуществах советского образования и идеологии.

Прошло всего 30 лет после этих впечатляющих событий, и Советский Союз рухнул. Для большинства граждан СССР, особенно в России, это стало шоком. Другие империи рушились в результате войн, вооруженных конфликтов, СССР — в мирное время. Казалось, такое может случиться только в результате заговора «темных сил», недругов России. Тем более что президент Рейган неоднократно говорил о победе в холодной войне над «империей зла». В сердцах многих россиян этот шок, эта обида живы до сих пор. Отсюда и постимперский синдром. Именно поэтому находят живой отклик выступления тех, кто дает упомянутым событиям объяснения, не имеющие ничего общего со здравым смыслом и научным подходом, но апеллирующие к чувствам национального унижения и сожаления об утраченном могуществе.

4. Своеобразие Российской империи

Отметим ее характерные черты.

1. Территориальное единство: типичная сухопутная империя. В отличие от Британской и Французской империй, владения которых были разбросаны по всему миру, Российская империя и СССР представляли собой единую территорию, подобно Османской империи или Австро-Венгрии. Это продлило империи жизнь.

2. Баланс выгод и издержек от экспансии и поддержания империи для России как метрополии после Крымской войны был отрицательным. Россия так долго смогла просуществовать в этом состоянии только за счет бедности и покорности своего народа. В демократическом государстве это было бы невозможно. Империя сдерживала развитие демократии, консервировала авторитарно-бюрократические методы правления, что способствовало отставанию страны. Однако в результате внутреннего развития метрополии движение к либерализации и демократии все же началось и, естественно, сохранению империи не способствовало.

3. На национальных окраинах ситуация была разной. На востоке, особенно в Центральной Азии и отчасти в Закавказье, Россия играла важную цивилизаторскую роль: хотя там жили народы с древней культурой, доступ к современным технологиям и образованию они получали в основном через Россию. Здешней национальной элите жизнь в составе империи долгое время была скорее выгодна. На западе же располагались народы с более высоким уровнем культуры, чем в метрополии. Даже если часть их элиты тоже тяготела к России, входя в высшие эшелоны власти империи, то в целом эти народы стремились

к независимости от более отсталой метрополии. Они всегда были ее слабым звеном. Думаю, что распад СССР намного ускорили такие приобретения Сталина, как Балтия и Западная Украина.

Перед распадом СССР жители как национальных республик, так и России в большинстве своем были уверены, что в Союзе они теряют больше, чем находят, что они «кормят других». Статистика показывала, что положительный баланс обмена имели только Россия, Белоруссия и Азербайджан. Но кто же верил советской статистике? Первым о возможности выхода России из СССР заявил известный писатель-почвенник Валентин Распутин. Украина тоже проголосовала за независимость в уверенности, что «москаля» кормятся ее хлебом и салом.

4. Из-за такого баланса издержек и выгод метрополии и других частей империи СССР действительно представлялся нестандартным случаем. Потом о его распаде сожалели не только русские в России и других республиках, но и многие украинцы, белорусы, люди других национальностей, которым Союз предоставлял более широкие возможности для развития, участия в культурной и политической жизни, чем их не столь крупные, хоть и независимые государства. А. Мороз, украинский социалист, выразил чувства многих, сказав: «Кто не жалеет о распаде Советского Союза — у того нет сердца, кто стремится к его восстановлению — у того нет разума».

Эти своеобразные черты, при традиционно низком приоритете либеральных и демократических ценностей у большинства граждан бывшего СССР, придают больше остроты ностальгии по ушедшим вместе с империей временам.

5. Три задачи последней российской революции

Я убежден в том, что в 1989–1993 годах в России произошла революция. Исторически она была призвана решить три задачи:

1) *экономическую* — переход от плановой экономики к рыночной, за которым должна следовать модернизация прежде всего институциональной системы, без чего невозможно преодолеть отставание и обеспечить конкурентоспособность страны на мировом рынке;

2) *политическую* — переход от тоталитаризма к демократии, что подразумевает не только свободные выборы, но и создание всей системы политических институтов, придающих демократии устойчивость;

3) *национальную* — переход от империи, сохранение которой требовало насилия и всевозрастающих издержек и было несовместимо с либеральной демократией, к национальному государству. Вопрос, каким должно быть это государство — этнической или гражданской нации, оставался, но решение его откладывалось на потом.

Можно подвести первые итоги. Ценой глубокого трансформационного кризиса, резкого падения экономики и уровня жизни две задачи из трех были определенно решены. Рыночная экономика построена и развивается. От империи мы перешли к национальному государству, в котором русские составляют 80% населения. Это тяжело воспринимаемый результат, но обратного хода, судя по всему, не будет. Придется жить с этой реальностью и надо постараться жить хорошо. С демократией не так все просто, она плохо сочетается с рыночными реформами и нашей традиционной политической культурой. Приживется она в России или нет, пока трудно сказать. Во всяком случае, ее становление потребует гораздо больше времени, чем ожидалось.

Революция обычно только «переворачивает пласты» и предоставляет возможность решать крупные национальные задачи. Затем должна начаться длительная, систематическая, насыщенная проблемами и противоречиями работа по выращиванию новых институтов, развитию культуры, изменению ценностей. На месте решенных возникают новые проблемы. Национальное государство в России стало фактом, но каким оно будет? Теперь этот вопрос стал актуальным.

Могла ли гражданская нация формироваться в рамках империи? В свое время австро-венгерские либералы и социал-демократы говорили о стирании национальных различий в рамках империи. В СССР пропагандировалась идея новой общности — «единого советского народа». Но этот проект нигде не удался: насилие и гражданственность не сочетались. Однако крушение империй неизменно обостряло национальный вопрос, даже если он представлялся почти решенным. Немного больше свободы — и люди, вчера, казалось, слившиеся в одно общество, первым делом начинали национальные разборки.

6. Как строить национальное государство: этническая или гражданская нация?

Эта проблема обсуждается в докладе Э. Паина, а также в его работе «Между империей и нацией», опубликованной фондом «Либеральная миссия» в 2003 году.

Казалось бы, ответ ясен: гражданская нация — единственный разумный выход для России. И потому, что она и после распада СССР осталась многонациональной, многоконфессиональной страной. И потому, что, как все индустриально развитые страны, она вступила в полосу демографического кризиса и, занимая большую территорию, будет получать существенные выгоды от привлечения мигрантов. Еще один момент: конкурентоспособной сможет стать только открытая экономика, а это значит, что в России будет работать и учиться большое число иностранцев. В этих условиях этническое государство, предоставляющее «государствообразующему» народу те или иные привилегии,

не только выглядело бы анахронизмом, но и оказалось бы нежизнеспособным. В нем вновь завелись бы пороки, развалившие империю.

Но гражданская нация предполагает равенство всех перед законом, независимость суда, контроль общества над властью через свободные выборы и СМИ. Это и есть демократия. В то же время демократия, предоставляя свободу, открывает дорогу национализму — как национальных меньшинств, так и «государствообразующего» народа. Мы это уже наблюдали в девяностых.

Русский национализм потому сегодня имеет тенденцию к распространению, что прежде, в условиях империи, в том числе в СССР, национальное самосознание русского народа во многих отношениях сдерживалось, подавлялось. Оно подавлялось и у других народов, но у них это подавление вызывало противодействие в форме усиленного роста национального самосознания, реализовавшееся затем в создании национальных государств. У русских же национальное самосознание выразилось в приверженности имперскому духу, чувстве своего превосходства как имперского, «государствообразующего» народа.

Начиная с 30-х годов XIX века в России сложились три основных идейных течения, в разных пропорциях питавших официальную идеологию и формировавших национальные ценности. Эти идейные течения — либерализм, социализм и национализм (последний, я полагаю, есть не что иное, как консерватизм, главное требование которого — сохранение традиционных устоев жизни народа). Правда, в то время социализм именовался фурыеризмом, национализм — славянофильством, а либерализм — западничеством.

Именно славянофильство дало толчок росту национального самосознания, во многом противостоявшего имперской власти. Со славянофилами, искавшими особый путь России, осуждавшими петровские реформы за уничтожение древних, истинно русских традиций, спорили западники, ориентированные на Европу. Позднее, после крестьянской реформы, либералы в большинстве своем стали реформаторами, поддержали преобразования Александра II, а к лагерю социалистов примкнули потом более или менее радикальные оппозиционные движения — народники (эсеры) и марксисты.

Александр III делал ставку на консервативный национализм, вчерашние славянофилы стали его опорой, либералы ушли в оппозицию, проявляя себя более всего в земском движении. Они могли рассчитывать на поддержку части буржуазии и интеллигенции. Национализм в современном понимании, включая русификаторскую политику, поддержку движений против инородцев, появился еще при Александре II, после Польского восстания 1863 года, но развился именно при Александре III. Он стал популярен в широких массах в связи с развитием рыночных отношений, торговли, конкуренции, в которые вовлекалось все больше людей. Национализм я в данном случае понимаю как выделение из всех людей подобных себе по крови, языку, образу жизни, как же-

вание превосходства и особых прав для этих людей над другими по каким-либо основаниям. Русский национализм, как национальное чувство коренного, титульного народа империи (великорусский шовинизм), вызывал естественную реакцию других народов России — их национализм также рос и оказывал обратное влияние, расшатывая империю.

Можно сказать, что в царствование Александра III и Николая II именно национализм был ближе всего к официальной имперской идеологии. После 1905 года либералы и социалисты получили возможность стать легальной оппозицией. При условии мирного развития страны у либералов был шанс добиться постепенного изменения российского законодательства в европейском духе. Но Первая мировая война нарушила баланс сил. В итоге победа оказалась на стороне социалистического движения в его наиболее маргинальном варианте — власть захватили большевики.

Интересно, что тот, кто приходил в России к власти, становился адептом сильного государства в русской традиции, то есть империи. Так было и в СССР. А тот, кто оказывался в оппозиции, вспоминал о свободе и демократии. Поэтому советской власти противостояли и либералы, и националисты, и А. Сахаров, и А. Солженицын с И. Шафаревичем.

Революция 1989—1993 годов вывела на легальную политическую сцену все три течения. Напомню, что первым неофициальным общественным движением, появившимся на заре перестройки, было националистическое общество «Память». С 1992 года преобладающее влияние на власть стали оказывать либералы. Они провели решающие рыночные реформы, которые, однако, открыв перспективы развития экономики, привели к чудовищному падению производства и уровня жизни. В это же время произошел распад СССР. Эти два обстоятельства подорвали влияние либералов и демократов и усилили левопопулистские и националистические настроения в обществе. Левые (КПРФ), восприняв многие националистические лозунги, стали главной оппозиционной силой.

Приход к власти президента Путина означал определенную смену политики: декларация либеральных реформ в экономике теперь сопровождалась мерами по укреплению государства и возрождению официального патриотизма. Сам Путин в глазах большинства россиян еще выглядит либералом и демократом, но укрепление государства, необходимое в послереволюционную эпоху, уже перешло пределы целесообразного и обернулось свертыванием демократии и возвратом в традиционное для России русло — русло строительства сильного государства с авторитарным режимом, вызывающим ассоциации с империей.

Сегодня националистическая риторика, идеи возрождения державного величия России широко распространены. Российское национальное государство

переживает время взросления, основной выбор — между этнической и гражданской нацией — обществом еще не сделан.

7. Может ли национализм в России стать созидательной силой?

Дж. Хоскинг в книге «Россия: народ и империя» (Смоленск: Руску, 2000) говорит о том, что в России империя подавила рост национального самосознания, созревание нации, отчего русские как нация до сих пор не сформировались. Речь, видимо, идет о незрелости институтов гражданского общества, гражданской нации, в которой не имеет значения этническое происхождение гражданина, но важны его принадлежность культуре, участие в делах общества. Так обстоит дело во Франции, Швейцарии, США, в отличие, однако, от немцев или восточноевропейских народов, где нации носят этнический характер (с. 11, 7). Но в любом случае, рост национализма как рост национального самосознания — явление, по мнению автора, скорее позитивное. Но может ли национализм быть созидательной силой в России?

А. Ливен отмечает, что национализм едва ли не единственная идея, способная сплотить людей для крупного социально-экономического прорыва. Так было в Японии после революции Мэйдзи (и, кстати, так обстоят дела там и сегодня). Так было в США, где, правда, реализовался гражданский национализм в сочетании с идеей плавильного котла. Так было в странах Восточной Европы и Балтии, освободившихся от советского господства. Но Ливен справедливо замечает, что, в отличие от этих стран, в России такой позитивно мотивирующий национализм невозможен, ибо это страна, понесшая потери от распада империи, от национализма других народов, и здесь национализм скорее всего будет иметь иную направленность — будет стремиться восстановить утраченное (Эксперт. 2005. № 18. С. 86–91).

А. Миллер в статье «Империя Романовых и национализм» (Новое литературное обозрение. М., 2006) рисует широкую картину формирования русского национализма в XIX веке: от идеи империи как национальной территории русских до выделения в ее составе исконно русских земель, то есть национальной территории единого православно-русского народа, включая Малую и Белую Русь, а также иногда Русь Червонную (Восточная Галиция) и Угорскую (Закарпатье), или же до территории расселения великороссов. Любопытно, что известный консерватор М. Катков в XIX веке предлагал предоставить независимость Польше по причине ее неисправимой враждебности национально-имперской идее. А А. Солженицын в своем знаменитом эссе «Как нам обустроить Россию» предлагает средний из перечисленных вариантов плюс Северный Казахстан, но за исключением Чечни и Галичины. Как и Катков, он исходит из того, что национальное государство русских не должно включать источники внутреннего разложения, неизбежные в империях.

Взгляды нынешних русских националистов чаще всего отличаются от упомянутых идей своих отечественных предшественников и западных ученых. А. Проханов, один из самых ярких апологетов национальной идеи, говорит: русские — имперский народ, ему искони присуща мессианская идея всечеловечности. Это идеология Сталина: русские выражают свой национальный дух в величии империи, в огромности государства, управляющего многими народами.

«Уничтожение российского великодержавия, — пишет Н. Нарочницкая, — во всех его духовных и геополитических определениях, устранение равновеликой всему совокупному Западу материальной силы и русской, всегда самостоятельной исторической личности с собственным поиском универсального смысла вселенского бытия — вот главное содержание нашей эпохи» (Россия и русские в мировой истории // Международные отношения. М., 2004. С. 12). Стало быть, империя, великодержавие и есть русский национальный дух, который хотят покорить или уничтожить его враги. Это имперский национализм. Он не мыслит себе русское национальное самосознание вне имперского порыва. Может ли такой патриотизм быть конструктивной силой сегодня?

Я различаю националистов и патриотов. Полагаю, что патриотом является любой гражданин страны, готовый работать ради ее блага, блага живущих в ней людей, независимо от того, какого он происхождения, каких взглядов придерживается и какую идеологию исповедует. Просто он верит, что именно его взгляды более других полезны для страны. Поэтому для меня и либералы, и социалисты, и националисты могут быть патриотами.

Не патриот — человек, который считает, что его страна не подходит ему для жизни, не имеет будущего, она безнадежна, и поэтому он покидает ее, если может, чтобы найти приют в другом государстве, не думая возвращаться на родину. Или же его удерживает в своей стране исключительно мысль о зарабатывании денег, или он даже начинает работать против интересов страны ради каких-то глобальных целей.

В английском языке народ и нация обозначаются одним словом, которое означает гражданскую нацию, а национальное государство — это политическая организация гражданской нации. По-русски же народ и нация — понятия этнические, а националист — человек, отстаивающий интересы своего этноса, оправдывающий это особыми его достоинствами, хотя бы своей принадлежностью к нему, в силу чего он должен пользоваться определенными привилегиями, по крайней мере у себя в стране. Соответственно, права других этносов в его стране следует ограничить. Прямо об этом вслух не говорят, во всяком случае в среде интеллектуалов, если не считать разговоров о незащищенности русских. Но откуда тогда лозунги «Россия для русских» или «Мы за русских, мы за бедных», с которыми на последних парламентских выборах выступали партия «Родина» и ЛДПР? Откуда скинхеды?

Русские в большинстве своем большие патриоты, но не националисты. Они обычно дружелюбны, терпимы, привыкли жить рядом с людьми других культур, легко смешиваются с ними. В докладе Н. Тихоновой подчеркивается, что большинству русских чужды грезы об утраченном величии империи. Ностальгия по СССР связана прежде всего с воспоминаниями о былых достижениях в сфере образования, науки, развития передовых технологий, но не с сожалениями об утраченной роли сверхдержавы. Однако идет поиск новой национальной идентичности в качественно новых исторических условиях — не этнической, а гражданской общности, в основе которой «нация, а не национальность». Исследователь обращает внимание на то, что после семьи и друзей следующая по важности группа, к которой опрошенные испытывали чувство общности, — это люди той же национальности. Национальная самоидентификация вытесняет советскую гражданскую идентификацию. Но сама национальная идентификация приобретает гражданский характер: русские — это те, кто воспитан в русской культуре, кто любит Россию, кто считает себя русским. Таким образом, со стороны большинства населения России путь к формированию гражданской нации открыт, хотя, разумеется, это весьма непростой путь.

Нельзя отрицать, что россияне, подобно американцам, весьма подвержены внушению со стороны СМИ и властей. Общественные настроения меняются сравнительно легко. Так, в начале 1990-х годов рыночные реформы поддерживала примерно треть населения при такой же доле противников, а в 2004 году за реформы высказалось менее 15%, против — более половины. Это произошло не только потому, что реформы связываются с трансформационным кризисом, но и потому, что в течение всех последних лет негативное отношение к реформам девяностых постоянно пропагандируется, хотя на самом деле они являются одним из важных факторов нынешнего подъема (см.: Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа / ИКСИ РАН. М.: Наука, 2005. С. 50; Граждане новой России. 1998—2004 : Аналитический доклад / ИКСИ РАН. М., 2004. С. 38).

В 1990-е годы и до 2002 года, по данным ФОМ и ВЦИОМ, к США положительно относились более половины россиян, отрицательно — от 13 до 20%. Опросы Левада-Центра в конце 2005 года продемонстрировали перевес позитивных оценок над негативными в 22%, тогда как весной 1997 года он составлял 57% (Общественное мнение. 2005. С. 159). Сейчас дружественной страной США называют 5% опрошенных, в 2005 году таких было 11% (Ведомости. 2006. 7 июня). Очевидно, эти сдвиги обусловлены не столько изменениями в политике США, хотя Косово и Ирак сыграли свою роль, сколько изменениями в политике российского руководства и влиянием официальной пропаганды. За последние 6 лет, согласно данным ИКСИ, заметно выросло число респондентов,

считающих, что «Россия должна быть государством русских людей» (с 10,7% в 1998 году до 17,1% в 2004 году), но на 10,5% уменьшилась доля тех, кто считает, что «Россия – общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами» (Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа, М., Наука, 2005. С. 116). И такого рода сдвиги – шаг назад от гражданской нации.

Национализм – особое идейное течение, наряду с либерализмом и социализмом, как отмечалось выше, издавна присутствующее в России и, несомненно, оказывающее влияние на значительную часть российского общества, причем, по всему видно, растущее. Представители русского национализма утверждают, что русские не защищены в своей стране и нуждаются в особых правах. На первый план они выдвигают государство, его авторитет и величие, которое обязано обеспечить особые права для своих. А обязанность гражданина – выполнять долг перед государством, жертвовать ради него своими интересами. Права же и свободы личности, верховенство закона, интересы и права других народов – на втором плане. Звучит и нота обиды на пренебрежение со стороны других наций, например Запада. Есть обида и на представителей национальных меньшинств, которые «понаехали» и занимают позиции в бизнесе и политике, преграждая путь русским и тем самым возбуждая ксенофобию.

Бердяев писал о женственности русского народа, которому нужно властное мужское начало. Отсюда покорность, терпимость к авторитаризму... Особенность русской души – духовность, всечеловечность, противостоящие западному рационализму. Эти идеи, восходящие к периоду раннего славянофильства, тогда можно было объяснить известной социально-культурной отсталостью России, незрелостью в ней рыночных капиталистических отношений, консервацией своеобразного российского феодализма с самодержавием и патриархальностью, которые возводились в специфическое достоинство народа, дававшее ему возможность избежать язв капитализма и построить справедливое общество, основанное на общине, соборности, высокой нравственности. Это как бы и давало народу с такими замечательными свойствами особые права, у него была особая миссия – нести свет и добро по всему миру. Еще в рамках империи русские «специализировались» на ролях чиновников и солдат (мы уже упоминали в этой связи В. Ключевского), может быть вместе с остзейскими немцами, уступая другим торговлю и ремесла.

С тех пор многое изменилось, иллюзии рассеялись или сменились новыми, но некий мистицизм, мессианство, необъяснимая вера в особость русской души остается, как мне кажется, неперменной чертой русского национализма. На взгляд его сторонников, не логика, не разум, не рациональные основания, присущие «враждебному» европейскому духу, а душевный порыв, эйфория вдохновения и единения – вот мотив, способный подвинуть рус-

ского человека на великие деяния, на самопожертвование ради идеи, ради общего блага. Отсюда и видение кризиса российской государственности как следствия отхода от основ народного духа, заражения западным рационализмом, стремлением к материальным благам в ущерб нравственности. Отсюда и падение империи.

Мистицизм, иррациональность затрудняют дискуссию с националистами, их редко удастся переубедить, так как логике чаще всего они противопоставляют эмоции. Но нельзя недооценивать их силу.

Национализм неоднороден, и я попытаюсь, хотя это непросто, разделить разные его направления.

Есть направление, связанное с возвращением национальных традиций, с защитой прав как русских, так и других национальностей. Каждый защищает своих. Это этнический национализм, о нем пишет Дж. Хоскинг. Он близок к консерватизму, традиционализму, поскольку обращается к исконным национальным нравам и обычаям. Но есть другой – имперский – национализм, который представляют Проханов и Нарочницкая. Ему тоже присуще обращение к традиции, но более поздней и элитарной – к лучшим дням империи, а не к народному духу, который всегда искали и находили в старой сельской общине, в обычаях простых людей.

Применительно к современности, наверное, можно сказать, что как этнический, так и имперский национализм есть реакция на распад империи и избытке инородцев, но в первом отсутствует установка на восстановление империи, а во втором – присутствует. Я согласен с А. Ливеном, что в современной России будет скорее преобладать имперский тип национализма, ориентированный на восстановление утраченного, тем более что он весьма распространен в правящей элите и от нее транслируется в массы.

Может ли национализм быть созидательной силой в России? Полагаю, что этнический национализм, близкий к традиционализму и консерватизму, хотя с ним нередко бывают связаны серьезные негативные явления, например ксенофобия, все же может играть и некоторую позитивную роль – скажем, не только способствовать сохранению культурной самобытности, но и ограничивать чрезмерно радикальных реформаторов и модернистов.

Творческий потенциал имперского национализма более чем сомнителен. Даже самые прагматичные его представители, особенно если они окажутся у власти, будут склонны ставить перед страной нереальные задачи, входящие в противоречие с ее действительными стратегическими приоритетами. Величие дорого стоит. Во внутренней политике националисты имперского толка будут склонны к авторитаризму, затрудняя формирование гражданской нации. Во внешней же политике проявление имперских амбиций чревато ухудшением взаимоотношений с другими странами.

Подведем итог сказанному. Новое российское национальное государство желательно выстраивать как политическую организацию гражданской нации, но для этого нужна демократия, которой у нас все меньше. Вместе с тем свобода, которую демократия предполагает, будет использоваться и национализмом как идейным течением для усиления своего влияния. Следует ожидать, что национальные ценности, порой иррациональные, будут временами более привлекательны, чем ценности либеральной демократии и гражданской нации, во многом утратившие влияние после распада империи и трансформационного кризиса. Национальное государство может двинуться в сторону государства этнического, или на пути формирования гражданской нации возникнут серьезные трудности.

Да, видимо процесс будет непростым. Но, увы, иного пути, кроме борьбы за демократию, за гражданские права и свободы, за верховенство закона, за независимый справедливый суд, — нет. Искушения национализма, как этнического, так и имперского, нельзя преодолеть иначе как в открытой дискуссии, а также с помощью средств культуры, способной воздействовать на эмоции людей.

8. Этнический национализм и ксенофобия

Я не считаю, что этнический национализм и ксенофобия являются порождением империи. Скорее, это повсеместно распространенный инстинкт предпочтения «своего» перед «чужим», встречающийся в самых разных странах. Г. Хайдер в Австрии и Ле Пен во Франции — это только наиболее известные представители этих идей. Косвенным подтверждением сказанного служит то, что имперский национализм обычно склонен сторониться национализма этнического, поскольку ощущает, что сосуществование в империи разных народов возможно только при необходимой мере терпимости между людьми разных национальностей.

Но если империи грозит опасность, то ее сторонники готовы подключить к борьбе с врагом или обстоятельствами любые темные инстинкты. И тогда этнический национализм и ксенофобия, эти легко возбуждаемые и весьма устойчивые предубеждения, становятся оружием империализма. Вспомним национальную политику Александра III и Николая II, которую обозначили как великодержавный шовинизм.

Острота проблемы роста этнического национализма и ксенофобии в России на данном этапе ее развития заставляет меня включить их в поле зрения, несмотря на то что они напрямую не связаны с империей и имперскими амбициями. Национализм и ксенофобия усиливаются целым рядом факторов. Во-первых, распад Союза усилил этнический национализм национальных меньшинств, вызвав соответствующую реакцию со стороны русских. Во-вторых,

национальное государство, став фактом, открывает разные возможности, в том числе возможность усиления национализма, как этнического, так и имперского. В СССР интернационализм и дружба народов были, по крайней мере, официальной доктриной, частью обязательной идеологии. Сейчас этого нет. В-третьих, конечно, миграция: с одной стороны, в Россию прибывают мигранты из прежних союзных республик, более бедных и менее развитых, с другой — в поисках заработка в центральные русские регионы стекаются жители национальных окраин самой России. Пришлые люди, представители другой культуры вызывают раздражение, и в этом смысле Россия не исключение — аналогичная ситуация и в других развитых странах. В-четвертых, некоторые национальные меньшинства оказываются более предприимчивыми, чем русские, и при этом обнаруживают бóльшую национальную солидарность, поддерживают своих. Не секрет, что оргпреступные группировки порой имеют этническую окраску. Соответствующая реакция со стороны русских как государствообразующего народа вполне предсказуема.

Эту проблему не следует ни упрощать, ни откладывать в долгий ящик в надежде, что все как-нибудь рассосется и сама собой сложится гражданская нация. Или что в крайнем случае можно будет обойтись силовыми методами.

Мне показалась привлекательной концепция, предложенная Ю. Слезкиным (Эра Меркурия. Евреи в современном мире // Новое литературное обозрение. М., 2005) для объяснения взаимоотношений между национальными меньшинствами и коренным государствообразующим народом. Ключевая идея — различие между народами *аполлонийскими* и *меркурианскими*. Аполлонийцы — это коренные народы, земледельцы, составляющие большинство в данной стране или на данной территории, обычно приверженные традиционному укладу жизни. Меркурианцы — народы, составляющие национальные меньшинства и выступающие в роли посредников, торговцев, традиционно не привязанных к определенной территории проживания. В их числе Ю. Слезкин называет цыган, армян, греков, евреев, парсов в Индии, а также китайцев-хуацяо, расселенных по всем странам Юго-Восточной Азии, индийцев в Южной Африке. Русские в Европе также порой оказываются в этой роли. У большинства из меркурианцев есть историческая родина, но, проживая в среде других народов, чаще всего будучи ограничены в правах или реальных возможностях, они становятся более предприимчивыми, активными, и нередко им удается потеснить аполлонийцев. Интересно, что по возвращении на родину меркурианцы утрачивают эти свойства и могут превратиться в аполлонийцев. Достаточно сравнить современных израильтян и евреев, живущих в России или Америке. Так что этничность служит разделительным признаком, но качества, повышающие конкурентоспособность, зависят от роли, которую этническая общность играет в данной стране.

Развитие капитализма предъявило спрос на качества, присущие меркурианцам. Например, англичане, голландцы, стоявшие у истоков нового строя, поголовно стали меркурианцами. В других странах этот спрос был воспринят в первую очередь теми меркурианскими народами, которые там жили. Капитализм заставлял отказываться от вековых обычаев, национальных традиций, разделявших народы. Так случилось, что в Европе этот зов времени раньше других услышали евреи. Все большее их число отказывались от религии отцов и покидали традиционные гетто, чтобы приобщиться к культуре коренных народов, в среде которых они жили, и получить больше возможностей для развития. Собственно, на почве культуры и складывались правила нового общежития, а также возникали новые, сложные конфликты. Так было в Германии, так было и в России.

Сходные процессы наблюдались и наблюдаются в США, с той только разницей, что это страна иммигрантов — белые протестанты просто приехали раньше других. Иммигранты каждой следующей волны проходили сходные этапы интеграции: сначала жизнь в национальных общинах, затем отделение тех, кто адаптировался, приобщился к основной культуре. Для афроамериканцев затем началась борьба против сегрегации, завершившаяся их победой. В США не было разделения на аполлонийцев и меркурианцев, вернее, различия между ними лишь в малой степени зависели от этнического происхождения. С одной стороны, англосаксонская культура была важнейшим инструментом приобщения новых граждан к американским ценностям, с другой — именно благодаря этим ценностям приезжие могли сохранить свои традиции. В каждый период выделяются те или иные более агрессивные и успешные группы. Сначала это были евреи и итальянцы, во второй половине XX века им на смену пришли китайцы и вьетнамцы. И наверняка появятся новые. С. Хантингтон, например, опасается испаноязычных иммигрантов, утверждая, что они не стремятся приобщиться к американской культуре. Посмотрим, как будут развиваться события. До сих пор плавильный котел работал... В России все будет, видимо, по-другому. У нас меркурианцы выделяются в значительной мере по этническому признаку: евреи, татары, чеченцы, армяне, азербайджанцы...

Антисемитизм в России имеет давнюю историю. Главная претензия к евреям: их непропорционально много на видных местах — в науке, литературе, журналистике. А в последние годы и в политике.

Известный публицист А. Ципко убежден, что основным субъектом августовской демократической революции 1991 года, как и Октябрьской 1917-го, была еврейская интеллигенция, сначала стремившаяся навязать стране социализм, а затем — либерализм. И делалось это якобы с целью реализовать свои узкокорыстные национальные интересы в стране, большинство населения которой предлагаемые ценности не разделяло. «Власть в России не легитимна,

не пользуется доверием русских и тюрков, ибо воспринимается ими как узкая власть, как власть избранной нации» (Ципко А.С. Россию пора доверить русским. М., Алгоритм, 2003. С. 505). И далее: «...главной, долговременной стратегической целью еврейской интеллигенции является выкорчевывание русского национального сознания, выкорчевывание традиционных русских амбиций на державность, на право оставаться самостоятельной, влиятельной державой» (с. 530); «евреям лучше следовать заветам своих предков и не идти в публичную политику, не брать на себя ответственность за судьбу государства, в которое их занесла судьба» (с. 535).

Редко найдешь в порядочном обществе подобную откровенность. Но, видно, давно сдерживаемая страсть вырвалась наружу. Своего рода гражданский эксгибиционизм... Я не намерен здесь обсуждать еврейский вопрос, замечу только, что автор, похоже, и мысли не допускает, что кто-то кроме этнических русских может любить Россию — свою Родину не меньше и готов служить ей и жертвовать многим ради нее.

Да, евреи активно участвовали в социалистической революции и либеральных реформах XX века. Почему — хорошо объяснил Ю. Слезкин. Но утверждать, что ими двигали исключительно узкокорыстные национальные интересы — беспардонная ложь. К революциям всегда приводят накопившиеся в стране проблемы, которые власть не в состоянии разрешить, и кроме того, главными их участниками, в том числе лидерами, — были русские люди. Зачем же унижать свой народ?

Я остановился на этом лишь затем, чтобы обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, автором — а он далеко не одинок — явно движет чувство обиды, что кто-то его в чем-то опережает, хотя он и представитель государствообразующей нации. Это не что иное, как этнический национализм. Но я готов разделить возмущение автора, когда так же, обвиняя «чужих» и оправдывая «своих», ведут себя евреи, чеченцы или армяне, когда принадлежность к этносу воспринимается как источник каких-то особых прав. Государство, в котором живут разные народы, может мирно существовать либо как империя, в которой народ метрополии имеет больше прав, поддержанных силой; либо как национальное государство с гражданской нацией, в котором людей объединяет не пресловутый национальный признак, а общие ценности и институты. Третье немислимо, так как подрывает стабильность государства и ослабляет его.

Образованный интеллеktуал, приверженный идеям этнического национализма, для меня ничем не отличается от скинхедов, зарезавших таджикскую девочку в Петербурге или убивших африканца в Воронеже. Они питаются его идеями. Наша сегодняшняя беда в том, что мы уже ушли от империи, может быть вопреки своему желанию, и еще не пришли к гражданской нации. А этот переход посложней, чем от плана к рынку.

Во-вторых, А. Ципко видит со стороны нацменьшинств угрозу русскому национальному самосознанию, для которого характерны «традиционные русские амбиции на державность», гордость одержанными победами, то есть прежде всего достижениями великой империи. Иначе говоря, он разделяет и мнение А. Проханова о том, что русские — имперская нация. А кто стремится изменить традиционную ментальность, традиционные институты и ценности, чтобы сделать их более продуктивными, более современными, — тот русофоб, и надо выяснить, нет ли у него еврейских или каких-либо еще «не тех» корней.

Это очень важный вопрос. Если русское национальное самосознание действительно отличается не только стремлением к бережному сохранению традиций и гордостью за былые победы — само по себе это никому не мешает, — но и нежеланием меняться, чтобы сделать открытым и конкурентоспособным свое государство, то я боюсь за судьбу такой нации. К счастью, в большинстве своем русские, даже если и разделяют какие-то предубеждения, не являются этническими националистами, а, напротив, обычно открыты для усвоения опыта других культур.

Нельзя не вспомнить и другую печальную историю — связанную с русскими немцами. После краха коммунистической системы немцы Поволжья, депортированные в годы Великой Отечественной войны в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию, пытались вернуться на земли, освоенные ими начиная с царствования Екатерины II, но встретили сопротивление со стороны местного населения и властей. Другие попытки восстановить свои права также кончились ничем. И тогда начался исход.

Во что обошелся России этнический национализм только в отношении евреев и немцев, показано в таблице ниже.

Таблица 1. Численность немцев и евреев в границах нынешней Российской Федерации (по данным переписей населения, тыс. чел.)

	1939	1959	1989	2002	2002, %
Немцы	862,5	820,0	842	597,2	69,2
Евреи	891,0	880,0	570	229,9	26,0

Источник: Вишневский А.Г. Русский или прусский. М.: ГУ – ВШЭ, 2005. С. 189–192, 201–204; Росстат. 2002. С. 91.

Конечно, эмиграция была обусловлена многими причинами. Евреи стали уезжать из России в США с конца XIX века. Российская империя в 1880-х годах была главной страной их расселения — здесь жили 53% всех евреев в мире. В 1897 году их насчитывалось в России 5,2 млн человек. Потом начались по-

громы... Когда возникло государство Израиль, оно стало новым центром притяжения. Что касается немцев, то, конечно, тяжелую травму нанесла им депортация в военные годы. Достаточно заметить, что в 1989 году в Казахстане проживало 958 тыс. немцев, больше чем в России (из 842 тыс. российских немцев 483 тыс. жили в Сибири). Переезжать в европейскую часть страны, где они жили до войны, им долгое время запрещали, как и другим депортированным народам.

Как известно, СССР был закрыт для эмиграции (кроме некоторого количества евреев в 1970-х годах). Когда же клапан открылся, а условия жизни не стали лучше (свою роль в этом сыграла и ксенофобия), отток евреев и немцев оказался весьма интенсивным. Можно предположить, что немецкая и еврейская диаспоры в России, если тенденция не изменится, вскоре исчезнут как значимое явление. Выиграет ли от этого Россия?

Хочу еще напомнить о турках-мехетинцах, которые тоже не могли найти себе места в огромной стране, и их в конечном счете вытеснили из Краснодарского края. Их согласились принять США, чему губернатор А. Ткачев был несказанно рад. Интересно, что в Ростовской области с тем же народом не было никаких проблем, они и сейчас там живут и работают.

Факт остается фактом — русский национализм (имперский и этнический) усиливается. Он питается новым характером отношений с национальными меньшинствами, конкуренцией и «патриотической» риторикой властей и их примиренческим отношением к разжиганию национальной розни, чаще всего квалифицируемой как бытовое хулиганство. А главным образом — препятствиями, чинимыми строительству демократии и гражданского общества, а значит и гражданской нации.

Взрыв на Черкизовском рынке в Москве в августе 2006 года, унесший жизни 11 человек и еще 50, в том числе русских, покалечивший, был оценен специалистами как некий качественный скачок. Небольшая группа молодых, сравнительно образованных людей, используя профессиональные знания (студенты-химики) и интернет, изготовила взрывное устройство и привела его в действие в месте, где обычно бывает много таджиков, узбеков, китайцев, — такого еще не было.

А. Белов, лидер националистического Движения против нелегальной иммиграции, заявил, что борьба против национализма, усилившаяся в последнее время, заставляет людей, озабоченных нелегальной иммиграцией и этнической преступностью, переходить от легальных форм проявления политической и общественной активности к нелегальным. Если государство не справляется со своими функциями, то естественная реакция человека, особенно молодого, — решить проблему самому. Государство должно работать с молодежью. «В Чечне в этом плане правильная политика, — говорит А. Белов, — боевик мо-

жет прийти, покаяться, его устроят на работу в правоохранительные органы. <...> В Америке есть специально разработанная теория “белого сопротивления”, показывающая, что акции устрашения осуществляют мелкие группы, три-пять человек, никаких организаций» (Московские новости. 2006. № 32).

Это мнение легального националиста, и к нему стоит прислушаться. Действительно, загоня националистов в подполье, лишая их легальных возможностей выражать свои идеи, применяя к ним только репрессивные меры, изжить их влияние вряд ли удастся. Нынешнее полуправильное положение только прибавляет им привлекательности.

В то же время А. Копцев, явившийся в синагогу убивать евреев, пропитался антисемитскими настроениями, по словам его адвокатов, под влиянием националистических публикаций в интернете, в особенности книги В. Истархова «Удар русских богов». Подобные же идейные источники сформировали умонастроения террористов с Черкизовского рынка. О том, что за поджигательской националистической литературой далеко ходить не надо, известно, я думаю, всем. На лотках рядом с книжными магазинами и в подземных переходах, в любом киоске с печатной продукцией такая литература в изобилии, хотя за ее издание можно и нужно судить. Низменные инстинкты возбуждаются легче всего, так что подстрекательская литература должна быть запрещена, а ее авторы и распространители должны преследоваться по закону. Другое дело, что сделать это трудно, ибо в милиции, прокуратуре, судах немало тех, кто сочувствует националистическим экстремистам. Мягкость приговоров, решения, вынесенные присяжными в пользу «своих», поражают. Жесткий приговор антисемиту Копцеву, устроившему резню в синагоге, — исключение, свидетельствующее о том, что опасность дальнейшего роста национализма начинает, возможно, осознаваться властями.

И все же надо, видимо, провести границу дозволенного. Свой рецепт предлагает А. Дугин. Экстремальные, скинхедовского типа проявления национализма он называет «национализмом ненависти», отмечая его стихийный, неуправляемый характер, и противопоставляет ему «национализм любви». Прямо как у Оруэлла.

«Необходимо признание ценности каждого народа, — говорит А. Дугин, — перед лицом российской государственности с выделением особой роли русского этноса, исторически являвшегося и остающегося осью... государства. <...>

“Национализм любви” основан на повышенном внимании к истории своего народа, историческим культурным традициям, языку, к передаче новым поколениям традиционных ценностей. Сюда же можно отнести и усиление роли религиозного фактора в воспитании, образовании и формировании морального облика народа. Мобилизация национального самосознания перед лицом угрозы глобализации и универсалистских претензий западной либеральной

культуры также является одним из проявлений “национализма любви”. <...> Всякий народ, который практикует в самом себе “национализм любви” в отношении самого себя, становится при таком подходе логическим союзником других народов...» (Время новостей. 2006. 7 июля).

При этом «перед лицом государства все его граждане абсолютно равны», утверждает А. Дугин, признавая тем самым принцип гражданской нации. Сам факт признания равенства граждан, культурной автономии народов делает приверженцев такой позиции приемлемыми участниками демократического политического процесса. Может ли, как считает А. Дугин, «национализм любви» преодолеть «национализм ненависти»? Не знаю... Но идейное течение, готовое действовать в легальных рамках, пользующееся влиянием среди граждан, не может быть выброшено из политической жизни. В этом суть демократии. Но те, кто будет это течение представлять в политике, должны взять на себя ответственность за деятельность своих сторонников. Тогда мы сможем легче перенести это опасное заболевание, выработать иммунитет против него. И закон сможет действовать с необходимой эффективностью.

Далее, стоит изучить процесс появления и укоренения в России иностранцев. Одно дело, когда люди приезжают учиться. Преступления против них самые опасные, потому что они направлены не только против лиц с другим цветом кожи или разрезом глаз, но и против своей страны. Если бы не активность отечественных нацистов, Россия могла бы восстановить и развить экспорт образовательных услуг, один из самых перспективных видов деятельности в новой экономике, основанной на знаниях.

Другое дело, когда граждане стран СНГ прибывают в Россию работать, потому что прибывают они чаще всего незаконно. Они платят не налоги — они платят милиции. Потом устраиваются, начинают зарабатывать, с помощью своих «крыш» в правоохранительных органах получают вид на жительство. К ним приезжают земляки, формируются общины, также существующие нелегально или полуполюгально, по понятиям, но не по закону. Деньги решают всё. И, возможно, именно это делает поведение приезжих, тем более успешных, столь развязным, раздражающим коренное население. Враждебность нарастает, учащаются конфликты. Складываются нормы противостояния, допускающие насилие, формирующие ненависть к иностранцам и сходные ответные чувства. Но на родину люди вернуться не могут: там нищета — здесь работа, сносные условия существования, возможность помогать родственникам. А иногда и богатство, влияние, власть.

В Европе картина во многом схожая. Но с одной существенной разницей: там действует закон, хотя и слишком либеральный, здесь — понятия, которые многим выгодны, прежде всего предпринимателям, местным и приезжим, которые могут нещадно эксплуатировать дешевую рабочую силу, платя копейки

и не неся никаких социальных обязательств. Думаю, изменить эту ситуацию удалось бы, приняв жесткий закон, устанавливающий правила натурализации, включая обучение приезжих русскому языку, приобщение их к нашей культуре, строгий порядок расселения и трудового найма. Но принять закон — недостаточно, нужно еще обеспечить его исполнение, а для этого понадобится искоренить коррупцию в правоохранительных органах и организовать разъяснительную работу среди молодежи, причем проводить ее должны все легальные политические партии и общественные движения. Если это станет делом всего общества, а не только государственных чиновников, то результатов мы сможем добиться быстрее, чем в Европе, учитывая негативные последствия деятельности там левых либералов и социалистов, которые в свое время проповедовали только толерантность и политкорректность, препятствуя принятию порядка натурализации, обеспечивающего сохранение европейской культуры.

Акция французского правительства по запрещению ношения хиджабов и других религиозных символов в публичных школах была одной из первых, показавшей понимание властями необходимости действий по исправлению ситуации.

Хочу сослаться на А. Прошкина, кинорежиссера, создателя фильма «Доктор Живаго», прежде всего как на человека, который понимает роль художественной культуры в оздоровлении российского общества, что крайне важно, когда речь идет о национализме, активно использующем эмоциональные рычаги влияния на людей. В интервью газете «Новые известия» Прошкин говорит о том, что в обществе всегда присутствуют созидатели и разрушители. В стабильном обществе преобладают первые, революция же поднимает разрушителей. Поэтому в любой революции, гражданской войне нация «скудеет». Сейчас нужно восстановить баланс созидателей и разрушителей. И большую роль в этом должна сыграть культура — «через ясные послания, ясные образы». «Сегодняшняя поп-культура в основном заимствована из западного общества, которое достаточно стабильно. И там это не опасно. У нас внесение этой культуры в таком масштабе, в таком объеме, выброшенное на потребу такого большого слоя разрушителей чрезвычайно опасно. Молодежь по своей биологической сути почти всегда разрушитель, и если в обществе не существует диалога с авторитетами — авторитетами власти ли, или культуры, то эта разрушительная сила дает выход. <...>

Вы представьте себе эти маленькие городки, где очень трудно живется. А молодым людям беспрестанно показывают по телевизору роскошную жизнь, и криминализованное общество, и легализованное оружие, и насилие, и кровь. И мысль начинает работать только в одном направлении: как утвердиться в этой жизни? С помощью силы грубо отвоевать для себя плацдарм хорошей красивой жизни. <...> Больше всего я боюсь идеи радикального оголте-

лого национализма, которая разрушит страну» (Новые известия. 2006. 21 авг.).

От себя добавлю, что не только в маленьких городках, но и в мегаполисах чувства и мысли молодежи, не видящей для себя пути наверх, такие же. И в этом действительно истоки оголтелого национализма. Но в то же время постреволюционное общество менее стабильно, но более динамично. Поэтому сегодня мы наблюдаем рост негативных явлений, но происходят и позитивные процессы формирования новых, более эффективных институтов, норм и ценностей – в бизнесе, в интеллектуальной среде, в обществе. Просто эти тенденции менее заметны.

Все вышесказанное имеет косвенное отношение к постимперскому синдрому в России. Национализм имперский и национализм этнический, соединяясь, образуют силу, угрожающую будущему страны. Эта болезнь, порожденная ломкой экономических и социальных отношений, может стать хронической, а стало быть, очень опасной, даже губительной для страны. Как мы видели, избавление от нее связано с законностью и демократией.

9. Чечня

Обсуждать эту проблему больно. Трудно быть «объективным наблюдателем» той крови, которая уже пролилась и еще может пролиться. Дискуссия по «чеченской проблеме» идет постоянно, но ее участники, к сожалению, по-прежнему не хотят услышать друг друга. Причем каждая сторона готова признать врагом всякого, кто не разделяет ее позицию.

Российская официальная позиция (в Чечне ее поддерживают те силы, которым обещана власть в республике) состоит в том, что сепаратисты представлены немногочисленными бандами боевиков, включенными в сеть международного терроризма. Разрешение конфликта возможно только силовыми методами. Сепаратистов можно изолировать от населения, которое хочет мира и нормальной жизни. Кроме того, раз это террористы, с ними нельзя вести переговоры: только суд или уничтожение.

Позиция сепаратистов: они борются за свободу и независимость чеченского народа. Ислам есть фактор национальной и культурной идентичности и поддержания воли к борьбе против угнетателей. Террор – это только метод, единственный из оставшихся в их распоряжении.

Позиция европейской либеральной демократии: исторически Россия – завоеватель и угнетатель. Можно понять ее позицию, ее лидеры обязаны защищать территориальную целостность страны после распада империи, иначе они утрачивают легитимность в глазах большинства своего народа. В то же время есть принцип национального самоопределения, без учета которого не получится устойчивого мира. Есть права и свободы человека, которые нарушаются в Чечне уже много лет. Поэтому достойный выход для всех – только перегово-

ры с теми, кто пользуется реальным доверием чеченского народа. Такова же примерно позиция наиболее последовательных, но немногочисленных российских радикальных демократов.

К сожалению, эти позиции несовместимы: первым двум сторонам нужна только победа, третью сторону никто не хочет слушать, так как ее предложения неприемлемы для прямых участников конфликта, но каждый из них хотел бы заручиться ее поддержкой или хотя бы нейтрализовать ее.

Чечня – кровоточащее наследие империи. Напомню: она была завоевана Россией уже во второй половине XIX века после войны, длившейся десятилетия. «Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал» – это Лермонтов. Л. Толстой нарисовал дикий и гордый образ Хаджи-Мурата. Через 100 лет – ссылка целого народа в Казахстан, в голую степь. Гибель и бесправие сотен тысяч людей. Потом возвращение в родные горы, без всяких извинений со стороны власти, без возмещения ущерба. Понятно, что у этого свободолюбивого народа не было особо теплых чувств к русским. Пусть каждый из нас попытается представить себя на месте чеченца, равно как эстонца или поляка.

СССР распался по границам союзных республик, по Конституции имевших право на самоопределение вплоть до отделения. Произошло это без вооруженных конфликтов. Часть чеченской верхушки решила, что пришло и ее время, тем более что демократическая власть в Москве готова была поддержать ее выступление против местной советской элиты. Но она недооценила важность для российской власти территориальной целостности РСФСР в момент, когда рушилась империя. Отделение советских республик народ с трудом, но переваривал, но если бы власть оказалась неспособна сохранить целостность уже собственно России, западные границы которой прошли теперь где-то по границам Московского царства середины XVII века, о сохранении ею своей легитимности, как и о поддержке обществом рыночных и демократических реформ, не пришлось бы даже говорить. Так что ни клочка территории РСФСР власть уступить не могла.

Мне кажется важным при обсуждении этой темы вспомнить о тех ограничениях, которые категорически не могла переступить ни одна из сторон конфликта, начав действовать определенным образом. Российская власть не могла согласиться на отделение Чечни. Чеченская верхушка во главе с Дудаевым, объявив независимость, потеряла бы доверие своего народа, откажись она от этого лозунга. Социальная катастрофа происходит не потому, что ее кто-то хочет, а потому, что одна за другой складываются ситуации, в которых никто не может уступить, рассчитывая не на компромисс, а только на победу.

Если говорить о моих личных оценках, то я считаю, что та часть чеченской элиты, которая начала борьбу за отделение от России, с первых шагов проявила предельное невежество и безответственность по отношению к собственному

народу. Она втравила его в войну на самоуничтожение. Со своей стороны российское руководство, после непродолжительных усилий по формированию внутривеченской оппозиции сепаратистам, не подкрепив ее должным образом ни в военном, ни в идейно-политическом смысле, допустило ее поражение и полную дискредитацию в чеченском обществе, после чего перешло к войне против собственных граждан как против войск иностранного государства. Между тем речь шла о национально-освободительной борьбе, и призывы сепаратистов, к сожалению, нашли отклик в сердцах большинства чеченцев. Простым людям было невдомек, насколько юридически принципиально различие между Эстонией, республикой союзной, и Чечней, тоже республикой, только автономной в составе России.

Окажись центральная власть в России еще слабей, найдись помощники извне, как они нашлись в Боснии и в Косове, запыхала бы гражданская война — тогда у Чечни появился бы шанс стать независимой. И, наверное, не только у нее одной на Северном Кавказе. Но кто бы выиграл в этом случае? Никто! Кровавый след империи протянулся бы еще дальше, стал бы еще глубже.

Сейчас модно осуждать попытку соглашения в Хасавюрте, усилия А. Лебедя, разговор В. Черномырдина с Ш. Басаевым, тогда еще не международным террористом. За что? За то, что действовали из гуманных соображений, желая спасти жизни своих граждан? За то, что армия, превратив Грозный в пепелище и даже в таком виде не сумевшая его удержать, чувствовала, что ее предали? Но ее предали раньше, бездарно начав войну, которую нельзя было выиграть. Ее поставили в положение, когда героями становились такие люди, как Буданов или Ульман. Я думаю, что Хасавюрт был хоть и неудачной, но реальной попыткой найти достойный выход для всех.

Потом, после вторжения Басаева и Хаттаба в Дагестан, началась вторая чеченская война. Неустойчивое общественное мнение в России ее поддержало, потому что жег позор поражения и уж очень заманчиво было «мочить в сортире» этих бандитов. Е. Примаков предлагал остановиться на Тереке. Его не послушали. Зарубежные правозащитники требовали начать политические переговоры, дать возможность самим чеченцам искать пути к примирению. На самом деле все так и было сделано: появился А. Кадыров, удалось противопоставить одни чеченские тейпы другим, сложился круг «своих» чеченцев, с которыми и велись успешные переговоры. Б. Гантамирова тогда пришлось отодвинуть, ибо он не относился к числу «своих». Проведены выборы. А мира нет. Война в обычном смысле и вправду, видимо, закончилась, но начался террор: Норд-Ост, взрывы в московском метро, гибель самолетов, Беслан. Стрельба и жертвы каждый день.

Сейчас можно сказать, что чеченская политика Путина, начиная от поддержки США в борьбе с международным терроризмом и кончая отнесением чеченских сепаратистов к числу международных террористов, увенчалась от-

носителем успехом. Но хочу подчеркнуть: Чечня — не только наследие империи, но и результат определенно имперской политики, которая влечет за собой все новые осложнения. Ибо борьба идет за души людей, за то, будут ли они чувствовать себя подневольными подданными или свободными гражданами. И чеченцы, и русские. А тут имперские методы бессильны. Что дальше?

10. Россия и ближнее зарубежье

Может быть, наиболее наглядно имперский синдром проявляется во взаимоотношениях новой России с отпавшими от империи странами, с так называемым ближним зарубежьем.

«Вести из стран СНГ, как вести с фронта. Потеряны Грузия, Украина, Молдавия, Киргизия. Аджария пала. Приднестровье в осаде. Враги устраивают диверсии в Узбекистане и Казахстане, подбираются к Белоруссии. Минск держится, но если он падет, страшно подумать, — открывается дорога на Москву. Что же за война идет на просторах СНГ? Кто, с кем и за что воюет?» (Независимая газета. 2006. 27 марта).

Это выдержка из статьи одного из авторов нашей книги, Д. Фурмана. Он полагает, что сегодня мы видим продолжение той холодной войны, которую вели Запад и СССР, только теперь на значительно более узком пространстве. И с той разницей, что тогда СССР опирался на коммунистическую идеологию, которая ему заменяла совсем уж архаичную имперскую, а сейчас российские власти, стремясь расширить и укрепить кольцо безопасности вокруг своей страны, никакой идеологии не имеют. И Запад также решает подобную задачу, но у него идеология есть — это демократия: сам придерживаясь демократических ценностей, он хочет, чтобы вокруг были страны, их разделяющие.

Итак, Россия сегодня оказалась как бы в идеологическом вакууме. На словах и она за демократию — правда, суверенную и управляемую. А еще за державное величие. Но на эти лозунги никого «поймать» нельзя, кроме подобных или еще более жестких режимов, которые смотрят на Россию как на свою последнюю опору. Такова ситуация, сложившаяся через 15 лет после распада СССР. А почему так случилось?

Как только почувствовалось веяние свободы и угроза насилия с целью удержания империи показалась менее вероятной, во многих республиках, обладавших по советской Конституции правом самоопределения вплоть до отделения, стали нарастать сепаратистские настроения. Первыми стали отходить страны Балтии. Усилились антироссийские настроения в Грузии, особенно после тбилисских событий 1989 года. Начался армяно-азербайджанский конфликт в 1988 году из-за Нагорного Карабаха. Украина, подталкиваемая националистами западных областей и подозревающая, что москали даром едят украинское сало, а российские реформаторы принесут стране новые невзгоды, в декабре

1991 года на референдуме проголосовала за независимость. До этого в течение двух лет Б. Ельцин вел борьбу против союзного центра за суверенитет Российской Федерации, а союзный центр инициировал выступления автономных республик в составе России, например Татарстана, за выход из Федерации и получение статуса союзной республики. Мятеж Чечни стал замыкающим звеном этого процесса.

Одновременно обострились национальные конфликты в других республиках: в Грузии — Абхазия, Южная Осетия и Аджария резко выступили против национализма президента Гамсахурдиа, в Молдавии русифицированное Приднестровье воспротивилось идее объединения Молдавии с Румынией. Имперские силы в России не замедлили подлить масла в огонь и придать этим конфликтам затяжной характер, чтобы иметь возможность оказывать давление на бывшие республики. Они же зондировали вопрос о возврате России Крыма или хотя бы Севастополя. На Востоке распад СССР вызвал иную реакцию. Там выращенные советской властью элиты, имея возможность соединить советские институты с властью феодальных кланов, опасались последствий распада Союза, не очень его хотели, но, когда он произошел, почти повсюду захватили власть и сохранили прежние режимы практически в неизменном виде, хотя с вариациями — от откровенной диктатуры Ниязова в Туркмении до относительно демократичного режима Акаева в Киргизии. Они все в той или иной мере тянулись к России как к более развитой метрополии, служившей им опорой против поднимавшего голову исламского фундаментализма.

В таком состоянии была зафиксирована первая фаза стабилизации на постсоветском пространстве. С одной стороны, она характеризовалась относительной слабостью России, переживавшей трансформационный кризис и не желавшей особо активно вмешиваться в дела соседей в ближнем зарубежье, кроме совсем уж крайних случаев. Тем не менее, исключая Чечню, стабилизировалась ситуация и в самой России, угроза ее дальнейшего распада миновала. С другой стороны, в большинстве стран СНГ установилась власть бывших советских элит. Все они были тесно связаны с Россией и экономически очень зависели от российских рынков. Между некоторыми лидерами шло своеобразное соревнование за то, кто будет ближе к Москве (Лукашенко и Назарбаев), при этом эксплуатировались настроения, связанные с постимперской ностальгией, в самой России. Особенно это касается идеи союзного государства России и Белоруссии. Так продолжалось до 2004 года.

Затем началась полоса дестабилизации, которая связана с двумя важными «группами» событий:

1) вступление стран Балтии в НАТО и Европейский союз, после чего они почувствовали себя настолько защищенными, что стали предпринимать действия, откровенно раздражавшие Россию;

2) начало смены элит в ряде государств СНГ, «цветные революции» в Грузии, Украине и Киргизии, кровавые события в Андижане. Молдавский президент коммунист Воронин, считавшийся верным союзником Москвы и человеком, способным вместе с Россией решить проблему Приднестровья, вдруг повернул на Запад. В Средней Азии появились американские военные базы. В Узбекистане их позднее ликвидировали, но только тогда, когда американцы стали проявлять недовольство жесткостью режима И. Каримова. Все это означало, что, несмотря на явное восстановление сил России и ее желание укрепить свое влияние на постсоветском пространстве, развитие пошло в противоположном направлении.

Почему? Этот вопрос заслуживает отдельного обсуждения. Мне такой поворот представляется естественным. Во-первых, неприязнь к России как к метрополии бывшей империи, то есть источнику гнета, в какой-то мере было неизбежным компонентом национального возрождения. Во-вторых, в новых условиях Россия мало что могла предложить новым независимым государствам кроме нефти, газа и оружия. В то же время из-за смены внутреннего курса она утратила роль лидера рыночных и демократических реформ для стран СНГ, каковой была в 1990-е годы. При том что в этих странах начались процессы реального осознания независимости, формирования национального самосознания и новых элит. Нужно было искать новый тон во взаимоотношениях. Путин очень точно выразил принцип прежнего стиля: мы всегда поддерживали существующие режимы. Это значит, что с новыми элитами общего языка не искали.

Здесь для нас важно то, как имперские амбиции России влияли на отношения на постсоветском пространстве и наоборот. Во-первых, имперские тенденции в российской политике усилились — Москва добивалась того, чтобы постсоветское пространство всеми державами было признано преимущественной сферой российских интересов, и стремилась упрочить свое влияние — и политическое, и экономическое, и военное. Во-вторых, эта политика привела к ряду крупных неудач, можно сказать, что и в целом она себя не оправдала. Попытка продвинуть в президенты Абхазии одного из двух промосковских кандидатов продемонстрировала убогость и бессмысленность имперской политики и ее подчиненность мелким групповым интересам. Вмешательство в президентские выборы на Украине оставило такое же ощущение грубости и неповоротливости. Упрямство и недалновидность московских и киевских политиканов, убедивших Путина в том, что только Янукович будет проводником российских интересов, поставили президента в неловкое положение проигравшего, хотя с самого начала было ясно, что в интересах стратегического партнерства с самым важным соседом России лучше всего было бы уважительное невмешательство в его внутренние дела. Сейчас, после парламентских выборов и возвращения Януковича на пост премьера, казалось бы, Москва одер-

жала верх. На самом деле на Украине победила демократия, а это именно то, чем она сегодня более всего отличается от России. Демократия ее противникам кажется источником слабости, но она в конечном итоге придает силы и делает страну привлекательным примером.

Драмой русского народа, ставшей прямым следствием длительного существования империи и ее распада, стало то, что за границами России оказалось более 20 млн русских, превратившихся в национальные меньшинства в новых государствах, там, где большинство из них жили с рождения. Можно понять их чувства в связи с тем, что они потеряли статус титульной нации империи и права, которые вытекали из этого статуса. Например, право не знать языка коренной национальности. Но следует понять и чувства местных жителей. Ни с той ни с другой стороны люди ни в чем не виноваты, за их судьбу ответственны те, кто принимал государственные решения, казавшиеся важными и правильными в свое время. Их давно уже нет в живых, а ныне живущие, прежде находившие общий язык, разделены сегодня взаимными обидами.

Такова ситуация в Балтии, Центральной Азии, Закавказье — русские там, несомненно, оказались ущемлены. А вот на Украине и в Белоруссии, где в городах преобладает русская культура, особых притеснений в отношении наших соотечественников не было и нет. Поэтому недавнее решение украинских властей о переводе судопроизводства на «українську мову» кажется несколько странным и уж во всяком случае создающим массу неудобств и для русских, и для украинцев. Двуязычие, как в Финляндии, явно было бы предпочтительнее.

Новая Россия ни в коем случае не должна использовать присутствие русских и русскоязычных граждан в соседних государствах, чтобы пытаться влиять на политику последних. Учитывая демографическую ситуацию в нашей стране, стоит предоставить наиболее благоприятные условия желающим переехать в Россию (аналогичные программы существуют, например, в Израиле), причем не только этническим русским. А права тех, кто предпочитает остаться на нынешнем месте жительства, — защищать, если они ущемляются законодательно или фактически. Но при этом помнить, что мы и сами не желали бы предоставлять гражданство людям, которые не хотят воспринимать нашу культуру, наш язык. Это заложено в идее гражданской нации.

Полагаю, что политика России в ближнем зарубежье, в том числе и в отношении живущих там русских, должна стать более толерантной. Мы должны отстаивать свои интересы, но цивилизованно, как подобает демократической стране, без имперских замашек. Вернуть роль лидера, прежде всего культурного и идеологического, России удастся только тогда, когда она действительно повернет к демократии и будет с опережением решать те проблемы, которые перед ней стоят.

11. Почему нас не любят

По-моему, П. Данинос писал, что все нации противные, только французы милы, но их все обижают. Мы сегодня тоже зачастую обижаемся на то, что, хотя мы так милы, нас почему-то не любят. То желают оттяпать часть территории, то ущемляют самолюбие, то требуют какого-то покаяния, приводя в пример немцев, тогда как немцы убивали в основном чужих, а мы — своих. И мы в сердцах отвечаем: получите от мертвого осла уши!

Думаю, не любят нас потому, что в течение трех столетий мы норовили покорить соседние народы, а покорив, старались заставить себя любить за те блага, которые предоставляли взамен свободы и независимости. Мы говорили о дружбе народов, об интернационализме, и нам действительно какое-то время верили. Но потом мы не выдерживали и давали понять, что русские — первые среди равных.

Поэтому восточноевропейские страны, бывшие наши союзники по Варшавскому договору, а также страны Балтии так торопились вступить в НАТО и ЕЭС. Для них это было равносильно тому, чтобы, как в богатых подмосковных усадьбах, спрятаться за высоким забором, из-за которого, уже без опаски, можно напомнить русскому медведю о его прегрешениях.

В нашей совместной истории был момент, когда новая, демократическая Россия могла начать новую эру во взаимоотношениях с соседями. Это было в 1991 году, когда русские демократы, Б. Ельцин в ответ на события в Вильнюсе, выдвинули лозунг «За нашу и вашу свободу!». Выдвинули — но не смогли удержать: ущемленное самолюбие, имперские амбиции, с одной стороны, недоверие, стремление отыграться за прошлые обиды — с другой, взяли верх. Наши попытки сохранить влияние в бывших окраинах империи, опора на прежние элиты, выросшие под сенью Кремля, сильно способствовали возрождению исконных страхов и неприязни по отношению к России.

12. Что такое сегодня имперские амбиции

Очевидно, что никто прямо не требует восстановления империи или СССР, амбиции проявляются в реальной политике, а не в риторике. Кроме того, положение России ныне таково, что она по объективным причинам после распада империи несет потери, терпит чувствительные для своего престижа обиды со стороны соседей, бывших ее частей. Внутри страны тоже время от времени проявляются сепаратистские настроения. Все это требует от России, ее властей и граждан адекватной реакции, форму которой выбрать бывает довольно сложно. В результате геополитических изменений последнего десятилетия XX века мы являемся потерпевшей стороной. Связанные с этим чувства вполне понятны. Плохо, когда они захлестывают и толкают на опрометчивые действия, особенно такие, которые в ближнем и дальнем зарубежье могут быть истолкованы

как попытки вернуть утраченное, восстановить господство над бывшими частями империи, расширить сферу своего влияния. Если политика не только может быть истолкована подобным образом, но и на самом деле хотя бы отчасти преследует подобные цели с потерями для престижа и экономики страны — можно говорить об имперских амбициях.

Начинаются они с того, что во всем видится стремление обидеть, унижить Россию. Как будто мы не могли справиться с Басаевым только из-за того, что чеченские боевики скопились в Панкисском ущелье. Или нам не выдают Гусинского, Березовского и Закаева только из желания нагадить России, а не потому, что в Европе независимый суд и там с недоумением наблюдают за новым антидемократическим поворотом российской политики. И возникает простая мысль: была бы у нас прежняя сила, вряд ли бы осмелились так с нами поступать (при этом как-то не вспоминается, что в свое время мы точно так же поступали с другими). Мы окружены врагами, против нас плетут заговоры. Вместо политики — конспирология. Это и есть фантомные боли империи.

Я вовсе не считаю, что России не нужна армия и спецслужбы, не нужно умение справляться с проблемами безопасности. Но демократические страны уже многие десятилетия не воюют друг с другом, находя способы решения проблем за столом переговоров. И не наращивают свои Вооруженные силы так, чтобы противостоять США или НАТО. Нужно иметь мужество и терпение, чтобы в ходе переговоров отстаивать интересы своей страны, оставаясь в определенных рамках, чтобы не портить отношения, не упускать выгоды от сотрудничества и открытости.

В последнее время в связи с восстановлением экономики и притоком нефтедолларов наша страна стала более сильной и влиятельной. Российское руководство, видимо, решило, что нужно воспользоваться этим, чтобы последовательно отстаивать и продвигать национальные интересы. Что ж, в этом нет ничего дурного. Вопрос в том — как. Позиция власти, получившая отражение в публичной риторике, такова: благожелательное отношение к России Запада и особенно США в 1990-е годы было обусловлено ее слабостью. Она больше не представляла угрозы, с ее интересами можно было не считаться. А Ельцин, нуждаясь в Западе, должен был уступать. Теперь ситуация изменилась, и мы можем показать зубы. Последнее значит поступать не просто в соответствии со своими интересами, но и не считаясь порой с интересами других. Можем себе позволить!

Такое миропонимание позволяет легко объяснить «оранжевую революцию» на Украине вмешательством внешних сил, которые через неправительственные организации накачивали оппозицию финансовыми ресурсами. При этом цель их якобы состояла в том, чтобы нанести ущерб интересам России. О том, что делала сама Россия, чтобы обеспечить победу Януковича, умал-

чиваем. Как и о том, что главным мотивом событий на Майдане было стремление граждан избавиться от коррумпированного олигархического режима, что люди хотели свободы и демократии. Кстати, российский авторитаризм сегодня норовит забыть, что сам стоит на почве августовской революции 1991 года. Проще пугать граждан Майданом как символом хаоса, дестабилизации, которые, дескать, угрожают и нам.

Может быть, это делается в интересах пропаганды, чтобы обосновать выступление «Наших» против сторонников демократии в самой России или оправдать репрессивные меры против собственных НКО, а заодно донести до широких масс идею, что либералы, демократы, правозащитники выступают сегодня как агенты Запада против интересов России, как это было и в 1990-е годы? Да, разумеется, логика пиар-кампании прослеживается. Но только ли? Я думаю, дело скорее в схематичном, однобоком восприятии действительности нынешней правящей элиты, сформированном под влиянием характерных для ее наиболее влиятельной части имперских амбиций и традиционного милитаризма. Это показано в докладе А. Гольца, который вы можете прочесть ниже. Вот, скажем, не нравится Западу «новоизобретенная» российская управляемая демократия, и этим в первую очередь объясняется ухудшение его отношения к нам. Но она нужна для упрочения позиций правящей элиты — и позиция Запада объявляется позицией двойных стандартов, продиктованной страхом перед усилением России и ее вновь обретенной способностью защищать свои интересы. Мы придумываем «суверенную демократию», чтобы оправдать авторитаризм.

Имперские амбиции и авторитаризм взаимосвязаны. Великодержавная риторика как бы заменяет либеральные реформы и демократию. Вождь, возвышающийся над покорным ему народом, сплоченным для подвигов во имя величия державы, готовым к жертвам по приказу победителя, — не это ли мистическая мечта, поднимаемая на щит имперским национализмом?

Еще раз подчеркнем, что защита и продвижение национальных интересов — обязанность руководства страны. Вопрос в том, что считать национальными интересами и каким образом их отстаивать. Вернуть величие державы, максимально расширить сферу ее влияния, располагать силой, которая заставит другие страны нас уважать и бояться, — один подход. В его основе убеждение, что мир, по сути, не изменился, да и не будет меняться, и в основе его существования по-прежнему лежит принцип «кто сильнее — тот на коне». Ну, как США в Ираке, например. Это как бы вечная истина. Может быть, такой подход был уместен до окончания Второй мировой войны, но уже во время холодной войны он стал утрачивать смысл, потому что применение силы во взаимоотношениях мировых держав стало невозможно. Тем более это верно после окончания холодной войны, распада СССР и Восточного блока.

Я понимаю, подобные взгляды органично присущи военным, представителям спецслужб, МИД — так сказать, профессиональная специфика, особенно если учесть стойкую имперскую традицию. Политики обязаны принимать во внимание их аргументы, но должны слушать и других. Иное понимание национальных интересов России состоит в том, что она потеряла много времени и должна наверстать упущенное, максимально концентрируя силы на повышении конкурентоспособности в глобальной экономике, на росте благосостояния россиян, на решении внутренних проблем развития. Сейчас для этого исключительно благоприятное время — минимум угроз безопасности страны, широкие возможности для налаживания международного сотрудничества, позволяющего привлечь в Россию все лучшее, что есть в мире. Не надо ни с кем ссориться по пустякам. Ну, насакивают ближайшие соседи — нужно великодушно говорить им: мы вас понимаем, но за прежнюю имперскую политику не отвечаем. Чего-то хотят от нас мировые державы — наш ответ: мы с вами в борьбе с мировым терроризмом, против распространения ядерного оружия, но в первую очередь нам надо сосредоточиться на наших проблемах. Однако мы этого не делаем.

Мой друг И. Клямкин сказал при обсуждении этой статьи: «Страна, выходящая из империи и уходящая от демократии, живет в имперской инерции». В чем это проявляется? Во-первых, в претензии на доминирование в СНГ посредством поддержки недемократических режимов и в использовании экономического давления на режимы демократические. Во-вторых, в силовом насаждении унитаризма внутри страны в ущерб реальному федерализму, включая отмену выборов губернаторов. В-третьих, в выдвигании альтернативных демократическому миру проектов государственного устройства типа «суверенной демократии» под предлогом учета «национальных особенностей». Это связано и с вопросом о месте России в мире. В-четвертых, в беспомощности перед национализмом.

Это не лучшая политика для нашей страны.

В 2003 году, выступая в Инженерно-экономическом университете в Петербурге, А. Чубайс выдвинул идею «либеральной империи». Кто только над ним потом не издевался, в том числе один из наших авторов, А. Пионтковский, который и сейчас не может упустить случая, чтобы не лягнуть Чубайса. Я хочу коротко обсудить эту идею, несмотря на то, что о ней уже стали забывать. Впрочем, ее подхватил М. Касьянов со своей «империей свободы» (Коммерсантъ. 2006. 29 авг.), а Н. Забродина в «Московских новостях» заподозрила Чубайса в плагиате у Путина.

Когда идея была впервые озвучена, друзья, в том числе и я, оказались озадачены, а недруги, которых всегда было более чем достаточно, получили новый повод для нападок. Я думаю, что Чубайс, в силу его нынешнего положения,

не мог не думать о необходимости выдвижения идей, которые бы примирили хоть отчасти нужные России либеральные реформы, либеральную политику с тем курсом, на который все больше ложилось руководство страны (это исключительно мое мнение, которое я с Анатолием Борисовичем не обсуждал). А далее его мысль, насколько я понимаю, заключалась в следующем: хотите расширять влияние России в СНГ, в мире — делайте это экономическими способами, тем более что у страны появились для этого ресурсы. Пусть приходят российские компании, налаживают электроснабжение, добычу нефти и газа, выплавку алюминия. А если мы будем еще проводить либеральные реформы и добиваться в этом успеха, хотя бы как Назарбаев; если мы будем развивать демократические институты и содействовать их развитию у других, делиться своим опытом, перенимать чужой, то можно не сомневаться — влияние России и ее мировой престиж будут расти быстрее, чем при любой другой политике. Если Чубайс имел в виду именно это, то я с ним согласен на все сто. Одно только лишнее слово — «империя». Ну, если только для Кремля...

13. Взгляд с Запада

После крушения коммунизма и начала либеральных реформ в России на Западе ожидали, что она встанет на путь развития рыночной демократии, присоединится к другим странам европейской цивилизации. Со временем эти ожидания подвергались все бóльшим испытаниям, сначала вследствие роста коррупции и беззакония, влияния на власть скороспелых олигархов, а затем в силу свертывания при Путине демократических свобод, нарушения прав собственности, усиливающегося давления бюрократии на бизнес. Первоначальная эйфория сменилась осторожностью политиков и новой враждебностью обществу.

Правду сказать, и в России, в том числе в либеральных кругах, испытывали разочарование в политике Запада. На время становления новых институтов российское правительство нуждалось в массивной помощи, в новом издании плана Маршалла, чтобы ускорить реформы и сократить их издержки для избирателей, а также укрепить их дружественное отношение к Западу. Но такая помощь оказана не была, точнее, ее масштабы не позволяли решить эти задачи. В итоге вместо союза получилось взаимно настороженное партнерство. Стороны пришли к убеждению, что каждый действует в своих интересах и готов уступать только выгоде и силе. В результате получилось то, что получилось.

В интервью журналу *Przeгляд* (25 марта 2005 года) бывший министр иностранных дел Польши Д. Росатти так охарактеризовал политику России: «Это восстановление сферы влияния, возвращение к имперской традиции... Действия Польши, направленные на укрепление демократии и проевропейской ориентации некоторых бывших частей Советского Союза, воспринимаются

в Кремле как враждебные». Это по поводу усилий поляков в Киеве во время «оранжевой революции».

Русский читатель спросит, наверное: а как еще эти действия можно воспринимать? Но давайте представим себе, что Россия не закручивала бы гаек и рассматривала бы демократические процессы в Украине как события выгодные России, подхватывающие ее стратегический курс. Тогда противостояние с Польшей и в целом с Западом по этому вопросу и не возникло бы. Другое дело, если в России укрепляется авторитаризм, если национальные интересы видятся в расширении сферы влияния...

В том же 2005 году в Кембридже вышла книга известного специалиста по России С. Роузфельде «Россия в XXI веке. Расточительная сверхдержава» (*Rosefelde S. Russia in the 21-st Century. The Prodigal Superpower. Cambridge University Press, 2005*). Автор стремится показать, что Россия намерена возродиться к 2010 году как полноценная сверхдержава, способная соперничать с США и Китаем в новой потенциальной гонке вооружений. Он считает, что Россия сохранила милитаризованную структуру экономики, что она генетически закодирована на имперские замашки (с. 134–135). Нынешнюю российскую экономическую модель, сложившуюся на переходе от первого ко второму президентству Путина, он называет «московитской моделью», сравнивая ее с особенностями экономики Московской Руси (поместье, кормление, круговая порука, неравенство) и с экономикой Третьего рейха при Я. Шахте, в которой была видимость свободного рынка и частной собственности, но исключительная послушность представителей бизнеса обеспечивалась угрозой казни или отправки в концлагерь (с. 68, 119).

Я не думаю, что подобное мнение сейчас широко распространено на Западе. Можно назвать книгу недружественной и русофобской. Но сам факт ее появления символичен: даже со многими преувеличениями и субъективными суждениями она отражает тенденцию в изменении отношения Запада к России, крайне для нас неприятную и опасную.

3. Бжезинский отмечает, что, возможно, «однажды одинокая Россия потеряет свой Восток», и если это случится, то только вследствие ухода ее с пути демократии к новым имперским маневрам, к обособлению от Запада. «Пойдет ли влияние России в ближайшие 15 лет на подъем, или оно будет падать, — пишет Бжезинский, — зависит от того, будет ли она более тесно связана с Европой, что, в свою очередь, будет зависеть от того, станет Россия демократией... и перестанет вызывать у своих соседей враждебность и страх, или и то и другое вместе взятое. К несчастью, эти чувства являются наследием советского и царского империализма» (Независимая газета. 2005. 29 июля).

Я не поклонник Бжезинского, но в данном случае вынужден полностью с ним согласиться.

Есть и другие точки зрения. Дж. Стил в *Guardian* постоянно пишет о непродуктивности новой «русофобии», о том, что Россия ищет новую самостоятельную роль в мире и что это естественно. Да, есть проблемы с демократией, но пусть русские решают эти проблемы сами. Для Запада важно не отпугивать Россию, не потерять ее для будущего сотрудничества. Но все же и в этих благожелательных суждениях заметно разочарование.

В редакционной статье газеты «Ведомости» от 21 июля 2006 года, после саммита G8 в Петербурге прозвучала такая мысль: «Согласие состоит не только из договоренностей между первыми лицами». В западных публикациях сквозит не «страх перед русскими», а страх перед новой политикой руководства России. Новейшую «русофобию» следовало бы назвать «кремлефобией» или, еще конкретнее, «путинофобией». Ведь антизападная риторика у нас явно отражает раздражение критикой, постоянно идущей с Запада после поворота российской политики в 2003 году.

Но, может быть, нам и не надо больше глядеть на Запад? Нельзя ли найти других союзников? Китай, например. Однако дело в том, что Китай и другие страны также прежде всего смотрят на Запад и, за исключением немногих стран-изгоев, хотят иметь с ним лучшие отношения и как с центром силы, и как с богатейшим рынком, и как с важнейшим пока источником технологий и инноваций. Жертвовать этими отношениями ради России никто не будет.

14. Мы не одни такие

Российская империя — последняя, но не единственная из распавшихся империй. Об этом мы уже говорили. И чувства, которые переживал народ метрополии, идеи, которые вдохновляли его элиту, должны иметь между собой немало общего, хотя, разумеется, каждый случай уникален.

У. Черчилль писал, что он не хочет присутствовать на похоронах Британской империи, но все же пережил ее. Особенность данного случая в том, что Британия — одна из первых демократических стран, хотя в период формирования империи, если исходить из современных критериев, ее вряд ли можно было считать таковой. Но то, что Ф. Закария называет конституционным либерализмом, в общих чертах было в метрополии уже давно (*Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004. С. 83*). И соответствующие институты внедрялись в колониях. Рискну предположить, что, несмотря на многолетнее угнетение, эти институты приносят пользу освободившимся странам до сих пор, и это не может не вызывать уважения к Британии.

Франция вела войны за сохранение колониальной империи со своими колониями — Вьетнамом и Алжиром. Последний едва не стоил ей демократии; понадобился авторитет де Голля, чтобы подавить противников деколонизации

и предоставить свободу Алжиру. В конечном счете, в том числе благодаря демократии в метрополии, Франция рассталась с империей. То же самое много раньше произошло с Испанией, позднее с Португалией. Сегодня все названные страны нашли свою дорогу к процветанию в качестве национальных государств на пути развития открытой рыночной экономики и либеральной демократии.

Пожалуй, у Российской империи больше всего общего с империей Оттоманской. И Россия, и Блистательная Порта находились рядом с более развитой Европой, многое у нее заимствовали и постоянно испытывали чувство неполноценности, ущербности, стараясь каким-то образом его компенсировать. Они отличались от Европы религией, менее динамичным социальным и экономическим устройством. «Что не так?» — назвал свою книгу известный знаток ислама Б. Льюис, пытаясь проникнуть в чувства и мысли людей, еще недавно принадлежавших к самой передовой цивилизации, одерживавшей одну победу за другой и вдруг ощутившей свое нарастающее отставание. Россия также представляла собой особую цивилизацию, у истоков которой стояли Византия и православие, но только у немногих увлеченных могла возникнуть мысль о ее превосходстве над другими с точки зрения материальных и культурных достижений. Победы, однако, были. Была и уверенность в силе, которая тем не менее не могла избавиться от ощущения, что «у них» многое лучше, и от размышлений, почему так.

В конце концов Оттоманская империя рухнула, а на ее месте возникло депотическое национальное государство, которое нашло для себя путь достаточно быстрого развития. Модернизация способствовала росту благосостояния народа и повышению конкурентоспособности страны на мировом рынке. Национализм при этом определенно оставался важной движущей силой, но это был не гражданский национализм, иначе бы он не сопровождался, особенно во времена младотурков и Ататюрка, жестокими этническими чистками. Сейчас только надежда на интеграцию в Евросоюз останавливает репрессии против курдов. В Турции, казалось, навсегда расстались с фантомами прежнего могущества. Но стоило добиться успеха, как вскоре мечты о возвращении былого влияния, выразившиеся в идеологии пантюркизма, овладели какой-то частью элиты. Также постоянно возникают призывы к исламской теократии, периодически подавляемые армией, до сих пор остающейся гарантом светского государства западной ориентации.

В России в отличие от Турции национализм вряд ли сможет мобилизовать силы нации на необходимые стране институциональные перемены. Патриотизм — да, как важный дополняющий компонент, но при условии устранения тормозящих воздействий имперских фантомов. Новая страна, новые демократические ценности: мы свободные люди, мы не знаем страха. Ради этого стоит

жить, работать, приносить жертвы, чтобы потом сказать: смотрите, какими мы были и какими стали.

15. Являются ли США империей

Этот вопрос давно обсуждается в силу той исключительной роли, которую США играют в современном мире, особенно после исчезновения второй сверхдержавы и появления того, что называют однополярным миром. Бесспорно, если посмотреть на обязательства, которые США берут на себя сами по поддержке мира и безопасности, защите прав человека, продвижению демократии в разных странах, причем не всегда с учетом желания тех, на кого распространяется их забота, в их политике обнаруживается немало имперских черт. Тем более это касается тех случаев, когда, не получив поддержки своих действий со стороны международного сообщества, Соединенные Штаты просто объясняют их интересами безопасности самих Соединенных Штатов. Понятно, что это вызывает критику, недоброжелательство, а иногда и активные антиамериканские настроения — как, собственно, и любая империалистическая политика.

Тем не менее, если судить по принятым нами формальным критериям, США не являются империей. За исключением некоторых случаев, они не захватывают территории других государств, по крайней мере с целью закрепления там своей власти на постоянной основе. Хотя американские военные базы расположены по всему миру, они размещены там с согласия хозяев. США, как правило, считаются с международными соглашениями и практически всегда стремятся к тому, чтобы их действия на международной арене поддерживались достаточно широким кругом членов мирового сообщества. Они сравнительно легко отказываются от своих планов, если их выполнение требует чрезмерных жертв и если против этого протестует большинство американских избирателей.

Доминирование США в мире началось не так давно, после Второй мировой войны, поэтому уверенно говорить об устойчивости его наподобие конгломерата имперского типа еще рано. Но я думаю, что это доминирование и влияние основаны на реальной силе, вынуждающей брать на себя ответственность. И эта сила будет достаточно устойчивой, если не перерастет в имперские обязательства.

Видимо, можно говорить о том, что в мире сложилась принципиально новая ситуация, порожденная технологическим прогрессом, глобализацией, неравномерностью развития цивилизаций и необходимостью создания каких-то новых форм равновесия в мировом масштабе.

Как мне кажется, возможны три сценария развития событий, которые я условно называю «Римская империя», Pax Americana и «Священный союз».

«*Римская империя*». Европейская цивилизация, включающая Западную Европу и Северную Америку, реально контролирующая сегодня значительную

часть мира и производящая бóльшую часть мирового продукта и инвестиций, приходит в упадок вследствие демографического кризиса и других причин и уступает место другим, менее развитым цивилизациям. Противодействие этому сценарию посредством силы, применения более совершенного оружия ряда обстоятельств невозможно, международные институты, необходимые для глобального регулирования в новых условиях, неработоспособны, поскольку не удастся прийти к соглашению о создании эффективных механизмов их действия. Такой сценарий доказал бы, что США не империя и не была таковой. Но равновесие в мире будет радикально подорвано.

Pax Americana. Функции глобального регулирования — политического, военного, финансово-экономического — берет на себя одна страна. Ясно, что сегодня это могут быть только США. Когда я говорю «берет на себя», я имею в виду, что этот лидер не считает обязательным с кем-либо согласовывать свои действия, тратить время на поиски компромиссов. Сила, поддерживаемая в необходимых масштабах, — главный аргумент. Это имперский образ действий. Если США действуют таким образом, то есть основания говорить о *Pax Americana* (как когда-то о *Pax Romana*).

Но такая имперская система в силу естественных причин рано или поздно рухнет, какой бы сильной она ни казалась. Получив явного противника, мобилизуются другие центры силы: исламский мир, Китай, Европа, создаются внутренние фронты сопротивления, растут сомнения в правильности выбранного курса сторонников империи. Итог тот же, что и в первом случае, — распад более высокой цивилизации.

Яркий пример имперской политики США — кампания в Ираке: притянутые за уши основания для вторжения, несмотря на несогласие важнейших партнеров (Германия, Франция, Россия), быстротечная успешная военная операция, а затем создание многолетнего очага сопротивления, террора, беспокойства при растущих сомнениях в моральных и политических основаниях операции.

Если США сегодня и не империя, то их образ действий нередко становится имперским, а угроза развития событий по этому сценарию — все более вероятной.

«*Священный союз*». Я выбрал этот термин по аналогии со Священным союзом, созданным по инициативе Александра I в 1815 году в Европе после победы над Наполеоном. Формально союз был создан для сохранения ведущих европейских монархий, на самом же деле его цель, по замыслу австрийского канцлера князя Меттерниха, состояла в том, чтобы ограничить в действиях Россию, которая после победы, достигнутой при ее решающем вкладе, стала играть непомерную роль на старом континенте. Поэтому следовало отдать России должное и в то же время не позволить ей действовать самостоятельно, опутать обязательствами.

Сегодня такие же ограничения нужны Соединенным Штатам. Пусть они находятся в центре системы коллективной безопасности, но не берут на себя ответственность в одиночку. Новые условия требуют глобального регулирования? Отлично! В нем должны участвовать все центры силы. Политика тоже должна стать глобальной, выйдя за рамки национальных границ.

После Второй мировой войны Б. Рассел предложил идею мирового правительства. За это его в СССР называли людоедом № 2, после Черчилля. С великими британцами бывает, что они, опережая время, заглядывают вперед, вызывая недоумение и насмешки современников. Но я думаю, что сейчас к подобным идеям придется вернуться. Региональные союзы типа ЕС полезны, но на самом деле проблему не решают, а порой даже мешают ее ясному пониманию, поскольку создают новые границы, новые препятствия в отношениях между государствами, а также дополнительное звено передачи известной части суверенных прав национальных государств на наднациональный уровень, неизбежный в условиях глобализации.

Уверен, что не хаос и не мировая империя как способ противостояния ему, а именно третий сценарий, подразумевающий создание системы международных органов глобального регулирования на базе ООН, МВФ, МБРР, ВТО, ОЭСР, — лучший путь для человечества в третьем тысячелетии.

16. Каково теперь место России в мире

Западные аналитики прогнозируют, какая картина мира сложится к 2020 году. США сохраняют свое доминирующее положение, в том числе инновационное лидерство. Следом за ними выдвигаются Китай и Индия («промышленные мастерские»). Западная Европа несколько сдает позиции, уступая новым гигантам по объему ВВП, равно как и Япония. Россию видят в третьем ряду в роли поставщика сырья и энергии, и она не играет какой-либо заметной роли в мировой политике. Это не может не задеть русских, особенно приверженцев имперской идеи, идеи сверхдержавы.

Однако можно констатировать: Россия не сможет вернуть себе прежние позиции, российской мировой империи больше не будет. И в силу изменений на мировой арене (восстановление позиций Китая и Индии, утраченных ими в XVII—XX веках), и в силу утраты значения былых факторов военно-стратегического могущества (способность к мобилизации многочисленных армий, оснащенных оружием средних технологий), и в силу истощения национальных ресурсов в прошлых попытках модернизации и расширения сфер влияния. Первое место в мире по территории (на втором месте — Канада) и, видимо, по совокупности природных богатств, примерно 12—15-е место по численности населения, 8—10-е место по объему ВВП — таковы наши объективно обусловленные позиции на первую четверть XXI века, за рамки которых нам вряд ли удастся выйти.

Давайте смотреть на вещи трезво, это залог успеха в политике. В X–XI веках Россия, восприняв христианство, была едва тронута цивилизацией. Молодая страна только начала черпать из культурной сокровищницы своего южного соседа – Византии, а также Запада и Востока, откуда вскоре пришло порабощение. До конца XVII века она оставалась в стороне от основных центров мирового развития. В начале XVIII века, в силу благоприятных обстоятельств и по воле Петра Великого, взошла ее звезда. Не в смысле технологического и интеллектуального лидерства, но военно-политического могущества. И в течение 300 лет, до последней четверти XX века эта звезда с переменной силой сияла. Россия, ценой социокультурного отставания, бедности и угнетения своего народа играла одну из ключевых ролей в мировой политике, даже когда обстоятельства изменились и отставание стало клонить империю к упадку.

СССР, используя силу новой идеологии всечеловеческого эксперимента по построению справедливого и процветающего коммунистического общества, ценой колоссальных затрат и потерь еще раз поднял страну на дыбы. После Второй мировой войны в специфической форме продолжения имперской традиции Россия на короткое время достигла высшей точки своего могущества. И тогда же стала ясна неизбежность крушения великого замысла.

К концу XX века Россия утратила позиции сверхдержавы и оказалась, если смотреть в глаза фактам, на периферии цивилизованного мира, на краю Ойкумены. Она не могла больше поддерживать военно-стратегический паритет с былыми противниками, а в остальных отношениях уже давно не была конкурентоспособной. Сегодня ВВП на душу населения составляет половину от ВВП стран, замыкающих список «золотого миллиарда». Что же дальше?

Дальше наш путь лежит между двумя альтернативами:

1) предпринять максимальные усилия для удовлетворения имперских амбиций, в который раз принеся в жертву свободу и благосостояние народа, процветание страны, ее престиж в мире;

2) сделать реалистичные выводы из уроков прошлого, учесть изменившуюся ситуацию в мире и уделить главное внимание повышению благосостояния населения, конкурентоспособности страны, развитию в этих целях социально-культурного потенциала, изменению институтов и менталитета нации, обеспечить на этой основе сотрудничество с другими странами и укрепление своих позиций в мировом сообществе.

Крушение империи для России – драма, но не трагедия. По той простой причине, что можно наконец использовать сложившиеся обстоятельства на благо народам, населяющим Россию, в том числе русскому. Л. Гумилев писал, что русским свойственно «горизонтное мышление»: что там, за горизонтом? Поиски ответа на этот вопрос в течение 500 лет влекли сотни тысяч людей все дальше и дальше, в неизведанные края, за хлебом и волей. А коренные русские

земли пустели, приходили в упадок. Теперь, возможно, пришло время посмотреть, что там рядом с домом, на Псковщине или Смоленщине, как сделать эти и другие места ухоженными, процветающими. Может, история предоставила нам шанс?

Казалось бы, выбор очевиден. Но не так все просто. Первый вариант — явно тупиковый, но привычный, эмоционально легко воспринимаемый. Очень легко объяснить, что он соответствует особенностям русского национального характера. Кроме того, он не требует осознанных усилий от каждого. И исключает необходимость создания социально-экономических стимулов, в том числе принудительных, которые бы заставляли людей предпринимать подобные усилия, вызывая, естественно, недовольство и сопротивление.

Второй вариант намного трудней в исполнении. И уже нереализуем сверху, как это было в начале реформ, энергией только власти или просвещенного меньшинства, он требует участия большинства граждан, а стало быть — демократизации страны. Однако проводить в течение минимум трех-четырех десятилетий последовательную политику демократической модернизации возможно только при консолидации элит и общественном консенсусе в отношении этой политики, чего пока, увы, не наблюдается. Наиболее реалистичным поэтому представляется какой-нибудь промежуточный вариант, который, впрочем, не очень отличается от первого.

Если же удастся достичь консолидации элит и общественного консенсуса по основным принципам национальной стратегии, то, думаю, за те же 30–40 лет Россия смогла бы поднять ВВП на душу населения до \$ 40–45 тыс. в год, среднего уровня стран ОЭСР к 2020 году, и стабилизировать население. Достаточно привлекательная цель — дети и внуки ныне живущего поколения оценили бы усилия отцов и дедов.

ЧАСТЬ I. ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Э. Брентон,

*Чрезвычайный и Полномочный Посол Соединенного Королевства
Великобритании и Северной Ирландии в Российской Федерации*

РОССИЯ ПРОШЛА ТОЛЬКО ПОЛОВИНУ ПУТИ

Я «дитя» Британской империи. Мой отец был офицером Королевского военно-морского флота. В конце войны он находился в составе вооруженных сил в Новой Зеландии и там встретил мою мать. В 1950-х годах наша семья жила в Австралии. В это время британские субмарины стояли в Сиднее, и мы защищали Малайзию от нападения Индонезии. Из своего детства помню, что, путешествуя из Саунт-Гемптона в Сидней, мы останавливались в разных местах, ранее бывших частями Британской империи, например на Цейлоне. Став старше, я заметил, что карта мира в нашей классной комнате стала постепенно «краснеть» — этим цветом были отмечены бывшие британские колонии.

Пока я выросл, изменилось мироустройство. Начиная с 1960 года началась новая эпоха — Британия вошла в постимперский период (в 1962 году было сказано, что «Британия потеряла империю и пока не нашла своей роли в мире»), который продолжался до 1990 года. За это время произошел ряд важных событий, и прежде всего сдвиги в экономике, в результате чего Великобритания стала не только конкурентоспособной, но и заметной на мировой арене. Осознав свое новое место в мире, она оставила имперские претензии — отныне они уже не характеризовали британскую политику. Кроме того, Великобритания осознала себя как страну многокультурную, как единую нацию с множеством разных этнических вкраплений.

Остановлюсь чуть подробнее на основных составляющих этого переходного периода.

С 1960-х до начала 1980-х годов британская экономика была ослаблена, и причиной этого справедливо называют имперское прошлое страны, когда почетными, по-настоящему «имперскими» считались только дипломатическая и военная служба, а не бизнес. В постимперский период пришлось изменить не только взгляды на экономику, подходы к ее развитию, но и характер инвестиционной деятельности. Акцент был сделан на развитие отношений с европейскими компаниями.

Вторым важным компонентом переходного периода было переосмысление нашего места в мире. Лишившись прежнего положения сверхдержавы, Великобритания в течение 30 лет выстраивала новые отношения с Европейским союзом, старалась занять достойное место в Европе и уяснить свое новое место в мире.

Наконец, третий аспект — это то, что можно назвать «остатками», пережитками имперского периода, или постимперским наследием (Фолкленды, Ирландия и другие «больные» темы).

В России ситуация, безусловно, иная. У Британской и Российской империй разное историческое прошлое, в вашей стране была другая социально-экономическая система, но, наблюдая сегодняшнюю Россию, ее постимперский период, я вижу все те же три аспекта.

Первый аспект — экономический. Мы все помним, в каком тяжелом состоянии находилась экономика России в 1994—1998 годах. Сегодня страна выходит из кризиса, хотя проблем еще много.

Второй — национальная самоидентификация. Находясь послом Великобритании в вашей стране почти год, я не ощущаю, что Россия полностью осознала свою новую роль в мире, хотя ценю слова президента Путина, сказанные на одном из приемов около года назад, что Россия становится «нормальной европейской страной». Я тоже верю, что Россия со временем станет полностью демократической страной с рыночной экономикой и будет принята в европейское сообщество. Подчеркиваю, я не говорю о конкретных взаимоотношениях с ЕС, я говорю о будущем месте России в Европе.

И последний, третий, аспект — пережитки, или наследие, империи: Абхазия, Южная Осетия... Что касается Чечни, то это, некоторым образом, российская Ирландия.

Так что есть определенное сходство в ситуациях, которые сложились после распада империй в наших странах, и поэтому мы можем многому научиться друг у друга.

Несколько лет назад один из ваших оппозиционных политиков спросил у г-жи Тэтчер, чем похожи, а чем различаются Россия и Великобритания. Она ответила, что обе они — постимперские страны, только в Великобритании постимперский период уже закончился, а в России еще нет. Вы прошли только половину пути.

Г. Карасин,

заместитель министра иностранных дел Российской Федерации

МЫ БЫЛИ ИМПЕРИЕЙ БЕЗ МЕТРОПОЛИИ И КОЛОНИЙ

У России и Советского Союза имеются важные специфические отличия от Британской империи. Главное отличие в том, что если у Британии была империя, то мы сами были империей — единой страной, без метрополии и колоний. Истоки этого — в попытке превратить страну в ядро будущего всемирного коммунистического объединения. Вспомните, как писал Маяковский: «...Чтобы в мире без России и Латвии жить в едином человечьем общежитье». Отсюда специфика мен-

талитета. Кризис идеологии, утрата авторитета, а затем и дезинтеграция правящей Коммунистической партии привели к развалу этого единого государства.

Это сегодня полезно учесть как теоретикам, так и практикам, поскольку строить идеологизированную империю, или, в наших условиях, неоимперию, вещь чрезвычайно опасная. Сегодня как никогда актуальна старая русская поговорка «наильно мил не будешь». Кстати, инициатором распада Союза 15 лет назад выступила именно Россия.

Сегодня мы находимся, по британским меркам, где-то *half way*, на половине пути формирования нового менталитета. Часть эмоций улеглась, но появились новые. Наша реакция с трудом поспевает за темпом перемен. С уходом в прошлое идеологической конфронтации мир, к сожалению, не стал более безопасным, скорее наоборот. Появились вызовы и угрозы нового поколения: терроризм, трансграничная преступность, наркоторговля, бедность, коррупция, экологическая деградация и многое другое. Но это должно не разъединять, а объединять нас в наших размышлениях о будущем и, что самое главное, в конкретных действиях. Геополитика старого покроя не сможет противостоять сегодняшним угрозам безопасности и устойчивому развитию. Действенный ответ можно дать только коллективными, я бы даже сказал, командными усилиями всего международного сообщества.

Россия отказалась от идеологии в пользу здравого смысла, и это лежит в основе прагматизма ее нынешней внешней политики. Таким образом, новая Россия в мировой политике оказалась на стороне здоровых консервативных сил. Она не даст обмануть себя новыми химерами, слишком памятливы болезненные уроки недавнего прошлого. Для нас понятие безопасности и успешного развития стали, по сути, неделимыми, и в этом ключ к пониманию нашей внешнеполитической философии.

Однако нередко можно услышать, что Россия по-прежнему обижена, переживает утрату империи, уходит в самоизоляцию. Думаю, что все это весьма далеко от истины, тем более в условиях очевидных эффектов глобализации. Полагаю, речь идет о зазоре между реальностью внешней политики новой России, с ее прагматизмом и многовекторностью, продиктованными прежде всего национальными интересами, и восприятием этой политики.

Трудно понять настойчивость, с которой многие европейские СМИ твердят о том, что отношения между Россией и Западом становятся более прохладными, терпят фиаско и т.д. Это не соответствует реалиям. Политическому классу Запада пора наконец понять, что стратегического противника в лице России у него больше нет. Есть большая страна, желающая вместе с другими решать проблемы, но на условиях взаимного уважения и равноправия. Не на словах, а в реальных делах. Разумеется, далеко не во всем наши отношения с Западом выглядят безоблачно, но живая материя подразумевает конкуренцию различ-

ных идей, различных подходов. Это весьма помогает развитию не только мыслей, но и отношений — в рамках конструктивного партнерства.

И также пора избавиться от навязчивой привычки видеть за каждым шагом России в отношении стран СНГ имперские амбиции. Их нет. Мы просто стремимся создать основу сотрудничества суверенных государств на века вперед, и не все получается гладко.

В мире утвердилось понимание безальтернативности демократии и рыночной экономики. Мы разделяем это понимание. Не может быть сомнений и в бесповоротности демократического выбора России — мы сделали его самостоятельно, без какого-либо давления извне. Но вместе с тем очевидно, что принципы демократии реализуются в каждой стране по-своему. Революции, какие бы то ни было, обычно чреватые болезненными последствиями и представляют собой угрозу стабильности. А прочной основой демократии может стать только развитое гражданское общество. Именно тут между историческим опытом России и Европы есть принципиальное различие.

Мы только недавно начали развивать свои общественные структуры, придавать им современную динамику. К честному разговору на эту тему наши политики готовы. И не только политики, но и общественные деятели. Нет ничего зазорного в извлечении уроков из собственной истории и дискуссиях на тему своего будущего развития с партнерами, которые желают тебе добра. Однако не следует форсировать события извне — это провоцирует разжигание националистических экстремистских настроений, которые, возможно, являются главной угрозой стабильности в современном мире. Кроме того, любое унификационное разрушительно. Примеров этого, увы, немало, и они находятся вне зоны постсоветского пространства.

Россия является крупнейшей европейской державой, но у нее есть интересы и на Востоке, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и в других частях света. Будем откровенны, нас всерьез не ждут ни в Евросоюзе, ни в НАТО. Да мы и сами, последовательно стремясь к углублению партнерства с ними, хотим сохранить свое собственное лицо и свое отдельное место в мире. Неужели это называется имперскими амбициями?

Мы можем, развивая интеграционные процессы, содействовать формированию подлинно большой Европы XXI века, без пресловутых разделительных линий. Многовекторность для нас — не стратегия разыгрывания одних карт против других. Каждый вектор самоценен, и чем мы эффективнее на одном из них, тем лучше наши перспективы на других.

Россия хочет стать привлекательной для мира через внутреннюю модернизацию, развитие современной диверсифицированной экономики, создание современного общества. Думаю, что это потребует серьезных последовательных усилий и значительного времени.

И. Яковенко,

главный научный сотрудник Института социологии РАН, доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры РГГУ

ИМПЕРИЯ И НАЦИЯ

Еще во второй половине девяностых проблематика империи многим представлялась утратившей актуальность. Однако в последние годы она зазвучала по-новому. Сказалось изменение общественных настроений. Тут и ностальгия по золотым годам брежневского застоя, и существенные подвижки в заявляемых элитой идеологических конструкциях. Я говорю о смене смысловых акцентов. Акцент на революционных преобразованиях 1991 года и разрыве с советской эпохой сменился акцентом на континуитете дореволюционного, советского и постсоветского периодов.

С самой высокой трибуны нам объяснили, что распад СССР был геополитической катастрофой. Идеологи из либерального лагеря выдвигают лозунг «либеральной империи». Издается серия монографий под многозначительным названием «Имперское мышление». Все это побуждает к теоретической рефлексии, по возможности свободной от любой ангажированности и идеологических трансформаций.

Здесь возникает целый ряд вопросов:

- что такое империя и что такое национальное государство?
- как соотносятся народ, созидающий и воспроизводящий империю, и нация?
- чем империя как форма государственности отличается от национального государства и справедливо ли утверждение, что распад империй — исторически закономерный и необратимый процесс?
- располагает ли имперская модель ресурсами для дальнейшего исторического развития?
- как соотносятся процессы глобализации и имперская модель интеграции больших пространств?

Серьезный разговор требует определений. Между тем существуют сложности в определении самого понятия «империя». К примеру, в энциклопедии «Британника» тридцатилетней давности в соответствующей словарной статье приводилось перечисление великих империй — энциклопедия отказывалась от общего определения. В последние десятилетия феномен империи стал предметом самостоятельных исследований. Ученые, работающие в этой области, говорят о возникновении особой дисциплины — империологии. Однако проблема общезначимого определения данного понятия не решена до сих пор. Дело в том, что империя — сложный феномен. Она имеет как субъективное внутрен-

нее, так и объективное внешнее измерение. Точно так же, кстати, обстоит дело с понятием «свобода». С одной стороны, свобода понимается как некая характеристика человеческой личности, описывающая духовное измерение человека. С другой – свобода имеет измерение внешнее, понимается как сущность юридически-правовая, детерминированная социально.

Но вернемся к понятию «империя» происходит нечто подобное. В самом общем смысле империя определяется как крупное многонациональное, а вернее, полиэтническое государство, возникшее в результате военной экспансии и объединенное сильной централизованной авторитарной властью. Но это внешнее определение. Идеологи империи темпераментно отстаивают духовную, а точнее, идеологическую суть империи. Если вывести за скобки империи древности (Ассирийскую, Персидскую, Римскую на первом этапе ее существования), то начиная с эпохи монотеистических религий империя – это Идея.

Империя возникает в тот момент, когда массы людей уверуют в некую идею, притязающую на статус универсальной истины, и принимают решение создать праведное и справедливое общество. А дальше они несут эту идею до краев Вселенной, навязывая ее всем тем, кто еще пребывает в косности неведения. В этой диспозиции силовая компонента имперского организма мыслится как подчиненная божественной Истине. Идея универсальной империи трактуется ее адептами как всемирная. Цель империи – приобщение народов, спасение душ подданных. В IV веке, в эпоху между императорами Константином и Феодосием, Римская империя как силовая модель интеграции, опирающаяся только на силу и блага цивилизации, обручилась с Идеей. С тех пор разворачивается история универсальных империй. Универсальной империей была Византия, по этой модели строился Халифат, империя Габсбургов, Московия, СССР.

Итак, универсальная, или традиционная, империя структурируется религиозно переживаемой большой Идеей (конфессией или идеологией). Она преследует цель построить государство по законам обретенной истины и подчинить этой истине жизнь подданных. Всякий раз она созидает нового человека и решает цивилизационные задачи, несет свет истины на своих штыках до последних доступных ей пределов. И в конечном счете иссыкает, надорвавшись под грузом неподъемных задач (неспособности интегрировать все обретенное, ассимилировать народы, противостоять тенденциям фрагментации, отвечать на вызовы истории).

Социально-культурная база империи – традиционное общество. Это общество, в котором доминирует крестьянская община, города подчинены государству, социальная структура скована сословными перегородками. Иными словами – докапиталистическое общество, где человек растворен в системе традиционных связей. Интеграторы и идентичности здесь конфессионально-идеологические: «правоверный», «добрый католик», «православный», «советский человек».

Не будем давать определения понятию «нация» — это не менее сложная теоретическая проблема. Однако зафиксируем: нация базируется на автономной личности, пережившей веберовское расколдовывание мира, выпавшей из традиционного космоса, осознавшей свою самость и свои интересы, ставшей на путь освоения механизмов консолидации с носителями сходных интересов для солидарной защиты собственных прав и отстаивания этих интересов. Нация обретает свою политическую оболочку в национальном государстве. Национальное государство расцветает с концом средневековья, в эпоху секуляризации. Иными словами, онтологические, сущностные основания нации радикально отличаются от оснований имперского общества. Из этих различий вырастают совершенно иные формы государства и социокультурного космоса.

Интегратор нации — этнокультурный. Зрелая нация строится поверх любых идеологических и конфессиональных разграничений. Скажем, немец-лютеранин и немец-католик остаются немцами. В этом отношении нация отрицает империю, отбрасывая ее системообразующий принцип, поскольку имперские идентичности строились поверх этнических различий. Заметим: звучащий сегодня тезис «русский значит православный» фиксирует имперское понимание русского народа.

Достаточно часто нации возникали в теле имперских образований. Они вызревали, структурировались, наращивали уровень автономии и в итоге разваливали эти империи. Таким образом, нация выступает как историческая и сущностная альтернатива империи. А потому империя отрицает и подавляет нацию, тормозит процессы национального становления.

Перечислим качественные различия национального и имперского универсума. В империи власть первична по отношению к обществу. Ее источник — Идея, то есть Небеса, в то время как национальное сознание формирует идею суверенитета народа. Вспомним о том, что правовая демократия формировалась идеологами национального государства в контексте противостояния имперскому принципу сакрального характера власти.

Империя по своему понятию безгранична, ее актуальные границы фиксируют соотношение сил на сегодняшний день. Удастся — она продвинет границу вовне. Не удастся — отступит на время. А национальное мышление в принципе локально и пространственно определено. Человек, национально мыслящий, отчетливо осознает, где пролегают границы расселения «его» нации. Национальное государство может ставить перед собой задачу приращения территории с тем, чтобы охватить всех «своих». Но за границы, где заканчивается своя национально-культурная идентичность, национальное мышление не выходит. Оно осознает опасности, связанные с ассимиляцией носителей иной культурной, этнической, цивилизационной идентичности. Что же касается империи, то она заряжена на постоянную ассимиляцию инородцев. Можно за-

метить, что нации формируются в борьбе и противостоянии имперскому принципу, и само это противостояние формирует идеологию так называемой естественной границы.

Имперский человек вдохновляется идеологией служения. Идее, как и Богу, должно служить, а потому здесь, от императора до последнего околоточного, все служат. Империя формирует мифологию жертвы. Подлинно добродетельный сын империи жертвует собой, своей семьей, своими интересами во имя империи. В национальном государстве складывается иное соотношение человека и общества. Нация и национальное государство осознаются не как сакральная сущность, не как объект служения, а как сущности, связанные с гражданином гармонией взаимовыгодных отношений. Это не значит, что национальное сознание исключает жертвы и что история наций не знает геройства. Однако здесь складывается другая диспозиция: работая для себя и своей семьи, я одновременно участвую в созидании общества и государства, ибо это мой народ и мое государство. Человек, национально мыслящий, выступает субъектом выбора национальных и государственных идентичностей.

С этим связан еще один момент. Человек принадлежит империи по факту своего рождения. Он не имеет права покинуть Истину и Власть, ее воплощающую. В этой системе представлений эмигранты трактуются как предатели. Достаточно вспомнить отношение к евреям, выезжавшим в 60-70 годы прошлого века из СССР. В то время как нация, по словам Ренана, это ежедневный плебисцит. Человек, рожденный в лоне национального государства, волен выбирать свою культурную, гражданскую и политическую идентичность и, если считает необходимым, может покинуть свою страну. Наконец, власть имперская по своему принципу сакральна, поскольку она освящена сакральной Истиной, а власть национальная по своему принципу носит светский характер. Она возникает в рационализированном космосе, где складывается иная диспозиция и концепция власти.

Я уже говорил о том, что империя отрицает нацию и наоборот. Из этого вытекает существенное политическое наблюдение – сочетание одновременно имперской и националистической политики приводит к катастрофическим последствиям. Я приведу два примера – Гитлер и Милошевич. Гитлер созидал империю, базируясь на национализме. Милошевич сохранял империю, опираясь на национализм. Оба кончили плохо.

Помимо универсальных, или традиционных, империй, которые я перечислил, есть еще один класс империй – империи колониальные. Их создавали нормальные буржуазные нации. Колониальная империя – политическое предприятие, предполагающее коллективную эксплуатацию колониальных территорий в интересах нации, создавшей такую империю. Одна из отличительных особенностей колониальных империй – территориальная разделенность коло-

ний и метрополии. Колониальные империи создали Голландия, Англия, Франция. Есть и более сложные случаи, скажем Испания и Португалия. Это были вполне средневековые государства, создавшие традиционные империи, которые вдохновлялись принципом религиозной истины. В Испании и Португалии нации начали формироваться лишь на закате империи. Классические колониальные империи рождали собственную мифологию, говорили о «бремени белого человека», который несет покоренным народам блага цивилизации. Но все эти построения не идут в сравнение с идейными комплексами универсальных империй.

К началу XX века бóльшая часть территории земного шара и бóльшая часть ее населения пребывали в имперских границах. В течение века рассыпались и традиционные, и колониальные империи. Сегодня можно говорить только об одной империи. Это — Китай. Имея в виду китайскую империю, надо оговориться: все те империи, о которых упоминалось выше, принадлежат к региону монотеистических религий (христианству и исламу). Мир восточного синкретизма, в котором доминирует Китай, имеет несколько иную природу. Китайская империя представляет собой особый случай и требует специального разговора.

Империя представляет собой исторически конкретную форму интеграции больших пространств. Потребность в такой интеграции и интенция интеграции универсальны. Они сохраняются, пока существует человечество. Империя же существует лишь до тех пор, пока эта форма интеграции эффективна, пока соответствует стадийным характеристикам общества, характеру культуры, укладывается в тенденции глобальных процессов. Эмпирический распад тех империй, который мы наблюдали в XX веке, свидетельствует об исчерпании имперского принципа. Но это констатирующее суждение. Можно предположить, что сегодня империи ушли, а послезавтра вернуться. Однако такое предположение представляется мне несостоятельным. Имперский космос базируется на традиционном обществе и традиционном человеке. Между тем традиционное общество повсеместно размывается, дезинтегрируется и переживает глубокий кризис. На мой взгляд, это объективный процесс глобального характера. По мере размывания традиционных структур исчезает и социокультурная база для существования имперского организма.

Универсальная империя невозможна, поскольку с конца XVIII века в мире разворачиваются процессы секуляризации. Для человека секулярной эпохи религиозные убеждения утрачивают статус универсальной, абсолютной Истины и обретают субъективное измерение. Я исповедую некоторые религиозные убеждения, и моя вера истинна для меня так же, как совершенно иная вера истинна для моего соседа. Наши убеждения никаким образом не влияют друг на друга, это дело выбора каждого из нас. Таково мышление секулярной эпохи. Так вот, секулярное сознание в принципе отрицает традиционную империю,

поскольку она конституируется идеей. Последней идеей, которая притязала на статус универсальной, был коммунизм. Мы пережили на нашей памяти крах коммунистической системы именно потому, что сама идея коммунизма как универсальная себя исчерпала. Сегодня в Китае из компартии выходят миллионы коммунистов. Понятно, что для миллиардного Китая миллион звучит не так, как миллион в России, но общая тенденция достаточно очевидна.

Реставрация модели колониальной империи также невозможна, поскольку исчерпала себя ситуация, когда лидирующие страны могли использовать технологические и организационные преимущества в деле покорения и удержания колониальных народов. Все народы прошли тот порог, который отделяет немодернизированного человека от возможности эффективного использования (я подчеркиваю, не создания, а использования) таких благ цивилизации, как ракета «Стингер», автомат Калашникова, спутниковая антенна, интернет и т.д. В XVIII – первой половине XX века дела обстояли иначе.

Исследователи процессов глобализации утверждают, что в высокоинтегрированных обществах объединенной Европы нации переживают известный кризис. Растет статус и роль регионов, расширяются межрегиональные связи, часть суверенитета национального государства делегируется наднациональным структурам и т.д. Наверное, все эти суждения имеют право на существование. Нация, так же как империя, представляет собой исторически конкретную форму интегрирования людей по этнокультурному признаку. Как и всё под луною, нации не вечны. Однако надо помнить о том, что разговор о кризисе наций имеет какой-либо смысл по отношению к узкому кругу лидирующих обществ. Если для Западной Европы пик разворачивания нации как исторической формы пройден и нация может переходить в какое-то новое качество, то регионы, лежащие за рамками Европы, только вступают в процессы формирования нации. Мое понимание всемирно-исторического процесса таково, что существует набор обязательных стадий исторического развития или состояний, которые неизбежно предстоит пройти всякому обществу. С этих позиций процесс интегрирования нации представляется мне императивным. Понятно, что не для всех регионов мира он актуален сегодня. В Африке или в Афганистане говорить о формировании нации не приходится. А, скажем, Турция, лежащая за рамками географии Европы, явно вступает в процесс формирования нации. Всего полгода назад мы наблюдали активизацию национального сознания на Украине.

От процессов созидания политической нации не удастся уйти и нашим соотечественникам. На выходе из империи российское общество переживает жестокую ломку. Человек с имперским сознанием плохо и тяжело живет вне имперской реальности. Расцветает имперская ностальгия. Начинаются разговоры о великих идеях и возвышенных целях. Заметим, что Турции в известном

смысле повезло. Османская империя распалась в течение двух веков. Общество Турции могло адаптироваться к угасанию империи. СССР распался одновременно. Значительная часть общества не была к этому готова.

Сегодня мы наблюдаем примечательный зигзаг нашей внутренней политики. В последние годы православие осознано как государственная религия, православная церковь получает широкие преференции. Можно предположить, что православию отводится роль нового интегратора общества. Так вот, глобальные процессы секуляризации не позволят православию занять то место, которое занимала государственная религия в традиционных позднесредневековых обществах, по целому ряду обстоятельств. Есть такое понятие: воцерковленный человек. Это тот, кто хотя бы минимально приобщен к ценностям религии, понимает смысл религиозной доктрины, ходит в храм. Серьезные исследования фиксируют, что в нашей сегодняшней жизни численность воцерковленных лежит в диапазоне между 2–4% русскоговорящих. По моему убеждению, этот порог перейден не будет. А чем больше преференций будет получать православная церковь, тем больше батюшка будет занимать смысловую ячейку замполита или парторга. И тем больше будут успехи протестантов или приверженцев радикальных форм ислама.

Иными словами, имперские интеграторы себя исчерпали и реставрированы быть в принципе не могут. Реальная перспектива связана с разворачиванием процессов национального становления. А это требует радикального переосмысления нашего прошлого, настоящего и будущего, преодоления постимперского синдрома, существенной трансформации нашего сознания и построения национальной перспективы.

А. Давидсон,

директор Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук, профессор

ИМПЕРСКОЕ НАСЛЕДИЕ В XXI ВЕКЕ

Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий.

Василий Ключевский

«Азия просветила Европу, и Европа покорила Азию. Теперь Европа просвещает Азию. Повторит ли Азия ту же операцию над Европой?»¹. Так сто лет назад, в мае 1904 года, писал мой любимый историк В.О. Ключевский. Потом закат Европы с ее имперским величием, как известно, предрекали многие.

Ф. Степун так говорил о знаменитом труде О. Шпенглера: «Содержание его пророчества — смерть европейской культуры. Пройдет немного столетий, и на земном шаре не останется ни одного немца, англичанина и француза, как во времена Юстиниана не было больше ни одного римлянина».

Ж.-П. Сартр в предисловии к книге Ф. Фанона² трагически возглашал: «Европа погибла. <...> Европейцы, откройте книгу, вчитайтесь! Сделав несколько шагов в ночном мраке, вы выйдете к костру, вокруг которого сгрудились незнакомые вам люди... Возможно, они заметят вас, но разговора не прекратят и даже не понизят голоса... Их отцы... они обращались к вам, а вы даже не удосуживались ответить “этим дикарям”. Их дети не знают вас. Их освещает и обогревает огонь, но это не ваш огонь. Вы держитесь от него на почтительном расстоянии, чувствуете себя ночными жителями, оглядываетесь, дрожите от холода».

Конечно, хотелось бы отмахнуться от подобных предсказаний, но это вряд ли дальновидно. На наших глазах и на глазах наших отцов распались все империи — Британская, Французская, Итальянская, Испанская, Португальская, а еще раньше Австро-Венгерская, Османская, Германская. Эпоха империй, начавшаяся еще в средневековье, скорее всего, окончена.

Разве в распаде Югославии не дали о себе знать те центробежные силы, что зародились еще в Австро-Венгерской империи? А полыхающий Ближний Восток? Под языками пламени этого костра не лежит ли горячий материал, накопившийся в Османской империи?

Несомненно, что с распадом империй мир вступил в совершенно новую эпоху. Теперь, хотя и принято считать, что мир стал однополярным, центров силы стало намного больше, с рождением бесчисленных новых государств с новыми государственными элитами возросла непредсказуемость. Какими будут дальнейшие последствия распада империй для бывших колониальных и зависимых стран — для 7/8 населения Земли? Как пойдут процессы их самоутверждения во всех сферах — от политики до культуры? Что они возьмут из наследия Европы, чего не примут, а против чего будут бороться? В каких формах будут проявляться востокоцентризм, исламоцентризм или такое новое явление, как афроцентризм? В каких направлениях будут развиваться общественные настроения и политические движения, связанные с этими идеологиями?

Может казаться, что жизнь населения метрополий изменилась после распада их империй меньше, чем в колониальных и зависимых странах. Но даже если и так, то окончательное суждение выносить рано. Продолжится ли цепная реакция распада империй, их остатков? И будет ли продолжаться распад бывших колоний, как это произошло с Индонезией, от которой отделился Восточный Тимор? И самое главное для нас, россиян: не может ли грозить дальнейший распад и нашей стране, России?

Всестороннее объяснение в настоящее время нам недоступно. Но важно уяснить уже сами вопросы, на которые надо искать ответы. За рубежом эти вопросы обсуждаются бурно, причем Российская империя и Советский Союз рассматриваются в общем контексте изучения имперского прошлого и его последствий³. В отечественной науке такой подход не нашел широкого признания. У нас подчеркивается прежде всего специфика нашего исторического пути, его отличия от любых зарубежных. В школьных и вузовских учебниках выделяется сугубо разрушительное воздействие зарубежного колониализма, в Российской же империи – факты проявления терпимости к инородцам и иноверцам, помощи в их развитии. Что же касается Советского Союза, то существует точка зрения, что его ни в коем случае нельзя рассматривать как империю.

Но независимо от споров о том, считать СССР империей или нет, последствия его распада все равно во многом сходны с теми, которые испытали и испытывают народы Британской, Французской и других империй, распавшихся до того, как перестал существовать Советский Союз. Так что как для России, так и для всех государств постсоветского пространства чрезвычайно важно проанализировать иноземный опыт и сравнить его с тем, который накопился после сравнительно недавнего распада Советского Союза.

Нисколько не претендуя на всесторонний подход к этой огромной теме, попытаюсь привлечь внимание к нескольким аспектам, на мой взгляд, наиболее тревожным.

Бывшим метрополиям предьявляется счет

Наивно было бы думать, что за столетия господства метрополий не накопится огромное недовольство тех, кем они управляли, и что теперь, после распада империй, не откроются клапаны для выбросов такого недовольства.

Индийцы не забывают, что Черчилль называл их национального героя М. Ганди «этот воинствующий полуголый факир». И это говорил Черчилль – один из самых дальновидных лидеров Европы XX столетия. Сколько же мерзостей наговорили и, главное, наделали другие?

Легко ли китайцам забыть, как кайзер Вильгельм II напутствовал немецкий экспедиционный корпус, отправляя его в 1900 году в Китай: «Пощады не давать! Пленных не брать. Убивайте, сколько сможете! Как тысячу лет назад, когда гунны во главе с королем Аттилой заслужили славу, которая и сейчас в легендах и сказках вызывает ужас, так слово “германец” должно ужасать Китай в следующую тысячу лет...»⁴.

Что уж говорить об Африке? По приказу того же императора Вильгельма восставший против немецкого господства народ гереро огнем пулеметов загнали в пустыню Калахари и обрекли десятки тысяч людей на гибель от голода и жажды. Одни и те же европейцы вели себя на родине и в Африке совсем по-

разному. Французский писатель Ж. Оне писал в одном из своих романов в конце XIX века: «Меслер был прямодушен и добр на редкость. Но в Африке... он никогда не колебался выстрелить... В Трансваале это называлось быть энергичным. Во Франции это считалось бы преступлением. Вопрос географической широты, среды и обстоятельств... Его жену умоляют: “Не показывайте мне ваш африканский облик... Покажите мне ваше парижское лицо. Ведь это же не мадам Меслер, грозная и решительная королева, что царствует над дикарями среди тигров. Не ее я пришел повидать. Нет, это же мадам Меслер, милостивая, благосклонная, та, что живет на Елисейских полях”»⁵.

Жизнь в колониях меняла характер очень многих европейцев — настолько, что они готовы были, вернувшись в Европу, перенести туда свои колониальные нравы. Это хорошо подметил в Англии больше ста лет назад И. Шкловский, корреспондент журнала «Русское богатство»: «Представителем нашего округа в парламенте с незапамятных времен был старый отставной генерал. Выслужился он где-то на западном берегу Африки; там с небольшим отрядом и пятью пушками он насадил европейскую культуру, т.е. выжег столько деревень, вырубил столько плодовых деревьев и истребил столько негров и коров, что край этот пустынен до сих пор, хотя прошло уже много, много лет... В парламенте старик был раза два, но свое присутствие озаменовал. Послушав речи оппозиции, старик заявил, что, собственнo говоря, с ней нужно было бы расправиться “по-африкански”, т.е. впустить несколько солдат, вкатить пушечку и затем: “Раз, два! Направо коли, налево руби!”»⁶.

Надо ли помнить все это — прошло столько лет? Но ведь не так уж и много. Большинство колониальных империй распались совсем недавно, во второй половине XX века. В России до сих пор вспоминают, какой вред ей нанесло татаро-монгольское или, как теперь говорят, ордынское иго. А с тех пор прошли уже столетия!

Неевропейские народы возмущает укоренившееся в Европе понятие «Великие географические открытия». Что значит — вы нас открыли? Мы тут жили всегда!

В колониальный период школьников заставляли учить не историю и культуру их народов, а прошлое Великобритании, Франции, Бельгии, Португалии. Сейчас стремление к самоутверждению, после веков колониальной и полуколониальной зависимости, ведет к бурному росту интереса к собственной культуре, собственным традициям, собственному прошлому. Вместо жизнеописаний королевы Виктории, британских Эдуардов и Георгов теперь учат историю своих давних правителей. И негодуют, что в Европе их называли не королями, а только вождями и верховными вождями.

«Как южноафриканка, я всегда, с почти религиозным упорством, отказываюсь обсуждать произведения белых писателей Южной Африки, потому

что я не хочу соглашаться с расистской установкой, будто только белые писатели являются рупором Южной Африки», — так высказалась в докладе для Йельского университета Т. Ревел-Пинто, черная южноафриканка, преподавательница литературы. Сама она, перечисляя южноафриканских писательниц, назвала только черных, а о белой Н. Гордимер сообщила, что ее произведения «остаются в кругу расистско-патерналистских»⁷ (кстати, вскоре Гордимер была присуждена Нобелевская премия). В ответах на вопросы докладчица дала свое определение истории всей мировой литературы, простое и ясное: четыре группы. Литература, созданная белыми мужчинами, белыми женщинами, черными мужчинами и черными женщинами. На мой вопрос о Шекспире и Л. Толстом ответила не задумываясь: «Литература белых мужчин».

Протест против господства белых во всех сферах жизни, вплоть до литературы — этот протест вполне понятен. Сейчас антиевропейские настроения если и не усиливаются, то становятся очевиднее. Почему?

Народы, переставшие быть колониальными, надеялись, что их судьба улучшится. Что хорошая жизнь — вот она, за поворотом. А получилось не так. Какие-то государства — азиатские «тигры» или страны ОПЕК — вырвались вперед, но во многих других люди сейчас живут еще хуже, чем в колониальное время.

В учебные программы университетов ряда стран Африки входят книги Ф. Фанона. К одной из них Ж.-П. Сартр и писал когда-то предисловие с такими грустными для европейцев прогнозами. Озаглавлена она «Проклятьем заклейменные». Фанон назвал так не пролетариат, как в гимне «Интернационал», а население колониальных стран. Вот несколько утверждений Фанона из этой и других его книг. «Жизнь для колонизованного может возникнуть только из разлагающегося трупа колонизатора.»⁸ А кто такой колонизатор? В Алжире — каждый француз. «Француз в Алжире не может быть нейтральным или невинным. Всякий француз в Алжире угнетает, презирает, господствует.»⁹ Более того, весь французский народ — «колониалистский» и «вся французская нация вовлечена в преступления против народа, является соучастницей убийств и пыток в алжирской войне»¹⁰.

Отношения между Францией и Алжиром для Фанона лишь пример отношений между колонизатором и колонизируемым. Он говорил о мобилизующем значении противопоставления Мы — Они. Мы — это «четыре пятых человечества»¹¹. «Люди желтой расы, арабы и негры хотят теперь выработать свои проекты, утвердить свои ценности, определить свои отношения с миром.»¹²

На стремление колонизатора навязать свои культурные ценности колонизованный отвечает отказом от них, отказом полным, безоговорочным: «Язык угнетателей вдруг начинает жечь губы»¹³.

«Антирасистский расизм»

Утверждая все это, Фанон объявил, что для колонизованных вполне правомерен «самый элементарный, самый грубый, самый всесторонний национализм»¹⁴. И что, во всяком случае, на начальном, стихийном этапе антиколониальной борьбы «антирасистский расизм, как стремление защитить свою кожу и как ответ колонизованного на колониальное угнетение, — это и есть основание для борьбы»¹⁵.

Книги Фанона написаны почти полвека назад. Но разве не перекликаются с ними появившиеся позднее идеи афроцентризма? Идеолог афроцентризма М. Кете Асанте, профессор кафедры афро-американских исследований Темпльского университета Филадельфии, обращаясь к африканцам и афро-американцам, убеждает их отвергать мнения, принятые у европейцев. «Если они говорят, что величайшим писателем был Шекспир, вспомните Сезера, Дюбуа, Хьюза, Шоинку, Гильена, Нгуги, Пушкина.»¹⁶ «Если они говорят, что музыка Баха общечеловечна, знайте, что Бах не столь общечеловечен, как Джон Колтрейн или Дюк Эллингтон.» «И если брат или сестра скажут, что Бетховен, Бах или Моцарт — это классика, ответьте, что это классика для европейцев, но не для нас.» «Наши факты говорят за нас... Что бы вы ни знали о событиях, связанных с войнами Англии, с царями России, с расцветом искусств в Италии, ничто из этих знаний несопоставимо со знаниями о самих себе.»¹⁷

Так считают люди, говорящие от имени науки. А политики?

Кадафи выступает против наследия империй, против зла, которые они принесли, и против имперских предрассудков. Но разве он не провозглашает новые предубеждения — против европейцев?

Сукарно, первый президент Индонезии, написал книгу «Индонезия обвиняет». Так поступили и многие другие афро-азиатские политики. Если во всем виновато имперское прошлое, виновата Европа, то их-то самих, значит, обвинять не в чем.

Пример последних лет — продолжающееся изгнание белых из Зимбабве. Президент Р. Мугабе, заведя страну в экономический тупик, стал поощрять «стихийный» захват ферм, принадлежащих белым. Результат — развал сельского хозяйства со всеми вытекающими последствиями. Но для Мугабе главное — отвести от себя народный гнев, направив его на белых.

Луис Фаррахан, который считает себя лидером афро-американского населения в США, бывает и у Кадафи, и в Южной Африке, побывал и у нас — в Москве и Дагестане. На встрече афро-американских лидеров в Новом Орлеане в апреле 1989 года он обвинил в расизме всех белых. Записал в расисты и Линкольна, президента США, который был борцом за отмену рабства. Призвал к созданию в Африке страны, в которой могли бы поселиться афроамери-

канцы из Соединенных Штатов. И даже: «Пришла пора освободить из тюрем всех черных! Отпустите их! Дайте им уехать в Африку!» Вместе с тем предсказал, что наступит день, когда афроамериканцы будут управлять Соединенными Штатами: «Наша рождаемость опережает их рождаемость!» Заявил: Белый дом способствует распространению наркотиков среди черных, «они делают это, чтобы преступность среди черных росла». Публично выразил восхищение Гитлером, а иудаизм объявил «религией сточной канавы». На этой встрече, в которой участвовали Д. Джексон и А. Дэвис, известная деятельница американской компартии, от Соединенных Штатов потребовали выплаты репараций афроамериканцам за то, что их предки были в рабстве¹⁸.

В дальнейшем Фаррахан, как известно, организовал «Марш миллиона черных мужчин» на Вашингтон. Миллиона не получилось, но и четырехсот тысяч последовавших его призыву было достаточно, чтобы Америка оказалась в шоке. Правда, Фаррахану, как и Каддафи и Бен Ладену, несколько странно выступать от лица униженных и угнетенных: все-таки все они миллионеры и, кажется, не раздают свои богатства сирым и убогим.

Различные разновидности востокоцентризма, исламоцентризма, как и возникшего сравнительно недавно афроцентризма, зиждятся на осуждении имперского владычества.

На проведенной в 2001 году под эгидой ООН Всемирной конференции против расизма делегации многих стран требовали от бывших метрополий, от Запада, а то и от всего мира «белого человека» расплатиться за зло, причиненное колониализмом и работорговлей. Эти требования не утихают, а повторяются вновь и вновь. 25 августа 2005 года президент Алжира снова настаивал на извинениях Франции за всю историю французского колониализма в Алжире начиная с 1830 года (хотя Франция приносила извинения уже неоднократно) и, в частности, на возмещении ущерба за подавление восстания в Алжире в мае 1945 года.

Удары бумерангов имперского прошлого неизбежны. Но этот более или менее естественный процесс подстегивается, усиливается и ускоряется теми диктаторскими режимами, которые, увы, клонируются во многих государствах, особенно тех, что были колониальными и зависимыми.

Стремление многих афро-азиатских стран видеть виновника своих бед вне себя — разве оно такое уж особенное, неслыханное, новое, присущее только этим странам? Православный философ Г. Федотов наблюдал такое же настроение в России после поражений в Первой мировой войне, революции и разрухи: «Русское национальное чувство было уязвлено глубоким поражением, разделом, падением России и, не желая взять на себя ответственность, не имея мужества покаяния, стало искать виновника вне себя — на Западе...»¹⁹.

Афроазиатизация населения планеты. Тревоги европейцев

Голоса Азии и Африки становятся все более значимыми в мировой политике. Они – большинство в ООН. Получив влияние во всех ее структурах, вплоть до поста генерального секретаря, они настойчиво требуют мест в Совете Безопасности. Примеру Индии, Китая и Пакистана, которые уже стали термоядерными державами, стремятся следовать и другие. Северная Корея и Иран – вопреки протестам международных организаций и европейского общественного мнения.

Растет число экономических и общественно-политических объединений афро-азиатских стран, куда бывшие метрополии не входят. Идет «освоение» Западной Европы выходцами из стран Азии и Африки. Если до 1960-х годов их число было совершенно незначительным, то в 2005 году оно превысило 20 миллионов человек. Одних только афро-азиатских мусульман насчитывается в Западной Европе больше 11 миллионов. Во Франции уже 10% населения – мусульмане, в Лондоне – более миллиона мусульман.

Франция и ряд других государств Западной Европы, которые считали себя мононациональными, утрачивают это качество. Адаптация афро-азиатского населения идет нелегко. Если выходцы из Азии и Африки, переселившиеся в Европу в 1960-х и 1970-х годах, соглашались быть низами общества и шли на любую низкооплачиваемую работу, то их дети и внуки уже требуют для себя всей полноты гражданских прав.

Расовая проблема, которая в имперские времена проявлялась в основном вне Европы: в колониях и зависимых странах, теперь захлестнула Европу.

Усиление роли Азии и Африки и быстрый рост иммиграции с этих континентов в Европу способствуют сохранению, а порой и оживлению ностальгии по имперскому прошлому в бывших метрополиях. Если об отношении не-Европы к Европе еще трудно судить с цифрами в руках – социологические опросы в большинстве стран не проводятся, то о европейцах существуют статистические данные. В «Год борьбы против расизма в Европе» (1997) крупнейшая европейская социологическая организация «Евробарометр» провела опрос 16 154 жителей 15 государств – членов Евросоюза. Почти треть опрошенных европейцев сами причислили себя к расистам в «очень большой степени» и к расистам «в значительной степени». Среди тех, кто считает себя безусловными расистами, на первом месте оказались французы, затем – бельгийцы, австрийцы и датчане. Самая низкая доля безусловных расистов – в Швеции, Люксембурге, Португалии, Испании и Ирландии²⁰.

Это данные за 1997 год. Но есть и более свежие, и уже по нашей стране. Социологический опрос показал, что с 1995 по 2002 год «в основном отрицательные чувства» у россиян выросли: по отношению к Японии – с 9,2 до 22,3%, к Китаю – с 21,1 до 30,6%, к Ираку – с 34,7 до 49,0%, к Индии – с 4,8 до 10,2%.

В целом к Азии испытывают отрицательные чувства (2002) 43,0% россиян²¹. Опрос был проведен Институтом комплексных социальных исследований Российской академии наук в сотрудничестве с Фондом имени Ф. Эберта.

В целом и в бывших метрополиях, и вообще в Европе отношение к имперскому прошлому в самые последние годы заметно изменилось. Причины тому разные. Далеко не все можно напрямую связать с политикой и социальными проблемами. У эпохи колониализма была своя романтика — романтика дальних путешествий и знакомства с чужеземными странами. Н. Гумилев в 1910 году писал:

*Я пробрался в глубь неизвестных стран.
Восемьдесят дней шел мой караван;
Цепи грозных гор, лес, а иногда
Странные вдали чьи-то города.
<... >
Древний я отрыл храм из-под песка,
Именем моим названа река,
И в стране озер пять больших племен
Слушались меня, чтили мой закон...*

Эта романтика, впитанная с чтением колониально-приключенческой литературы, не оставила Гумилева и в боях Первой мировой войны, за которые он получил два Георгиевских креста. Об опасной разведке он рассказывал так: «Мы крались, как мальчики, играющие в героев Майн-Рида или Густава Эмара»²².

Правда, у Гумилева эта романтика сочеталась с глубоким уважением к народам дальних стран. Он писал, что Африка «ждет именно гостей и никогда не признает их хозяевами»²³.

Но вернусь к реалиям сегодняшней действительности.

Сейчас стало очевидно, что кровавые междоусобицы и этнические конфликты во многих развивающихся странах унесли за последние десятилетия, вероятно, уже больше человеческих жизней, чем продолжавшаяся столетиями европейская работоторговля. Это и вызывает в Европе неверие в способность некоторых стран организовать свою жизнь. На смену тому чувству вины перед колонизованными народами, которое ярко выражал Сартр и многие европейские интеллектуалы, приходят мысли о позитивном вкладе империй в историю человечества.

Слово «империя» в 1950—1960-е годы считалось символом зла. В последние годы оно произносится уже иначе, оно стало модным. Слово «империя» входит в названия кинотеатров, ресторанов, кафе, лучших сортов духов и одеколona. В названия популярных фильмов.

Эти настроения чувствуются и в нашей стране. Одно из проявлений — появившаяся в конце 2003 года статья «Время белого человека». В ней говорится: «...европейские империи были разрушены за какие-то два десятилетия. Мир за пределами сообщества западных стран в одночасье превратился из terra postumum в terra nulla, из территории относительного порядка в бескрайние ничейные просторы, опустошаемые войнами и беспощадной эксплуатацией ресурсов и населения...»²⁴.

Это утверждение известного политолога нельзя отнести ко всем новым афроазиатским государствам. И все же в отношении многих оно, увы, справедливо.

Но разочарование в эффективности многих новых государственных образований — тоже лишь одна из причин перемен в отношении к имперскому прошлому. Причин много и других. Страх перед быстро набирающим силу Китаем, который также еще сравнительно недавно был зависим от европейских империй. Тревога перед растущей мощью молодых «тигров» Юго-Восточной Азии. Беспокойство, с каждым годом усиливающееся, по поводу последствий демографических перемен в самой Европе. Известный гарвардский политолог Фрэнсис Фукуяма еще недавно прославился книгой «Конец истории», в которой утверждал, что с концом холодной войны в мире победят ценности западного либерализма. Теперь же он рассуждает о том, как уберечь сокращающееся население Европы от наплыва выходцев с «мирового Юга».

Боязнь утраты своей национальной идентичности проявляется у многих европейских народов. Осознанная или не всегда осознанная, она превратилась в серьезную силу. Националистические партии набирают голоса в Австрии, Сербии, Франции, даже в таких политически стабильных государствах, как Швейцария. Не обошла эта тенденция и страны постсоветского пространства. Это остро ощутило на себе русскоязычное население в Прибалтике и Средней Азии. Русский язык теснят в Молдавии и отчасти на Украине.

О таких явлениях, как рост расового самосознания в Азии и Африке, конечно, надо знать, понимать их опасность. Но бороться со злом расизма каждому народу надо прежде всего у себя, а не у других.

На землях бывшей Российской империи

В самом центре Краснодара недавно был установлен памятник человеку, которого казаки считают основателем Кубанской земли. На его открытии губернатор А. Ткачев заявил: «Казаки высадились на безлюдную землю». Это заявление вызвало в Адыгее бурю возмущения. Досталось и Екатерине II. Президент Адыгеи сказал: «Екатерина Великая пожаловала в 1792 году казакам земли, где веками жили адыги, это стало первым шагом к вытеснению коренного населения». Заявления, подобные тому, которое сделал Ткачев, воспринимаются немалой частью населения как имперские.

Скинхеды и многие близкие к ним движения открыто выдвигают своей целью борьбу против «цветных», за чистоту «белой расы» и за ее монопольное право жить в Европе, за лозунг «Россия для русских». Не буду давать выдержек из таких газет и журналов, как «Штурмовик», «Белое сопротивление», «Крутой» или «Уличный боец» и других отечественных изданий, которые у нас стыдливо называют «радикальными». Но вот статья из считающегося солидным журнала «Молодая гвардия». «Абсолютная идея нашего будущего» — название-то какое! Статья появилась в преддверии XXI века, и публиковалась даже не в одном, а в двух номерах. Вот один из ее выводов: «Русские и чеченцы, русские и азербайджанцы, русские и грузины, русские и узбеки, русские и арабы, русские и негры — нации абсолютно некомплементарные (то есть несовместимые). Это означает, что наши интересы всегда будут прямо противоположны, а любое приближение друг к другу на расстояние ближе пистолетного выстрела будет восприниматься как вызов»²⁵.

Эта статья вышла уже несколько лет назад. Но вот из газеты за август 2005 года: «На первом Всемирном съезде казаков, проходившем в Новочеркасске, бешеный успех имела песня атамана Вечеркина с весьма примечательными словами в припеве: “А в станицах родовых до сих пор полно чужих...”. Не старинная казачья песня, между прочим, только что сочинили...»²⁶.

Я не раз слышал, что лучше не касаться темы национальных осложнений, возникших после распада Российской империи и тем более распада СССР. Мол, взрывоопасно — лучше не трогать. Может, поэтому и политические деятели, и ученые не часто об этом говорят. Но как ни старайся избежать этой темы, она все время напоминает о себе. Во Львове улицы Пушкина и Лермонтова переименовали в честь сподвижников Бендеры. В Литве не забывают не только репрессий советского времени, но и то, что Николай I в 1840 году запретил использовать в официальных документах название «Литва». Поляки винят Россию в нескольких разделах Польши.

В том же августе 2005-го Петербург взял на себя благоустройство улицы Петербургской в центре Казани. В начале улицы хотели установить двухметровый бюст Петра I — подарок от Петербурга. Но Союз мусульманских женщин Татарстана и Татарский общественный центр провели пикеты с лозунгами «Нет сооружению в Татарстане памятнику российскому колонизатору!» и «Петр I — отец геноцида татарского народа»²⁷.

Наследие имперского прошлого все время напоминает о себе. Не только положительными достижениями в экономике, науке, культуре, но и пагубными последствиями. Народам Кавказа трудно забыть и давние слова «Дрожи Кавказ, идет Ермолов», и выселение в Центральную Азию в конце Второй мировой войны. То же — и у крымских татар.

Кого только не переселяли силой! Немцев – в 1915-м, из прифронтовой зоны, а потом в 1941-м, с началом войны, куда более масштабно. Евреев держали в «черте оседлости», а потом Сталин разбередил давнишнюю язву России – антисемитизм. Из-за этого миллионы евреев и немцев покинули нашу страну. Были времена, когда переселяли корейцев и китайцев. Выиграла от всего этого Россия?

Но все же имперское сознание и ностальгия по империи очень сильны. Александр Проханов с гордостью провозглашает: «Русские – имперский народ, у нас имперское сознание, и мы иными быть не можем»²⁸. Как известно, так думает не только он.

Наука и образование: перемены в подходах давно назрели

Директор Центра исследований постиндустриального общества В. Иноземцев считает, что «ради управления периферией» должен быть создан «прочный союз великих империй прошлого – Великобритании, России, Франции, Испании» и они сообща и в сотрудничестве с Соединенными Штатами должны «восстановить понимание цивилизаторской миссии западного мира и следовать этой миссии».

Чем автор объясняет необходимость союза бывших империй? «Пора наконец признать, что концепция развития применительно к странам “третьего мира” оказалась ошибочной. Экономическая катастрофа, перед лицом которой оказались целые регионы, должна быть предотвращена, и если единственным способом для этого является возвращение этим регионам статуса колоний или протекторатов, — перед этим не следует останавливаться. Попытка, предпринятая европейцами в начале XX века и направленная на экономическое развитие периферийных стран, осталась незавершенной. Она должна быть доведена до конца.»

Этот вывод отражен и в подзаголовке статьи: «Далекое прошлое может стать нашим близким будущим»²⁹. То есть необходим возврат к тому управлению миром или хотя бы отдельными его частями, которое осуществляли империи. Только теперь уже не каждая из них по отдельности, а сообща.

Очевидно, автор статьи исходил из того, что хаос в одних «развивающихся» странах и кровавые диктатуры в других являются угрозой всему человечеству, а ООН, увы, уже не раз оказывалась неспособна принять действенные меры. И, значит, державы, которые принято именовать великими, должны взять на себя ответственность. Но даже если с этим согласиться, придется признать, что обстановка в мире, во всяком случае сегодняшняя, этому не благоприятствует. Тем не менее идея заслуживает упоминания уже потому, что она продумана, аргументирована и высказана публично на страницах отечественной печати. И автор высказал ее из-за опасений дестабилизации обстановки в мире. Да что греха таить – и в нашей стране.

Не буду пускаться в подробное обсуждение этой идеи. Ясно, что она неосуществима. Не допустят бывшие зависимые и колониальные страны, такие гиганты, как Индия и Китай. Да и бывшие империи не смогут преодолеть свои разногласия. Посмотреть хотя бы на международную реакцию, вызванную вводом в Ирак войск США и Великобритании (которая, кстати, когда-то владела Ираком). Насколько была оправданна эта англо-американская акция, яснее покажет будущее. Кажется, ни у кого не вызывало сомнения, что режим Саддама Хусейна чудовищен. Тем не менее против ввода войск выступили Франция, Германия, Россия, волна протеста прокатилась по многим афро-азиатским странам, и в самом Ираке сопротивление этой акции не стихает.

Мало кто сомневается, что развитые страны должны помогать бедным. Даже в своих же интересах: «золотой миллиард» не может чувствовать себя в безопасности, если рядом с ним нищета и голод. Но как сделать так, чтобы эта помощь доходила до тех, кому она предназначена, а не застревала в руках диктаторских и коррумпированных режимов? Как добиться, чтобы в бывших метрополиях имперская ментальность слабела, а не усиливалась? А в бывших колониях — не шло нагнетание неприязни к бывшим метрополиям и вообще к Европе? Одних мер материального порядка — экономической помощи — тут недостаточно.

Роль ученых в построении будущих отношений между бывшими метрополиями и бывшими колониальными и зависимыми странами очень велика. В угоду национальному и расовому эгоизму они могут разжигать нетерпимость, высокомерие своих народов и рас, противопоставление одних другим. От тоталитарных и авторитарных режимов многих государств историки получают именно такой социальный заказ (исходя из того, что «прошлое — в руках историка»). Немало ученых, увы, вставали на этот путь и, вероятно, еще встанут.

Сейчас нельзя воспринимать мир только таким, каким он видится из Москвы, Лондона, Парижа и Нью-Йорка. Необходимо знать его и таким, каким он представляется из Дели и Пекина, Буэнос-Айреса и Аддис-Абебы, Ташкента и Баку. Постимперский мир может быть понят, только если каждый из нас будет прислушиваться к мнению не только своего, но и других народов. Сейчас больше, чем две тысячи лет назад, важно древнеримское «Пусть будет выслушана и другая сторона!».

Когда-то можно было, как в одной из пьес Островского, ограничиться представлениями, что где-то далеко есть султан Махнут персидский и султан Махнут турецкий. Но и тогда это могла себе позволить только полуграмотная старуха.

Сейчас человечество не успевает осмысливать убыстряющиеся перемены в мире. Это, безусловно, касается и нашей страны, нашей системы народного образования. Я, конечно, не в силах и не вправе компетентно судить обо всех

отраслях знания, но думаю, что положение в исторической науке не является чем-то исключительным. А на исторических факультетах отечественных университетов внимание концентрируется на Европе, Соединенных Штатах и, разумеется, на России — да и то не на всей России, а на ее центральной части. Средней Азии, Кавказу, Прибалтике, даже Украине и Белоруссии — внимания уделяется явно недостаточно. Президент Татарстана М. Шаймиев 26 августа 2005 года на праздновании 1000-летия Казани отметил, что во многих учебниках история России подается только как история русских.

А зарубежная Азия, Африка, Латинская Америка — где живет подавляющее большинство населения планеты — каково их место в отечественной исторической науке и в системе образования? Соответствует оно действительному удельному весу этих регионов?

В нашей стране есть два учебных заведения, специализирующихся на изучении Азии и Африки. Это Институт стран Азии и Африки при МГУ и восточный факультет Санкт-Петербургского университета. Разве этого достаточно? К тому же и в этих учреждениях упор делается не на историю, а на изучение языков.

В России всего две кафедры африканистики, и обе также ориентированы на изучение языков. На кафедре африканистики Санкт-Петербургского университета — всего один историк. На кафедре африканистики ИСАА тоже почти все преподаватели — лингвисты, историю же ведут один штатный преподаватель и совместители.

Если так будет продолжаться, то каждый новый «талибан» будет для нас полной неожиданностью, неразрешимой загадкой. А новые «талибаны», безусловно, будут. Но дело не в них, как бы опасны они ни были. Дело в понимании роли не-Европы в современном мире. В осознании того, что Восток и в целом не-Европа с каждым годом влияют на Европу все больше. Лично меня поразил такой факт, конечно далеко не самый значительный: 80 тыс. этнических французов уже приняли ислам.

Главный вывод моего доклада заключается в следующем: даже если наши политические, социологические и экономические учреждения станут более интенсивно анализировать ситуацию в странах Азии, Африки и Латинской Америки, этот анализ не будет адекватным без должного изучения тех исторических тенденций, которые лежат в основе нынешнего положения дел в этих странах.

Процессам распада империй и характеру их последствий не уделяется должного внимания в отечественной науке, хотя зарубежные исследователи уже давно встали на этот путь. Книга профессора Йельского университета П. Кеннеди «Подъем и падение великих империй»³⁰ стала бестселлером. В 1998—1999

годах вышла пятитомная «Оксфордская история Британской империи». В Англии разработан и начал осуществляться проект издания «Британские документы о конце империи» — это десятки томов.

И еще один вывод. Если суммировать итог работы наших ученых по теме «Взаимоотношения России с зарубежными странами», то львиная доля придется на историю связей с государствами Европы. Наверное, настало время намного больше внимания, чем прежде, уделить и опыту взаимоотношений с другими странами и народами, в том числе (а скорее всего в первую очередь) с народами, входившими в состав Российской империи.

Не стоит ли внимательнее взглянуть и на тот опыт взаимных связей, который приобрели страны, входившие в Британскую или Французскую империи? Особого внимания заслуживает опыт британского Содружества. В него входят 54 государства, более четверти государств мира, более четверти населения Земли, и на него приходится более четверти объема всей мировой торговли. Конечно, Содружество отнюдь не является тесным, очень сплоченным союзом. И все же никто не хочет из него уходить. Более того, Мозамбик, который никогда не был британским владением, попросил его принять. И приняли. Были случаи, когда ту или иную страну временно исключали из Содружества, но в дальнейшем оно добивалось восстановления. В Содружестве уживаются государства с очень разными экономическими порядками и очень разными политическими режимами.

Что их объединяет? Давние экономические, культурные и общественно-политические связи. Та толерантность, которая выработана британскими демократическими традициями. И язык — английский, от которого некоторые афро-азиатские страны, добившись независимости, впопыхах поспешили отказаться, но потом, одумавшись, к нему вернулись. Повторяю: конечно, Содружество ни в коем случае нельзя назвать союзом единомышленников. Там полно внутренних противоречий. И все же невозможно не увидеть большого позитивного опыта связей между государствами, находящимися на разных континентах, в самых разных условиях, с очень разными историческими традициями, с населением, принадлежащим к разным расам.

Стоит ли пренебрегать этим опытом? Да и вообще опытом (особенно — позитивным) взаимоотношений государств, возникших на развалинах империй нового и новейшего времени?

Уже сейчас осознается, что, в сущности, все проблемы наступившего XXI столетия связаны с имперским прошлым. Какие-то зависимости еще не выявлены, но и они постепенно становятся очевидными. Повлиять на неумолимый ход истории куда как трудно. Но можно внимательней взглядеться, попытаться понять его возможные пути. И, даст Бог, хоть немного смягчить его удары.

Примечания

- ¹ *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Наука, 1968. С. 305.
- ² *Fanon F.* Les damnés de la terre. Paris, 1961.
- ³ Яркий пример – монография Д. Ливена, профессора Лондонской школы экономики. *Lieven D.* Empire. The Russian Empire and Its Rivals. London, 2000.
- ⁴ Deutschland in der Periode des Imperialismus. Berlin, 1953. S. 48.
- ⁵ *Ohnet G.* L'inutile richesse. Paris, 1896. P. 5, 12.
- ⁶ *Дионео.* Очерки современной Англии. СПб., 1903. С. 254.
- ⁷ *Ravell-Pinto T.M.* Woman's writing and the politics of South Africa. The ambiguous role of Nadine Gordimer. P. 19 (доклад, представленный для обсуждения на заседании Программы южно-африканских исследований Йельского университета весной 1989 г.).
- ⁸ *Fanon F.* Les damnés de la terre. Paris, 1961. P. 225.
- ⁹ *Fanon F.* Pour la Révolution africaine. Paris, 1967. P. 89–90.
- ¹⁰ Ibid. P. 90.
- ¹¹ *Fanon F.* Les damnés... P. 240.
- ¹² *Fanon F.* Pour la Révolution... P. 146.
- ¹³ Ibid. P. 65.
- ¹⁴ *Fanon F.* Les damnés.... P. 182.
- ¹⁵ Ibid. P. 104.
- ¹⁶ Э. Сезер – вест-индский поэт. У. Дюбуа – крупнейший афро-американский историк. Л. Хьюз – афро-американский поэт. В. Шоинка – нигерийский писатель, нобелевский лауреат. Н. Гильен – кубинский поэт. Н. Ва Тхионго – кенийский писатель. Пушкин, как и Дюма (отец, а нередко и сын), зачастую включаются афроцентристами в число африканских писателей, поскольку в них текла африканская кровь.
- ¹⁷ *Asante M.K.* Afrocentricity. Trenton (USA), Asmara (Eritrea), 1996. P. 40, 42, 45, 46.
- ¹⁸ Новое русское слово (Нью-Йорк). 1989. 25 апр.
- ¹⁹ *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т. 2. СПб., 1992. С. 230.
- ²⁰ Известия. 2000. 6 дек.
- ²¹ Известия. 2002. 8 окт.
- ²² *Гумилев Н.* Соч. в трех томах. Т. 2. М., 1991. С. 344.
- ²³ Там же. С. 224.
- ²⁴ *Иноземцев В.Л.* Бремя белого человека // Независимая газета. 2003. 25 ноября.
- ²⁵ *Лысенко Н.* Абсолютная идея нашего будущего // Молодая гвардия. 1994. № 9. С. 25.
- ²⁶ *Лебедева А.* Как казаки отправились чеченцев выселять. «А в станицах родовых до сих пор полно чужих» // Новая газета. 2005. 8–10 авг.
- ²⁷ *Никонов Ю.* Дареному Петру посмотрели в зубы // Известия. 2005. 12 авг.
- ²⁸ Цит. по: *Ясин Е.Г.* Приживется ли демократия в России. М., 2005. С. 251.
- ²⁹ *Иноземцев В.Л.* Указ. соч.
- ³⁰ *Kennedy P.* The Rise and the Fall of the Great Powers. N.Y., 1987.

Д. Ливен,

декан факультета политологии Лондонской школы экономики

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ ПОСЛЕИМПЕРСКИХ МЕТРОПОЛИЙ

Можно сказать, что я ребенок двух империй — Британской и Российской. Сам я родился в Сингапуре, мои мама и бабушка — дочери британских чиновников в Индии. В то же время мой предок был в течение 22 лет российским послом в Лондоне.

Хочу остановиться на теме постимперского периода, а именно на том, что происходит в бывших метрополиях империи после ее распада. В значительной степени это зависит от международного контекста, от того, какой глобальный или региональный порядок имеется в той среде, в которой живет данная метрополия.

Итак, давайте сравним Россию и Великобританию. Конечно, элементы сходства в ситуациях этих двух стран есть, но принципиальным, на мой взгляд, все же является различие, и это различие между морской и сухопутной империями. У островной Великобритании была империя в собственности, а Россия сама являлась империей — континентальной и сухопутной. В этом отношении она, правда, тоже не уникальна, поскольку в истории существовали и другие крупные сухопутные империи, например Оттоманская, Австро-Венгерская. Но Россия несколько отличалась и от них, о чем я еще скажу.

Западноевропейские морские империи: Великобритания, Франция, Испания, Нидерланды, теряя свои заморские владения, становились странами третьего сорта, потому что в эти относительно небольшие европейские государства прекращали приходиться ресурсы из колоний. С сухопутными империями, и в частности с Россией, ситуация другая. Сибирь была бриллиантом в короне Российской империи, и она осталась частью России. Потенциально Россия после потери имперских позиций имела шанс превратиться в страну не третьего, а второго сорта на мировой арене, потому что многие свои, если можно так сказать, исторические, «исходные» колонии она сохранила. Но при этом она сохранила и свои «имперские» обязательства поддерживать безопасность морских границ в Сибири и на Дальнем Востоке, а это в XXI веке, когда Тихоокеанский регион становится все более нестабильным, представляет собой проблему.

Другой очевидной проблемой является то, что крах империи обычно сопровождается появлением очагов нестабильности, по крайней мере в некоторых бывших колониях. Например, когда Британия покинула Бирму, там началась гражданская война, которая продолжалась много лет. Но Бирма была далеко от Великобритании, и тот хаос, который раздирает бывшую колонию, не сильно

затрагивал бывшую метрополию. Если же речь идет о континентальной сухопутной империи, то беспорядки на ее периферии, в бывших, условно говоря, колониях, несут большую опасность для центра. Франция оказалась в промежуточном положении. Алжир, конечно, гораздо ближе к Франции, чем Бирма к Великобритании, но все равно это не сухопутная граница, как у России с Чечней. В этом большое различие.

Чтобы представить себе британский эквивалент того, что произошло в России за последние 20 лет, вообразите, что Британская империя в 1930-х годах, когда она уже не была такой огромной, как раньше, и не являлась предметом самой большой гордости страны, но все-таки сохраняла свою силу, — так вот, вообразите, что эта империя неожиданно распалась. Представьте, что от нее отделились Шотландия (как от России Украина), Уэльс (как Белоруссия), представьте распад парламентской системы, распад экономики. Но даже если вы все это себе представите, ситуацию вряд ли можно будет назвать аналогичной.

Бывшей Британской империи в постимперский период пришлось преодолевать немало сложностей, выстраивая свои взаимоотношения с остальным миром. Но все же лондонский Сити всегда был крупным банковским игроком на международной арене, и промышленность Великобритании имела выход не только на имперские рынки. Поэтому Англия достаточно быстро приспособилась даже к тому миру, в котором доминировала Америка, потому что в этом мире использовались те же самые общелиберальные принципы, по которым строилась жизнь и в Великобритании.

России эпохи Ельцина в этом смысле было гораздо труднее, поскольку мир управлялся и сейчас управляется теми странами, которые традиционно, с эпохи холодной войны, считались врагами России. К тому же она оказалась в положении страны бедной, просящей. Поэтому меня даже удивило, что после краха империи России удалось избежать гораздо более сложных проблем, чем те, что реально имели место.

Очень часто развал империи сопровождается гражданским конфликтом. Деколонизация в Великобритании в свое время прошла под достаточно жестким управлением, и в определенной степени именно благодаря этому Индия и Пакистан, например, относительно спокойно вышли из Британской империи. Без такого управления они начали конфликтовать между собой, вплоть до того, что сейчас уже появилась угроза ядерного конфликта. Здесь же можно упомянуть и о палестинском конфликте. Конечно, и у нас не все было управляемо — можно вспомнить о той же Ирландии. Но распад СССР вообще не управлялся — никем и никак.

Таким образом, проблемы России и Великобритании, хотя они в чем-то похожи, гораздо в большей степени отличаются друг от друга. Поэтому, может быть, все-таки стоит сравнивать Россию с империями континентальными?

В самом деле, при сравнении России с Великобританией нам становится жалко россиян, при сравнении же, например, с Австро-Венгрией хочется пожалеть Австрию. Сложно понять, что такое была Австро-Венгерская империя. Вот, скажем, россияне времен Пушкина гордились и русской культурой, и российским государством, несмотря на все его недостатки. А в Австро-Венгрии вплоть до ее распада в 1918 году подобная самоидентификация отсутствовала. Немцы гордились тем, что они немцы, католики гордились тем, что они католики. Тиролец мог гордиться тем, что он тиролец, как и представитель какой-нибудь другой провинции в этой империи. Были австрийские немцы, были судетские немцы, но не было единого организма.

Вы спросите: какое это имеет значение? Разве так уж важно, насколько себя осознавали одной страной или нацией австрийцы? Да, это важно, потому что привело к определенному развитию ситуации в будущем. Дело в том, что Гитлер был австрийцем. И он жил в период глобальных перемен, которые стали происходить к 1929 году, времени кризиса международного либерального капитализма. В определенном смысле Гитлер был выражением протеста немцев, принадлежавших к среднему классу, против Вены, которая была цитаделью глобализации, Вены, в которой тогда доминировала еврейская культура — как в интеллектуальной жизни, так и в экономической. С другой стороны, в 1920-е годы немцы (сюда включаем и австрийцев) имели самую динамично развивавшуюся экономику в Европе, основанную во многом, подобно экономикам азиатским, на идеалистической мотивации. Поэтому у них были все основания не мириться с гегемонией англо-американской либеральной концепции.

Австрия мечтала о возобновлении немецкой империи в центре Европы. Приход к власти нацистов не был неизбежным, но та ситуация, которая сложилась в Европе после Первой мировой войны, требовала разрешения, и в ней, в этой ситуации, имелись вполне реальные предпосылки для возобновления некоей империи. Попытки победителей выстроить послевоенный европейский порядок без учета интересов побежденных были нежизненными. Долговременно устойчивый порядок не сочетается с унижением стран и народов. Известному австрийскому политику — бывшему лидеру социал-демократов и будущему президенту Австрийской Республики — не нравились нацисты, но когда случился аншлюс, он заявил: наконец-то я полностью могу почувствовать себя австрийцем. Полагаю, что под этим он подразумевал следующее: наконец-то я являюсь гражданином подлинной державы и не испытываю больше чувства унижения.

И последнее — о том порядке, в котором мы живем. Это глобальный порядок. Но каков его характер? Является ли он имперским? Достаточно ли он стабилен для того, чтобы создать такую ситуацию, в которой Россия займет какое-то определенное, устраивающее ее и другие страны место? В решающей степени это зависит от самой России. Но это и общая проблема.

Когда я писал книгу об империях, я рассматривал связи между политической властью и великими культурами и цивилизациями. С одной стороны, анализировал причины их падения и подъема, с другой — рассматривал источники их мощи. На мой взгляд, характер этих связей определяется несколькими составляющими: политической, военной, экономической, идеологической, культурной, демографической и геополитической. Если проанализировать эти аспекты, то можно составить представление и о современном глобальном порядке.

Когда мы сегодня говорим о мощи современных держав, совсем необязательно подходить к этому вопросу исключительно с точки зрения того, является держава «империей» или нет. Тем более что я отвергаю американскую идею, противопоставляющую друг другу империю и демократию. Я, конечно, предпочту мир, в котором доминируют демократии «американского» типа, чем какой-то, скажем так, альтернативный мир. Но, на мой взгляд, заблуждение думать, что демократия в любых ситуациях заведомо лучше любой другой формы государственного устройства. Наиболее крупные демократические страны, как правило, имели колонии и были беспощадны по отношению к «небелому» населению, которое при таком положении вещей вряд ли могло осознать преимущества демократии.

Вообще, если вы можете быть гражданином, то лучше быть гражданином, чем объектом. Но если судьба решила так, что вы являетесь объектом, то лучше быть объектом недемократического государства, потому что демократическое служит интересам исключительно своих собственных граждан и плохо относится к другим. Страны с недемократическими режимами потому и существуют, что часто обеспечивают людям лучшую жизнь, чем в тех же условиях могли бы сделать режимы демократические.

Исключает ли это доминирующее положение англо-американской цивилизации в мире? Думаю, нет. Но, как сказал один из известных геополитиков конца XX века, сохранение этого положения в конце концов будет зависеть от «стабильности» средних классов. Мне кажется, что это именно так.

Д. Фурман,

главный научный сотрудник Института Европы РАН, доктор исторических наук, профессор

СНГ КАК ПОСЛЕДНЯЯ ФОРМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В СНГ входят страны, очень далекие друг от друга как географически, так и по глубоким основаниям своей культуры. То, что их объединяет, связано исключительно с разнообразными последствиями их пребывания в составе Российской империи, а затем возникшего на территории этой империи и пред-

ставлявшего собой ее новое воплощение СССР. СНГ – это третья форма организации одного и того же российского имперского исторического пространства. Задача данного доклада – показать логику интеграционных и дезинтеграционных процессов, идущих на этом пространстве, и их значение для России.

1

Российская империя по своей внутренней структуре значительно отличалась от «заморских» колониальных империй западноевропейских стран. Она возникла за счет последовательного расширения самодержавного русского государства, постепенно подчиняющего народы, живущие по периферии России, – очень разные по своей культуре и численно уступающие русским (к началу Первой мировой войны русские составляли 44% населения империи). Народы становились подданными династии Романовых, а их земли превращались в окраины империи¹.

Отличие от западных колониальных империй, в Российской империи не было четкого разграничения «метрополии» и «колоний» и различий в правовом положении граждан и подданных. Русские не обладали большей свободой, чем «инородцы», наоборот, некоторые «инородческие» окраины пользовались значительно большей свободой, чем жители собственно русского «ядра империи». Если англичане или французы могли выбирать свои власти, в то время как их колонии управлялись назначенными метрополией чиновниками, в России, напротив, парламенты могли существовать в Польше и Финляндии, в то время как собственно Россия управлялась полностью авторитарно. А крепостное право, господствующее в центре империи, не распространялось на большинство окраин. Империя была российской, русской не потому, что русские были в ней «народом господ», а потому, что возникла из расширения русского ядра и ее императоры были русскими и православными.

Во второй половине XIX – начале XX века Российская империя подтачивалась процессами модернизации: распространением грамотности, средств сообщения и информации, урбанизации и развитием рыночных отношений, демократизацией социальной жизни. Эти процессы привели к двум последствиям.

С одной стороны, Российская империя стала осознаваться не просто как империя Романовых, но как национальное русское государство. Началась русская националистическая славянофильская агитация за ликвидацию сохранявшегося самоуправления окраин и их административную интеграцию с собственно русскими землями, русификацию «инородцев», русскую колонизацию их земель и ограничение социальной роли нерусских. Императорская власть приняла и постепенно стала осуществлять эту националистическую программу. Радикальный поворот к «национально русской» политике произошел при Александре II, когда в России было отменено крепостное право и проведены

реформы, направленные на модернизацию и демократизацию общества.

С другой стороны, в окраинных этносах также шли процессы образования современных наций. Распространялась не только русская грамотность, но и грамотность на постепенно приобретающих литературную форму языках народов окраин. У этих народов формировалась своя буржуазия, интеллигенция и бюрократия. Императорская власть даже способствовала возникновению у наиболее отсталых окраинных наций своих интеллигенции и бюрократии, необходимых для управления ими. Идейная эволюция этого слоя происходила от преданности империи как носителю прогресса через стремление сохранить и модернизировать национальную культуру и противодействовать русификации к политическому национализму — автономии и сепаратизму, аналогично процессам, происходившим в других империях.

Русский национализм и националистические движения окраинных этносов, борясь друг с другом, взаимно друг друга усиливали. Чем больше империя осмысливалась как национальное русское государство и переходила к политике русификации, тем больше было противодействие этой политике со стороны поднимающихся национальных движений. И наоборот — чем сильнее и опаснее были эти движения, тем активнее становились усилия по их подавлению и русификации. Национальная борьба все более расшатывала организм империи.

Перенапряжение российского государства в Первой мировой войне и революция в центре империи привели к бурному росту и организационному оформлению автономистских и сепаратистских движений окраинных народов. Следствием исчезновения самодержавного, авторитарного «обруча», скрепляющего империю, стали ее дезинтеграция и распад. В период Гражданской войны на окраинах России возникло множество в основном очень непрочных и слабо организованных национальных государственных образований.

Российская империя распалась по тем же причинам (ослабление государственного организма в результате образования современных наций, перенапряжение и поражение в мировой войне и революция), которые привели к разрушению в это же время других континентальных империй — Австро-Венгерской и Османской. Однако в отличие от них Российская империя смогла восстановить свое единство на большей части своей территории и возродиться в новом воплощении — СССР.

2

Отличие судьбы Российской империи от участи Османской и Австро-Венгерской связано с тем, что в России на волне демократической революции к власти пришла партия большевиков, носительница интернационалистической квазирелигиозной идеологии. Можно сказать, что большевики смогли в новой форме восстановить единство Российской империи именно потому,

что они к этому не стремились. То, что им удалось победить лишь на исторической территории России, мыслилось ими как относительно случайное и временное явление, задержка на пути мировой социалистической революции. Созданное ими государство также рассматривалось как «временное» — не как преемник великой империи прошлого, а как плацдарм революции и будущего всемирного объединения народов, в котором национальные различия и государственные границы исчезнут вообще. Это отразилось и в самом названии нового государства, в котором нет никакого национального определения и никакого указания на преемственность с империей, — не какой-нибудь «Российский союз», а просто Союз Советских Социалистических Республик, т.е. федерация равноправных национальных республик, поскольку они являются советскими и социалистическими.

Ясно, что в ситуации выбора между большевиками и «белыми», стремящимися восстановить «Великую Россию», у украинских народов колебаний быть не могло. Интернационализм большевиков, их борьба с проявлениями русского шовинизма, готовность реализовывать националистические программы нерусских народов — при единственном условии, которое тогда могло рассматриваться националистами как не столь важное, а именно господстве коммунистической партии — смогли «разоружить» относительно слабые национальные движения большинства народов окраин, еще не ставших полностью готовыми к самостоятельному государственному существованию нациями. Были потеряны лишь земли наиболее сформировавшихся как современные нации европейских по культуре народов — поляков, финнов и народов Балтии, а также вошедшей в состав Румынии Молдовы.

Идея федерации, в которой на условиях равноправия и добровольности входили бы громадная Россия с ее имперской историей, маленькие Грузия и Армения, Украина и Белоруссия с еще не полностью сформировавшимся национальным самосознанием, мусульманские этносы Средней Азии и Азербайджана и множество других народов с разными культурами и разных уровней развития, была совершенно утопичной. Но созданное большевиками государство и не было федерацией.

Провозглашенный большевиками добровольный федеративный союз равноправных народов изначально был фикцией, хотя и имевшей непререкаемое догматическое значение. Тоталитарный, квазирелигиозный характер большевистской идеологии исключал добровольность и федеративность. Фактически большевики воссоздали унитарное государство, в котором все пространство Российской империи управлялось из одного центра значительно более жестко, чем при самодержавии.

Впрочем, воссоздание Российской империи было уже невозможно. Но невозможно было и превращение «имперского пространства» в федерацию рав-

ноправных народов. Скрепить это пространство, сформировать его как единое государство можно было только так, как это сделали большевики, — создав государство, основанное на догматически принятых идеях равноправия и федеративности, что смягчало стремление народов к выходу из него и к государственной самостоятельности, и в то же время жестко унитарное, способное государственным террором подавлять такие стремления. Именно это соединение несовместимого, возможное лишь при догматической идеологии, придало большевистскому государству относительную прочность.

Однако большевистские идеология и организация могли лишь задержать необратимые процессы. Российская империя просуществовала несколько сот лет. Государство, созданное на этой же территории большевиками, просуществовало 74 года, на протяжении которых его единство подтачивалось продолжающимися на его территории процессами образования современных наций и постепенным упадком скреплявшей его идеологии — теми же, но принявшими новые формы, процессами модернизации, которые разрушили Российскую империю.

3

Российская империя разрушалась и русским национализмом, стремящимся превратить ее в национально русское государство, что было все менее возможно, ибо окраинные этносы постепенно становились современными нациями, и национализмом этих окраинных этносов. Так же, «с двух концов», разрушалось и советское государство.

Государство, созданное большевиками, вначале не мыслилось ими как преемник империи. Но унитарное авторитарное государство, возникшее на территории империи, в котором «ядром» и самой мощной частью являлась этническая Россия, естественным центром которого была Москва, единым языком управления которого мог быть лишь русский язык и во главе которого должны были находиться только русские или обрусевшие, — это, вне зависимости от характера официальной идеологии, новое воплощение империи. В таком государстве «сама собой» неизбежно восстанавливается имперская иерархия народов во главе с русским.

Отчасти это отражалось даже в его формальной организации, которая именно потому, что была лишь формальной, могла совершенно не соответствовать реальному механизму управления. «Теоретическая» конструкция советской Конституции предполагала правовое равенство России и Грузии, но даже в чисто теоретической конструкции не могло быть равенства России и Бурятии или Адыгеи, которые считались автономными республиками в составе РСФСР. Кроме того, Россия не имела многих атрибутов государственности, которые имели другие республики, — своего ЦК, своих академий, творческих

союзов, ибо молчаливо подразумевалось, что союзные ЦК и академии и есть «в основном российские» и потому создание особых российских не нужно и опасно, может стать источником дезинтеграции. И действительно, когда в конце советского периода возникли отдельные российские органы власти, это означало конец СССР.

По мере упадка «эсхатологических» раннебольшевистских ожиданий мировой революции СССР все более осознавался уже не столько как зародыш будущего всемирного социалистического и коммунистического объединения человечества, возникновение которого переносилось во все более туманное будущее, сколько как продолжение и новое воплощение тысячелетнего русского государства. А фактически — как то же самое государство, создававшееся и расширявшееся русскими самодержцами и победами русских полководцев, чьими именами назывались советские воинские ордена. Если Ленин, основатель советского государства — страстный интернационалист и ярый враг русского шовинизма, то Сталин одновременно и «верный ученик Ленина», новый «классик марксизма», и «классический» русский авторитарный владыка, «верный ученик Ивана Грозного и Петра Первого». Созданный при Сталине гимн, заменивший «Интернационал», содержит слова, в которых удивительно причудливо переплетаются имперские и интернационалистические образы и идеи: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь» (республики — свободные, но их союз тем не менее нерушимый и вечный, и сплотила их одна великая республика — Русь).

Сталин восстановил многие элементы символики Российской империи и подчеркивал особую роль и особое величие русского народа, который теперь официально объявлялся «старшим братом» других советских народов. Возродилась политика русификации, и если в 1920-е годы новые литературные языки народов СССР создавались на основе латинской графики, то теперь они переводились на русскую. На государственном уровне возрождался антисемитизм. Расширялось населенное русскими пространство. Сталин завершил то, что не смог сделать царизм, — очистил Крым и территории ряда северокавказских народов от местного населения, открывая их для русской колонизации. Восстановил он и территорию империи — возвратил утраченные в период революции и Гражданской войны в России («русской смуты») балтийские страны и Молдову.

Очень характерно, что расширение территории СССР при Сталине не перешло старых границ Российской империи¹. Возникшие после разгрома Германии и советской оккупации Центральной Европы коммунистические государства, даже принадлежавшая Российской империи, но слишком большая и обладающая слишком развитым самосознанием Польша, уже не были включены в СССР как союзные республики, что наверняка случилось бы при Ленине. Сталин явно опасался, что непосредственное их присоединение к СССР может

подорвать существующее в нем соотношение «национальных сил» и привести к утрате доминирующего статуса русского народа.

Таким образом, империя приобрела форму трех концентрических кругов. Первый круг — РСФСР, в которую входили на правах «автономий» многочисленные относительно малые окраинные народы и нации, земли которых были расположены «внутри» собственно России. Второй круг — СССР, куда входили и «инородческие» окраины Российской империи, ставшие «союзными республиками», теоретически равноправными с Россией. Третий круг — громадный ареал государств, входящих в «соцлагерь», теоретически полностью независимых и связанных с СССР только партийными узлами и межгосударственными соглашениями.

Эпоха Сталина — эпоха предельной интенсивности обоих противоречащих друг другу компонентов осмысления советского государства: марксизма—ленинизма, ставшего догматической квазирелигией, и яркого и агрессивного русского национализма и шовинизма. Их соединение, при отсутствии осознания противоречий между ними, могло быть достигнуто лишь жесточайшим террором и громадными внешнеполитическими успехами государства — разгром Германии и появление «социалистического лагеря» как бы «легитимизировали» эту причудливую комбинацию.

После «разоблачения культа личности» интенсивность обоих этих компонентов несколько ослабла — следующие правители уже и не «классики марксизма», и не новые Иваны Грозные и Петры I. Но постепенный упадок марксистско-ленинской идеологии и ослабление идеологического контроля привели к тому, что русский национализм начал оформляться как относительно самостоятельное идейное течение, стремящееся утвердить национально-русский характер государства и ограничить в нем роль меньшинств. И, как и в Российской империи, центральная власть (русская) поддалась давлению русского национализма³.

Но параллельно этому процессу наблюдались явления прямо противоположные. Как и в Российской империи, русификация шла параллельно с развитием из окраинных этносов современных наций, которым делалась все более тесной «оболочка» становящегося все более русским государства.

4

Источником мощи СССР было не то, что он был империей русского народа, а то, что он был государством, основанным на коммунистической идеологии. СССР мог пользоваться поддержкой миллионов сторонников в «капиталистическом мире», сохранять лояльность советских народов и народов стран «народной демократии» только потому, что государство, которое «изнутри», и прежде всего русскими, рассматривалось скорее как продолжение и новое

воплощение Российской империи, «вовне» представало как воплощение интернационалистической коммунистической идеологии, как государство, основанное на равенстве и братстве народов.

Коммунистический интернационализм был закреплён догматически и накладывал жесткие ограничения на возможности трансформации СССР в русское национальное государство. Федерализм имел непререкаемое значение. И хотя реальное управление государством было строго унитарным, а федерализм — фиктивным, интернационалистические и федералистские догмы не были просто фикцией. Их поддержание требовало реальных действий.

В СССР проводилась колоссальная работа по превращению «ранее отсталых» народов в полноценные «социалистические» нации⁴. Изучались и кодифицировались языки, создавались словари и учебники, изучался фольклор, при государственной поддержке создавались и развивались «социалистические по содержанию», но «национальные по форме» литература, театр, современная музыка. Культивировался, хотя и в уродливых, ущербных формах, при признании русского превосходства и замалчивании всего связанного с сопротивлением русскому завоеванию, республиканский патриотизм. Государство стремилось развивать национальную интеллигенцию и бюрократию, что диктовалось как необходимостью управления, так и идеологическими догмами. И если в начале, во времена Ленина, при всем искреннем интернационализме раннего большевизма, реально окраинными республиками управляли не местные коммунистические элиты, которых просто не было, то затем, несмотря на новые русско-шовинистические элементы в идеологии и политике, руководство в республиках перешло к местным кадрам. Стремление ускорить модернизацию отсталых народов привело к созданию системы привилегий для них при приеме в вузы, в партию, на работу, которая одновременно была системой дискриминации русских, сохранявшейся до конца советской эпохи, — плата за признании их «старшими братьями».

Устанавливались границы союзных и автономных республик. Они, как и сама иерархия союзных республик и автономий, устанавливались в значительной мере произвольно и случайно, поскольку при полной централизации управления в СССР границы имели условное и скорее административное значение. Вначале они были относительно лабильны, но по мере общего «окостенения» советского государства становились все более неподвижными. Перевод республики в иной статус или присоединение к ней области другой республики, относительно легко осуществлявшиеся при Сталине и еще возможные при Хрущеве, в дальнейшем полностью прекратились. Границы внутри страны практически приобрели незыблемость государственных.

Государство стремилось создать в республиках все атрибуты полноценных «социалистических» наций и государств. В каждой республике должны были

быть свои ЦК, Верховные советы и Советы министров, свои академии наук и творческие союзы, свои театры и филармонии, издательства и газеты на национальных языках, свои памятники признанным идеологически приемлемыми великим людям прошлого.

Пока сохраняла свое значение коммунистическая идеология и государство управлялось не своими формальными конституционными органами, а подчиняющимся жесткой дисциплине партаппаратом, это не угрожало его единству – федерализм оставался «камуфляжем», фикцией. Но постепенный упадок коммунистической идеологии вел к тому, что фиктивный федерализм начал приобретать своеобразное воплощение в реальности.

СССР к концу своей жизни, естественно, не был той федерацией, которую провозглашала советская Конституция и которая вообще существовать не могла. Но он уже не был и таким унитарным образованием, каким должен был быть на основании постепенно становящегося формальным централизма КПСС. Республиканские власти непрестанно выражали свою преданность Москве, и удовлетворенная этим и стремящаяся лишь к «стабильности» Москва не вмешивалась во «внутренние дела» республик. Фактически национальные республики превращались в нечто вроде «вассальных царств», где безраздельно правили местные элиты, руководимые несменяемыми рашидовыми, кунаевыми, алиевыми.

К концу советского периода «обруч» коммунистической идеологии, скрепляющий государство, предельно ослаб, а степень готовности нерусских наций СССР к самостоятельному государственному существованию была уже во много раз выше, чем в момент распада Российской империи. Национальные государства «вылупились» из «советского яйца» уже почти полностью сформировавшимися национально-государственными организмами. Поэтому и сам этот распад произошел значительно менее болезненно, чем распад 1917 года.

Однако, говоря о предпосылках распада СССР, мы, очевидно, должны различать его объективную неизбежность и субъективную готовность к нему общества. Особенностью распада СССР было сочетание очень высокой степени объективной неизбежности (сама легкость этого распада свидетельствует о том, что СССР не только «созрел» для него, но и «перезрел») и очень низкой — субъективной подготовленности. СССР находился на грани смерти, но советское общество об этом не подозревало.

5

Такая неготовность общества к катаклизмам проистекала из самой его природы. Тоталитарное общество – и руководство, и население – «по определению» не знает себя, у него нет инструментов самопознания. Его болезни и слабости глубоко спрятаны от него самого. Поэтому и реформирование, предпри-

нятое Горбачевым, было попыткой лечить организм, анатомия и физиология которого были неизвестны не только реформаторам, но и никому в стране. Естественно, что общество столкнулось с абсолютно непредвиденными результатами преобразований.

Самым важным из таких непредвиденных результатов было быстрое разрушение союзного государства, которое, как стало «выясняться» лишь в ходе перестройки, скреплялось только «обручем» КПСС и распалось, как только он был снят. Распад этот не был подготовлен какой-то длительной антиимперской и сепаратистской борьбой, как, например, борьба за независимость Индии, которая велась десятилетиями. В условиях СССР, где цензура подавляла любую свободную мысль, а КГБ – любые попытки самоорганизации общества, такая борьба была просто невозможна. Поэтому и развал страны произошел с удивительной скоростью.

В национальных республиках либерализация вызвала к жизни националистические движения – как сепаратистские, прежде всего в относительно поздно присоединенных к СССР республиках Балтии, Молдове и Западной Украине, так и направленные не столько против центра, сколько против других народов СССР, но также расшатывавшие единство государства конфликты, в числе которых армяно-азербайджанское столкновение в Нагорном Карабахе, национальные споры в Грузии и Центральной Азии. Эти движения не представляли смертельной угрозы для государства и могли быть подавлены силой. Но их усмирение означало бы конец предпринятой Горбачевым либерализации и демократизации, поэтому центр на него не решился. Между тем по мере ослабления центра, роста «низовых» националистических движений и опасностей, исходящих от неконтролируемых процессов в России, республиканские номенклатурные элиты все более сами склонялись к сепаратизму. Они быстро приходили к пониманию того, что в их руках есть механизмы, позволяющие контролировать их страны, и что независимость означает для них освобождение и от контроля Москвы, и от угроз со стороны местных националистов, лозунги которых они таким образом перехватили бы, а также защиту от неконтролируемых процессов, происходящих в России и других республиках, и резкое повышение социального статуса.

СССР разрушался не только в национальных республиках, но и в РСФСР, где Горбачев столкнулся с антикоммунистическим демократическим движением во главе с Ельциным, которое пришло к власти на Всероссийском съезде народных депутатов, после чего конфликт российской демократической оппозиции и Горбачева принял форму конфликта российских и союзных органов власти. Россия сама стала антисоюзной и «сепаратистской».

Идеология демократического движения в «перестроечной» России была очень аморфной, объединяя самые разные элементы, а сознание его руководите-

лей и последователей — в значительной мере эклектично. В нем присутствовал и реально демократический, «антиимперский» компонент. Но с ним сочеталась и совершенно другая составляющая — русско-националистическая. Одним из важнейших элементов агитации Ельцина и демократов было утверждение, что Россия эксплуатируется союзным государством, что ее ресурсы перекачиваются в нерусские окраины и что в СССР она не обладает всей полнотой прав, поскольку у нее нет своей академии наук, ЦК и прочих институтов. Здесь российские демократы солидаризировались с противниками горбачевского либерализма из противоположного, «имперского» и русско-шовинистического, лагеря.

Русский национализм стремился не к разрушению СССР, а к тому, чтобы он стал государством, где русское доминирование было бы открытым и безусловным. Но идея эксплуатации русских меньшинствами и их неполноправия в СССР была близка русским националистам, которые не могли не поддерживать создание российского президентства и борьбу за «интересы России» против союзной власти⁵. Ведь у других республик были уже свои президенты, а чем Россия хуже? И здесь русский национализм «попал в ловушку». Если центр еще мог как-то справиться с сепаратизмом окраинных республик, то с сепаратизмом самой России он справиться был не в состоянии. Борьба за «величие России» привела к разрушению того государства, в рамках которого Россия только и могла быть «великой».

Как и в Российской империи, в которой распад шел с двух сторон — и от национализма русских, стремящегося сделать империю национально русским государством, и от националистов народов окраин, стремившихся этого не допустить, распад СССР также был двусторонним. К нему стремился и «старший брат», который не хотел считаться с «младшими» и подозревал, что они его эксплуатируют, и «младшие братья», стремившиеся выйти из-под его опеки.

Распад СССР был результатом совместных усилий самых разнообразных сил, и только некоторые и далеко не самые мощные из них сознательно и целенаправленно двигались к его разрушению. Организованный союзным руководством референдум в марте 1991 года продемонстрировал, что подавляющее большинство населения — и отнюдь не только в России — было за сохранение союзного государства. В России против Союза проголосовали только 19% — те, кто последовал призывам Ельцина и возглавляемых им российских демократов. Но даже эти 19% не могут рассматриваться как принципиальные сторонники роспуска Союза. Такое голосование скорее носило характер протеста против политики Горбачева, чем выражало реальное стремление к ликвидации СССР. Практически никто и из голосовавших «за», и из голосовавших «против» не мог предполагать, что СССР прекратит существование в этом же году.

Даже Ельцин и его ближайшие соратники, упорно боровшиеся с союзным центром и призывавшие голосовать на референдуме против СССР, не имели ясных представлений о будущем Союза. Борьба с горбачевским союзным руко-

водством была для них прежде всего не идейной борьбой с империей, а борьбой за власть, в которой они могли использовать самые разные лозунги и самых разных союзников. И когда после августовского «путча» стало ясно, что центр предельно ослаб и больше не представляет для них угрозы, а нерусские республики готовы к отделению, российская власть стала угрожать им территориальным переделом и фактически войной, если они выйдут из Союза, что, естественно, только способствовало усилению их сепаратистских стремлений. Идея Беловежских соглашений, положивших конец существованию СССР, возникла у российских лидеров в последний момент. Можно сказать, что эти соглашения буквально «свалились на голову» неподготовленному к ним населению.

Это сочетание объективной неизбежности и легкости распада и субъективной неготовности к нему, его неожиданности — специфическая черта гибели тоталитарной «советской империи». СССР пал не в результате военного поражения, не в результате длительной борьбы народов за освобождение и не в результате сознательного отказа от идеи империи главной, «имперской» нации. Распад произошел по непонятным для подавляющего большинства причинам настолько легко и быстро, что население, прежде всего русское, просто не могло поверить, что это действительно факт, что государство, создававшееся веками и просуществовавшее века, окончательно погибло. «Несерьезность» акта роспуска СССР — где-то в Беловежской пуще собрались три человека и в одночасье «за пол-литра» все решили — выглядела анекдотически и не позволяла осознавать значение события.

Это во многом определило специфику русского «постимперского синдрома» и тех отношений, которые возникли на постсоветском, постимперском пространстве, оформившемся, за исключением стран Балтии, в Содружество Независимых Государств — СНГ.

6

И российское общество, и положение России в мире радикально изменились на протяжении очень короткого времени. Россия отказалась от «коммунистических идеалов» и провозгласила цель создания нового демократического общества с рыночной экономикой. Империя была разрушена. Распалось внешнее, защищающее СССР на «дальних рубежах» кольцо вассальных коммунистических государств. Беловежские соглашения «распустили» и сам Союз. Распад империи не остановился на границах России. Чеченцы, татары и другие народы «автономных республик» не могли согласиться с тем, что произвольно установленная Сталиным иерархия республик обрекает их на вечное отсутствие государственной самостоятельности, и также провозгласили свои автономии суверенными государствами, отношения которых с Россией должны были строиться на договорной основе. Тем более что и сам Ельцин, стремясь зару-

читься их поддержкой, призывал их в период своей борьбы с Горбачевым брать «столько суверенитета, сколько можете проглотить»⁶.

Но готовность российского общества к этим революционным переменам была в большей степени «негативной», чем «позитивной». Люди были готовы скорее к отказу от старой системы, чем к созданию новой. Коммунистическая идеология, в которую практически уже никто не верил, не оказывала сколько-нибудь серьезного сопротивления. Идеи демократии и рынка были приняты относительно легко, ибо никаких серьезных альтернатив им просто не возникало. Но в тоталитарном обществе, у народа, вообще не знавшего на протяжении практически всей своей истории иной формы правления, кроме различных модификаций деспотии, и иной формы национального существования, кроме как быть «главной» нацией в империи, не могло сложиться демократических ценностей⁷. Даже те, кто искренне принимал демократию идейно, совершенно не были готовы к ней психологически.

Поэтому Россия сразу же после провозглашения демократического государства встала на путь построения «управляемой демократии» — имитирующего демократические процедуры режима личной власти назначающих себе наследников президентов. Как после революции 1917 года в новом идейном облачении возродилось традиционное для России авторитарное правление, так оно вернулось, хотя и в значительно более мягкой и «закамуфлированной» форме, и после революции 1991 года.

Аналогичные и взаимосвязанные процессы происходили и во внешнеполитической сфере. Как российское общество не было готово к демократии, так оно не было готово к неимперскому существованию и неимперской политике. Россия относительно легко и просто отказалась от идеологически мотивированной борьбы с «миром капитализма». Но это привело к возвращению к «досоветской» империалистической картине мира начала XX века — мира, в котором все государства ведут борьбу за «сферы влияния» и каждое стремится подчинить себе другие, т.е. даже к некоторой архаизации внешнеполитического мышления. Возможность иного типа отношений между государствами кроме доминирования или подчинения и иных целей внешней политики кроме достижения доминирования и избежания подчинения просто не воспринималась общественным сознанием. Оно было готово признать, что «Россия потерпела поражение в холодной войне», но естественным стремлением потерпевшего поражения является «подняться с колен», что понималось как борьба за сохранение и возвращение великодержавного статуса и своей сферы влияния — «Россия была, есть и будет великой державой».

Поэтому как с момента провозглашения демократического российского государства оно стало трансформироваться в авторитарную «управляемую демократию», так с момента распада империи началась борьба за ее восстановление.

Те же люди, которые активно способствовали разрушению «советской империи», тут же, без «задержки на переосмысление», пытались ее восстановить. Те же люди, которые провозгласили идеи демократии и видели в западных демократиях своих союзников, стали бороться с расширением западных союзов — союзов демократических государств для защиты демократии. Те же люди, которые только что призывали «брать столько суверенитета, сколько можете проглотить», с невероятной жестокостью начали подавлять чеченский сепаратизм.

Мы говорили о трех концентрических кругах советской империи. После ее распада Российская Федерация, включающая автономии, сохранила прежние границы. СССР, за вычетом стран Балтии, был преобразован в СНГ. А страны соцлагеря были потеряны для влияния окончательно и бесповоротно. Но это была единая система, единая империя, поэтому и борьба за ее удержание и восстановление до сих пор ведется во всех этих трех «кругах».

Аналитически мы можем вычленив политику России именно в СНГ. Но это чисто аналитическое вычленение, ибо борьба за укрепление СНГ и, например, борьба против вступления не входящих в СНГ стран Балтии в НАТО — проявления одного и того же стремления зафиксировать постсоветское имперское пространство как зону российского влияния. Такие разнородные явления, как войны с чеченскими сепаратистами, запрещение татарам переходить на латинский алфавит, переход к системе назначения глав «республик в составе Российской Федерации», борьба с расширением НАТО, поддержка режима Милошевича и действия, направленные на интеграцию СНГ «вокруг России», — разные проявления одной и той же политики.

Это не политика, исходящая из какой-то продуманной концепции, так же как политика по построению «управляемой демократии» не исходит из какой-то цельной идеологии. Скорее, здесь действуют всеобщие и устойчивые «инстинкты» и привычки, которые придают политике структурированность и целенаправленность даже в ситуациях, когда, как это часто было в начале ельцинского правления, решения по важным внешнеполитическим вопросам, особенно касающимся СНГ, могли приниматься независимо друг от друга разными субъектами.

7

Беловежские соглашения преподносились российской официальной пропагандой не столько как соглашения о ликвидации СССР, сколько как соглашения о создании союза на новых основаниях, в котором, разумеется, главенствовать должна была Россия. Говорилось даже, что СНГ сможет расширяться за пределы бывшего СССР. Создание СНГ камуфлировало факт распада СССР, который представлялся не распадом, а преобразованием, которое в будущем может привести к новому расширению. И камуфлировало не только для

народа, но и для самого российского руководства, сознание которого принципиально не отличалось от массового.

Представление о том, что русские — естественные «старшие братья» для всех народов СССР, как и представления об «имманентной» России роли великой державы, настолько глубоко вошло и в элитарное, и в массовое сознание, что распад СССР не воспринимался как появление принципиально новых отношений между действительно независимыми государствами. Доминирующий образ будущих взаимоотношений на постсоветском пространстве выражался в формуле «никуда не денутся». СНГ воспринимался как СССР в новой инкарнации, как сам СССР до этого воспринимался в качестве новой инкарнации Российской империи.

В некотором роде СНГ и был такой реинкарнацией, последней организационной формой существования и последней стадией распада российского имперского пространства. Даже если отвлечься от генезиса этого пространства и связанных с ним исторической памяти и привычек к определенному типу отношений между населяющими его народами, сама его конфигурация — громадная Россия в центре и относительно маленькие страны по ее периферии — исключала возможность создания на нем объединения равноправных национальных государств⁸.

Естественно, что если даже в СССР республики были теоретически равноправны, то СНГ тем более формально — союз равных, и российское доминирование в нем не могло быть формально закреплено⁹. Но, опять-таки как и в СССР, формально равноправный союз СНГ скрывал доминирование «главной» республики («союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь»), вынужденной «платить» за поддержание единства союза, с которым связывалось поддержание ее великодержавного статуса. Как формальная равноправная организация, СНГ было с самого начала так же нежизнеспособно, как с самого начала была невозможной формально зафиксированная в конституциях организация СССР. Но формальная организация — лишь прикрытие реальных отношений. Российское имперское пространство, поскольку оно едино, может быть лишь пространством, объединенным Россией и вокруг России, и СНГ, поскольку оно представляло собой некое целое, могло быть лишь «российскоцентричной» организацией.

На постимперском пространстве наблюдается смена циклов интеграции и дезинтеграции. После распада Российской империи Россия смогла снова собрать «инородческие окраины» и восстановить единство имперского пространства. Затем эти «окраины» вновь разбежались от России, которая опять стремится удержать и «собрать» их. Но это движение не «вверх», а «вниз» по спирали. По мере превращения окраинных этносов в жизнеспособные нации соотношение сил постепенно меняется и возможность «имперской интеграции» уменьшается.

После распада Российской империи Россия могла сохранить единство этого пространства и свою доминирующую роль на нем лишь с помощью интернационалистической коммунистической идеологии и в форме федерации равноправных народов. Распад СССР произошел в результате падения этой скрепляющей идеологии и изменения соотношения «национальных сил», произошедшего в советский период. Поэтому новое объединение могло быть лишь еще более «рыхлым», аморфным и эфемерным — уже не советской федерацией, а содружеством независимых государств. Тем не менее сохранение единства «имперского пространства», пусть и в предельно ослабленном виде, означало возобновление и продолжение на нем тех же процессов и тенденций, которые ему имманентны и которые развивались на нем и в конце существования Российской империи, и в советское время. В начале 1990-х годов Россия вступила в третий, самый короткий цикл интеграции и дезинтеграции, вновь начав борьбу за объединение своего «имперского пространства». В то же время в бывших «братских советских республиках», ставших независимыми государствами, началась борьба за реальную самостоятельность. Эта борьба ведется до сих пор, только соотношение сил в ней уже не такое, как раньше, и российские успехи не велики и не прочны.

8

Ресурсы России в борьбе за сохранение и укрепление СНГ были очень ограничены. России противостояли не эфемерные и никем не признанные образования, не имеющие ясных границ и населенные народами с только зарождающимся национальным самосознанием, как в 1917–1920 годы, а достаточно сформированные и имеющие признанный международный статус независимости национальные государства. Новая международная правовая ситуация и новое соотношение сил исключали возможность их новой насильственной инкорпорации. Россия не имела и такого мощного идейного оружия, какое возникло у нее в период разрушения Российской империи, — коммунистической идеологии. Тем не менее определенные ресурсы для сдерживания процессов распада на территории СНГ у России были.

Россия оставалась на пространстве СНГ самым мощным государством, по численности населения, размерам территории и ресурсам значительно превосходящим любую другую страну. Россия не должна была, как другие республики, практически «с нуля» создавать армию и дипломатическую службу, в ней осталось большинство общесоюзной бюрократии и перебивавшейся в советский период в центр интеллигенции из других республик. Русская «диаспора» в странах СНГ, ориентированная, естественно, на Россию, была грандиозной, сконцентрированной прежде всего в городах и игравшей громадную роль в экономике, культуре и аппарате управления. Русский язык безоговорочно

господствовал на всем постсоветском пространстве как «язык межнационального общения», российские СМИ везде были более популярны, чем республиканские. Республиканские элиты были в значительной мере русифицированы и жили в мире русской культуры. Сохранялась и значительная психологическая зависимость новых стран от России, привычка к ее главенству, к тому, что самые важные вопросы решаются в Москве и так, как хочет Москва, и представление о том, что Россия — всегда и во всем впереди, поэтому, решая свои проблемы, надо прежде всего смотреть, как они преодолеваются там. Более того, новообразованные государства были хотя и неизмеримо более устойчивыми и жизнеспособными, чем национальные государственные образования периода революции и Гражданской войны, но все же слабыми, раздираемыми противоречиями, как межреспубликанскими, так и внутренними, не освоившимися с новой ситуацией.

Россия использовала трудности и слабости республик СНГ, чтобы привязать их к себе. Так, она активно способствовала свержению национал-демократических лидеров Грузии и Азербайджана, не намеренных вступать в СНГ, и приходу к власти сил, которые воспринимались как «пророссийские» и которые действительно «вернули» в Союз свои республики. Она активно вмешивалась в гражданскую войну в Таджикистане, где привела к власти «пророссийскую партию».

Россия поддерживала сепаратистов в Грузии и Молдове и способствовала отделению от этих стран непризнанных сепаратистских образований, полностью зависящих от России и фактически оккупированных российской армией («миротворческими силами»), одновременно добившись согласия Грузии на создание российских военных баз на ее территории. Россия в армяно-азербайджанской войне помогала оружием и военными подразделениями обеим воюющим сторонам, создавая ситуацию, когда военные возможности и армян, и азербайджанцев полностью зависели от согласия России на очередные поставки.

Руководствуясь обычным принципом «разделяй и властвуй», она стремилась не разрешить конфликты между республиками и внутри них, а «заморозить» их, зафиксировав на неопределенное будущее свою роль «миротворца» и «посредника». Москва не доводила до логического конца поддержку русских сепаратистских и ирредентистских движений и не пыталась присоединить населенные русскими земли, хотя призывы к этому, особенно в отношении Крыма и Севастополя, «города русской славы», раздавались в российском обществе постоянно. Ведь это могло привести к открытому конфликту с республиками и разрушить СНГ¹⁰. Но она использовала такие возможности как постоянную угрозу, а свою заботу о правах русских — как средство давления. Она также использовала для привязывания к себе республик их экономическую зависи-

мость от поставок российских энергоносителей или от российских трубопроводов, если речь шла о республиках, добывающих нефть и газ.

Но, может быть, самый важный инструмент скрепления СНГ как зоны российского влияния был связан с природой возникших в странах СНГ политических режимов. Во всех этих странах, за исключением Молдовы, установились однотипные с российским режимы «имитационной демократии», во главе которых встали представители советской номенклатурной элиты, часто те же самые люди, которые возглавляли их в конце советской эпохи. Эти правители стремились сохранить свою власть, а затем передать ее избранным им наследникам, используя не правовые, но имитируемые как правовые и демократические методы: избирательные компании, в которых оппозиция не получала доступа к избирателям, фальсификацию результатов выборов и т.д. В этом они не могли рассчитывать на поддержку стран Запада, но всегда могли положиться на понимание и поддержку России и своих собратьев по СНГ.

Как бы экономические интересы, соображения престижа и статуса и естественное стремление избавиться от российской опеки ни подталкивали руководителей новых государств «в западном направлении», для такого движения существовали мощные ограничения, связанные с самой природой их власти. За помощью к Москве главы стран СНГ обращались каждый раз, когда возникали внутренние опасности для их режимов, особенно в критической ситуации передачи власти, как это было с Г. Алиевым в процессе передачи власти сыну и с Л. Кучмой, стремившимся передать власть В. Януковичу. Таким образом, СНГ стал возглавляемым Россией «священным союзом» президентов против оппозиций.

9

Изначально время работало на Россию и на закрепление СНГ как «зоны российского влияния». Период распада СССР – пора национал-демократической эйфории, охватившей даже те народы, у которых до этого реальных массовых движений к отделению от СССР не было. Но эта эйфория должна была кончиться. Очень скоро народы стран СНГ убедились, что независимость, совпавшая с мучительными социально-экономическими и политическими преобразованиями, принесла не только национальную свободу, но и многочисленные лишения. Возникает волна ностальгии по советским временам и интеграционных стремлений.

Национал-демократические революционные лидеры уступают власть «трезвым» представителям старой номенклатуры в Молдове, Грузии и Азербайджане, и они вводят свои страны в СНГ. В Таджикистане в гражданской войне побеждает группировка, поддерживаемая Россией и ориентированная

на нее. В Беларуси на президентских выборах побеждает единственный депутат Верховного Совета, голосовавший против ратификации Беловежских соглашений, ярый сторонник интеграции с Россией А. Лукашенко, а в Украине участника Беловежских соглашений и «архитектора украинской независимости» Л. Кравчука сменяет Л. Кучма, одним из пунктов программы которого было объявление русского вторым государственным языком — правда, выполнить этот пункт он не решился. Внутриполитическая ситуация во всех странах СНГ стабилизируется, и установившиеся здесь режимы воспринимают членство своих стран в СНГ как данность.

Внешне могло казаться, что произошедшие на нашем пространстве изменения не носили принципиального характера. В последние десятилетия существования СССР руководители национальных республик реально не были так зависимы от высшего московского партийного руководства, как то предполагалось партийной дисциплиной, что понимали и в республиках, и в центре. Но после провозглашения государственных суверенитетов они не стали такими независимыми, как следовало из их новых статусов.

Раньше республиканские коммунистические правители ездили в Москву и, соревнуясь в изъявлениях преданности СССР и КПСС, добивались каких-то экономических выгод для своих республик, санкционирования своего положения и свободы рук во внутренних делах, прежде всего в кадровой политике, позволявшей им выстраивать свои неформальные механизмы власти. Теперь правители провозгласивших независимость государств, фактически те же самые люди, успевшие за это время сменить идеологическую одежду и стать президентами, также ездили в Москву, выражали свою преданность СНГ и идеям интеграции, чтобы добиться поставок нефти и газа по льготным ценам — за любовь Россия была готова платить. Более того, именно Россия предоставляла им гарантии сохранения положения внутри страны и свободы действий, давая обещание не поддерживать сепаратистов или, во всяком случае, новые сепаратистские движения, не выражать чрезмерной обеспокоенности положением русских и не пригревать оппозиционеров. Они знали, что, когда возникнет угроза их власти, они всегда могут рассчитывать на Россию и на следующих выборах или очередном референдуме о продлении полномочий Москва выразит им полную поддержку и категорическое несогласие с позицией западных наблюдателей, утверждающих, что выборы прошли недемократично и с многочисленными нарушениями законодательства.

Единство СНГ как сферы российского влияния очень относительно, возможности российского контроля над странами СНГ ограничены. Авторитарный характер режимов стран СНГ, который способствует созданию скрепляющего СНГ единого антиоппозиционного фронта, одновременно ставит жест-

кие пределы развитию более глубокой и реальной интеграции, которая означала бы потерю правителем контроля над своей страной. Поэтому все проекты более тесной интеграции кончаются тем же, что и многочисленные проекты интеграции арабских стран с похожими авторитарными режимами, — ничем. Никаких «материальных» выгод от СНГ Россия не имеет, а ценностью с точки зрения военной безопасности СНГ может обладать лишь в той фантастической картине мира, в которой существует угроза вторжения в Россию войск НАТО.

Но значение СНГ для России — прежде всего психологическое и символическое. Это символ того, что Россия не полностью потеряла пространство СССР, что она все равно великая держава, окруженная странами, признающими ее доминирование. Российские базы в Севастополе или Ахалкалаки — не средство защиты от реальных врагов, а символы российского присутствия, знаки, которыми она «помечает» свое пространство.

Во второй половине 1990-х годов казалось, что этому слабому и скорее символическому единству СНГ и доминированию в нем России ничто не угрожает. Но в начале следующего десятилетия и тысячелетия начался распад даже этого призрачного единства.

10

Распад СССР создавал качественно новую правовую ситуацию, но он был лишь вехой в длительном, начавшемся еще в XIX веке процессе дезинтеграции имперского пространства, превращения окраинных этносов империи в современные нации. Этот процесс начался еще тогда, когда о распаде Российской империи и мыслей ни у кого не было. Он продолжался весь советский период и привел к распаду СССР. Но даже распад СССР и новая правовая ситуация еще не означали, что он полностью завершен.

И процесс дезинтеграции продолжился, приняв после распада СССР форму укрепления новых обществ и государств. С 1991 по 2005 год в них происходят большие изменения. Труднейшая рыночная трансформация осталась позади, начался посттрансформационный рост. Быстро формируются новые группы элиты, которых не было или практически не было в советское время, — дипломаты, офицерский корпус. Политические системы везде, за исключением Молдовы, сохраняют квазидемократический характер, но уже являются устоявшимися системами, соответствующими уровню развития стран, а политическая жизнь везде начинает вращаться вокруг реальных проблем новых государств.

Меняется национальный состав населения — та часть русского и вообще нетитульного населения, перебравшегося в республики в советскую эпоху, которой было наиболее трудно приспособиться к новой ситуации, уезжает. Сепаратистские конфликты «заморожены», подавлены или потеряли свою остроту.

Возникает привычка к государственной независимости, она начинает восприниматься не как что-то неожиданно свалившееся с неба, а как само собой разумеющееся, чему, естественно, способствует смена поколений. И чем больше встают на ноги новые государства, тем больше усиливается в них стремление к освобождению от российской опеки.

Остается, однако, одна очень сильная связь, образуемая природой политических режимов. Как бы ни хотел, например, Кучма, освободиться от российской опеки и войти в западные структуры, сам характер его власти не позволяя это сделать. И именно эта последняя и сильная «привязка» бывших союзных республик к России делает сохранение СНГ на долгое время невозможным. Поскольку Россия поддерживает всех президентов СНГ и созданные ими режимы «управляемой», «имитационной» демократии, оппозиция этим режимам становится антироссийской и обращает свои взоры на Запад. Но авторитарные режимы обречены на деградацию и относительно недолгую жизнь. Падение их и приход к власти оппозиции неизбежны, и соответственно становится неизбежным разрыв тех уз, которые связывают их правителей с Россией и которые, по сути, являются последними узлами, скрепляющими постсоветское постимперское пространство в единое целое.

Переход от режимов личной власти к демократическим неизбежен везде. Но ряд культурных особенностей некоторых стран СНГ способствуют тому, что падение режимов личной власти происходит в них раньше, чем в других государствах и в самой России. Удар по СНГ как зоне российского влияния наносят демократические революции начала XXI века. Они приводят к власти силы, которые сама логика их борьбы делает «прозападными», уничтожают зависимость властей от российской поддержки и главное препятствие на пути интеграции в западные структуры — несовместимость политических систем. Одновременно очевидная неспособность России спасти своих «клиентов» подрывает веру в ее помощь у тех правителей, режимы личной власти которых еще сохраняются.

Украинский президент Л. Кравчук, единственный из участников Беловежских соглашений, который мог опираться на народный мандат — результаты украинского референдума о независимости, после заключения этих соглашений сказал об СНГ как о «форме цивилизованного развода». Тогда это вызвало волну возмущения в российском обществе. Спустя более 14 лет, после «оранжевой революции» в Украине эту формулу Кравчука повторил российский президент Путин. Столько времени заняло освобождение от иллюзий возможности закрепления СНГ как сферы российского влияния.

Российская политика, направленная на сохранение того, что осталось от империи, потерпела полное и окончательное поражение. И это будет иметь громадное значение для внутренней эволюции России.

II

Мы уже говорили, что возвращение России на путь воссоздания авторитарной системы и ее возвращение к имперской политике – это разные стороны одного и того же процесса.

При падении коммунизма российское общество не имело сколько-нибудь серьезных альтернатив принятию идеологии построения демократического и рыночного общества внутри страны и «партнерства» с демократическими странами вовне, как это было при падении самодержавия, когда существовал целый веер вполне жизнеспособных и созвучных времени недемократических идеологий. Но оно было не готово и к неформальному усвоению этой идеологии, к реальному воплощению ее ценностей в жизнь. Сформированные веками привычки берут вверх и преобразуют демократию в «управляемую», а внешнюю политику – в имперскую, империалистическую.

Эти два процесса не только имеют общие культурные и психологические корни, но и связаны друг с другом функционально. Внешнеполитические успехи в борьбе за сохранение того, что осталось от империи, и внешнеполитические угрозы тому, что осталось от империи, используются как аргументы для построения авторитарного общества и государства, которые могут заставить «считаться с собой». В стране, ведущей войну в Чечне, к границам которой «подползает НАТО», которой угрожают все – от исламских террористов до американцев, должна быть «властная вертикаль». В осажденной крепости не до демократии.

Поэтому разрушение СНГ – главного символа того, что Россия остается «великой державой» и «центром силы», – означает не только внешнеполитическое поражение. Это удар по мировоззрению, которое лежит в основе всей системы «управляемой демократии». Если она не способна остановить и обратить вспять процесс сжатия империи, как «шагреновой кожи», значит, она неэффективна.

Разрушение СНГ – это и разрушение своеобразного санитарного кордона вокруг России, защищающего ее от идущих с Запада «вредных влияний». То, что Россия была окружена кольцом стран с однотипными режимами «управляемой демократии», создавало ощущение, что такая форма правления – норма, во всяком случае для постсоветского пространства. Но прорыв этого кольца, установление демократии в таких близких и культурно, и пространственно странах, как Украина, не может не оказывать воздействия на российское общество. То, что могло восприниматься как постсоветская норма, скоро станет восприниматься как исключение, ненормальность, свидетельство отсталости.

СНГ и российский строй «управляемой демократии» неразрывно связаны друг с другом. Оба они являются результатом заключительного этапа распада единого целого – традиционного российского авторитарного государства и Российской империи. И как современный российский авторитаризм – слабый, неэффективный и вынужденный «притворяться демократией», так

и СНГ – предельно слабая, «призрачная» форма Российской империи. И наша «управляемая демократия», и СНГ – недолговечны. Содружество Независимых Государств оказалось менее прочным, чем российская политическая система. Но судьбы СНГ и нашей политической системы неразрывно связаны. Страна «управляемой демократии», потерпевшая полное поражение во внешней политике и окруженная демократическими странами, будет вынуждена начать процесс пересмотра самих основ своего мирозерцания и своего бытия.

Народы, живущие на территории СНГ, т.е. территории бывшего СССР, а до того – Российской империи, прошли грандиозный путь, ведущий от самодержавной империи Романовых к независимым демократическим государствам. Некоторые из них обогнали на этом пути Россию. Но все равно это общий для всех путь, и Россия также идет по нему. И по сравнению с тем расстоянием, которое мы уже прошли, осталось совсем не так уж много.

Примечания

- ¹ Точной даты возникновения Российской империи назвать нельзя – ее создание было медленным и постепенным процессом. Естественно, оно не относится к 1721 году, когда Петр I формально был провозглашен императором. Очевидно, важнейшим рубежом в этом процессе является царствование Ивана Грозного, присоединившего к России большие массивы земель, населенных татарами и другими народами Поволжья.
- ² Кроме присоединения никогда не принадлежавшей Российской империи Западной Украины, что мыслилось как объединение Украины, Тувы и Калининградской области.
- ³ Царская власть и советское руководство относились к русскому национализму схожим образом. Царизм опасался и вначале даже преследовал славянофилов, инстинктивно понимая, что их агитация не может не вызывать противодействия у других народов и не вести к дезинтеграции империи. Но он поддавался их давлению по мере того, как расшатывались традиционалистские основы царской власти, которая искала новые способы своей идеологической легитимации. Совершенно по тем же причинам менялось отношение к русскому национализму и советской власти.
- ⁴ Отчасти это продолжение работы царской власти по изучению и освоению «окраин России» и созданию необходимого для управления окраинными народами русифицированного слоя-посредника. Отчасти продолжение национального строительства, которое велось националистической интеллигенцией окраинных народов и было объективно направлено против империи. Эти две совершенно разные мотивации причудливо переплетались в просветительской деятельности в царской России и не менее причудливо – в советской.
- ⁵ Первым мысль о том, что Россия, которую третируют и эксплуатируют неблагодарные национальные республики, сама может выйти из Союза, озвучил не кто-либо из демократов-западников, а русский националист Валентин Распутин.
- ⁶ Автономии не поддерживали стремление союзных республик к разрушению СССР, ибо для маленького народа быть в составе громадного многонационального государства не так страшно, как оказаться лицом к лицу с численно подавляющим инонациональным большинством в рамках государства, где это большинство является титульной и государствообразующей нацией. Поэтому распад СССР стал для ряда малых народов – абхазов, чеченцев, татар – сигналом к отделению от своих республик.

- ⁷ В этом отношении положение народов Центральной Европы было значительно легче. Впервые, в их прошлом были периоды демократии, полноценной или хотя бы относительной, и психологически демократия не ощущалась чем-то совсем новым и небывалым. Можно даже было представить построение демократии как возвращение к национальной «норме» после инонационального русского коммунистического господства. Кроме того, принадлежность этих народов к Европе была очевидной, и психологически им было легко принять роль учеников развитых европейских стран, готовящихся к «экзамену» по вступлению в НАТО и ЕС.
- ⁸ Очень распространенное в России сравнение СНГ и ЕС и призывы к объединению по примеру Европы не учитывают принципиального различия этих объединений. ЕС — объединение, в котором нет одной страны, превосходящей все остальные страны размерами и ресурсами, как в СНГ. Оно включает относительно равновеликие страны — Великобританию, Францию, Германию, в пространстве «между которыми» достаточно свободно чувствуют себя и маленькие государства. Если в таком объединении и есть опасность утраты самостоятельности, то не по отношению к какой-то большой стране, играющей роль «старшего брата», а по отношению к ненациональным органам. СНГ по своей структуре следует сравнивать не с ЕС, а с каким-то фантастическим объединением — например, Германии с Данией, Люксембургом и Чехией. Такое объединение не может быть не чем иным, как объединением вокруг Германии.
- ⁹ Впрочем, вначале Россия стремилась добиться от стран Запада формального признания СНГ «зоной российской ответственности».
- ¹⁰ Один из положительных эффектов СНГ состоит в том, что ценность его сохранения как зоны российского влияния сдерживала поощрение русских ирредентистских движений в республиках и постоянно возникавшие в самой России поползновения к насильственному включению в свой состав населенных русскими земель. Российские власти понимали, что нельзя одновременно отнять у Украины Крым и сохранить ее как верного члена СНГ. Поэтому существование СНГ в какой-то мере предохранило Россию и ее соседей от «югославского варианта».

Э. Паин,

генеральный директор Центра этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ), доктор политических наук, профессор кафедры прикладной политологии ГУ — ВШЭ

ИМПЕРИЯ В СЕБЕ. О ВОЗРОЖДЕНИИ ИМПЕРСКОГО СИНДРОМА В РОССИИ

На мой взгляд, *империя для современной России не только прошлое, но и настоящее.*

Д. Фурман в одной из своих публикаций высказал интересную мысль, отметив, что Великобритания и Франция к началу прошлого века были парламентскими демократиями *для себя* и империями для своих заморских колоний. Применительно к современной России эта формула может быть прочитана в иной редакции. Наша страна — парламентское государство *для других*, но им-

перия *для себя* или внутри себя. Она хоть и демонстрирует порой имперские замашки, имперскую риторику в отношениях со своими соседями по СНГ, но все же признает их независимость и посылает туда не наместников, а послов, тогда как характер взаимоотношений центра и периферии внутри России все больше напоминает советские времена.

С конца 1990-х годов, по мере свертывания элементов федерализма и демократии, воспроизводства советских черт в массовом сознании и образе жизни россиян, все заметнее становится реанимация имперских признаков в жизни России. Обычно исследователи империй сосредоточивают свое внимание на изучении механизмов ее распада. Современная Россия дает возможность аналитикам изучить и другое свойство империй, а именно присущие им механизмы самосохранения и даже возрождения. Анализ этих возвратных процессов и их последствий как раз и является целью данного доклада.

Государства-империи и государства-нации

Российские интеллектуалы совсем недавно и с трудом освоили представление об СССР как об империи. Еще труднее им дается оценка современной России в терминах имперского порядка. Сложность такого осознания связана со многими причинами, в том числе с чрезвычайной неопределенностью самого понятия империи. Известный американский политолог А. Мотыль начинает свою фундаментальную монографию «Пути империй» с перечисления на нескольких страницах теоретических трудностей однозначного определения империй¹. Помимо различий в трактовке этого понятия в разных научных дисциплинах, каждая из которых кладет в основу анализа свои классификационные признаки (тип международных отношений, тип культурной идентификации, тип политического режима и др.), часто происходит еще и подмена понятий. «Империя» как тип государства подменяется понятием «империализм», обозначающим процесс территориальной экспансии. Сами имперские государства связываются в сознании многих аналитиков преимущественно только с одним их свойством – расширением территорий за счет захвата других государств. Между тем все известные империи в определенный период были сосредоточены не на завоевании новых земель, а на насильственном удержании уже захваченных. Если можно было назвать империей Советский Союз в канун его распада, когда страна не проявляла ни малейших признаков территориальной экспансии и стремилась лишь удержать завоеванные территории, то почему не допустить, что это определение подходит и для современной России?

В данном докладе используется политологическая трактовка понятия «империя». В ней основной упор делается на выявлении специфики политической системы государств, территории которых исторически сложились в результате

колониальных захватов. В этом случае можно выделить три основных признака империй.

Во-первых, иерархичность взаимоотношений центра и периферии. А. Мотыль уподобил империю колесу без обода: все части такой политической конструкции соединены между собой только вертикально, через центр и слабо связаны горизонтальными отношениями. При этом элита ядра страны («метрополии»), контролируя государственный аппарат, доминирует над периферийными элитами и обществами².

Во-вторых, насильственный характер удержания окраин, особенно ярко проявляющийся в случаях, когда значительная часть населения некой провинции добивается независимости.

В-третьих, такой признак, как специфика государственного суверенитета, источником которого в империях является Imperator (т.е. повелитель). В этом качестве могут выступать: наследственные монархи, диктаторы-вожди, олигархические группы, в том числе и партии при однопартийной политической системе. В империи нет граждан, а есть лишь подданные государя.

По всем трем основаниям государства-империи имеют в качестве своего антипода государства-нации, или национальные государства. Прежде всего, государства-нации основаны на народном суверенитете. Это государства граждан. Сошлюсь на весьма авторитетное и в то же время афористичное определение К. Дейча: «Нация — это народ, овладевший государством»³.

Далее, в государствах-нациях решающее значение играют не иерархические, а горизонтальные, сетевые отношения. Империя, отмечает А. Кара-Мурза, объединяет людей через «служение государю», «государево дело», тогда как нация — через взаимозависимость «каждого с каждым», через взаимосвязь всех автономных, частных «дел»⁴.

И наконец, государства-нации отличаются от империй тем, что основаны не на принудительном, а на добровольном объединении как отдельных граждан, так и социально-территориальных сообществ. При этом добровольность не может определяться раз и навсегда. Скажем, тот или иной народ, добровольно вошедший в состав империи в определенный исторический период, может со временем почувствовать себя ее пленником. Поэтому государство-нация обязана предоставлять своим гражданам и гражданским сообществам возможность постоянно проверять и перепроверять добровольность их существования в государственном союзе. «Нация, — как отмечал Э. Ренан еще в 1812 году, — это ежедневный плебисцит»⁵.

Используемое здесь понятие «государство-нация» («национальное государство») лишено этнического смысла. Оценивая тип политической системы, мы будем вынуждены признать государством-нацией политэтническую Швейцарию с ее тремя этнокультурными кантонами и четырьмя государственными

языками (немецким, французским, итальянским и ретороманским). Россия же, напротив, несмотря на сравнительно высокую этническую однородность населения (около 80% ее населения составляют русские), по признакам своей политической системы ближе к империям, чем к государствам-нациям.

На мой взгляд, в России сохранился и в настоящее время воспроизводится взаимосвязанный комплекс факторов, который я предлагаю называть *имперским синдромом*. Он состоит из следующих основных элементов.

Первый элемент — *имперское тело*, т.е. территория, сохраняющая рубцы колониальных завоеваний. Речь идет не только об ареалах компактного расселения колонизированных этнических общностей, часть из которых осознает насильственный характер их удержания в составе имперской страны и оказывает сопротивление этому. Речь идет и о всей совокупности российских регионов, так называемых субъектах Российской Федерации, которые в действительности лишены политической субъектности и объединяются на основе административного принуждения, а не добровольного согласия и осознанной заинтересованности в интеграции. Имперский принцип *удержания территорий* сегодня канонизирован в российской политике. В послании президента Федеральному Собранию В. Путин рассматривает «удержание государства на обширном пространстве» в качестве «тысячелетнего подвига России»⁶.

Второй элемент — *имперское сознание*, включающее сложный комплекс традиционных стереотипов, например *имперские амбиции*, а также *подданническое (негражданское) сознание*, сохраняющее устойчивые надежды на «мудрого царя» и «сильную руку». Особенности российского массового сознания как имперского проявляются при его сравнении с базовыми стереотипами сознания народов восточноевропейских стран. Важнейшим условием их успехов в демократизации и модернизации был и остается мотив бегства от империи. Именно всеобщей готовностью к спасению от «старшего брата» был обеспечен первый и самый мощный импульс восточноевропейских и балтийских реформ. Он позволил перетерпеть поистине шоковую терапию. Он оказал блокирующее влияние на саму возможность возрождения здесь идей «социалистического пути». В России же такого естественного барьера для возвращения к советскому, имперскому традиционализму нет. Большая часть ее территории — это бывшая метрополия, на которой легко возрождается весь комплекс имперских настроений — от представлений о стране как о «сверхдержаве», «Третьем Риме» до надежд на имперский порядок.

Третий элемент — *имперский порядок*. Это, прежде всего, *наднациональный политический режим*, сущность которого в том, что государственная власть отчуждена от нации (общества) и рассматривает народ своей страны если не как покоренное население, то уж, во всяком случае, лишь как послушных подданных, как трудовые ресурсы и сырье для политического манипулирования. Рос-

сии присущи все ранее названные признаки имперского порядка: иерархический, недобровольный характер взаимоотношений центра и периферии; реальное сосредоточение власти в руках государя, а не народа; патримониально-подданныческий характер взаимоотношений власти и общества.

Все признаки имперского порядка стали особенно заметны в процессе свертывания элементов федерализма, нарождавшегося, несмотря на значительные трудности и немалые внутренние противоречия, в 1990-е годы. Ныне же российские «субъекты федерации» лишились своей политической субъектности в результате создания федеральных округов, замены выборов глав российских регионов фактическим их назначением, удаления избранных представителей регионов из Совета Федерации. Все эти «нововведения» на самом деле являются возвратом к имперской традиции назначения в регионы наместников самодержца, будь то царские генерал-губернаторы или советские партийные секретари. Поэтому и федерация в России становится таким же декоративным элементом политического режима, каким она была в советские годы.

Аналогичный имитационный характер приобретают органы законодательной власти всех уровней, находясь ныне под тотальным контролем исполнительной власти. Элементом «вертикали власти» стала и партия «Единая Россия», в которую вынуждены записываться все чиновники, желающие сохранить свои места в государственном аппарате. Эта «партия» все больше напоминает бывшую КПСС, а наша страна стремительно приближается к однопартийности советского типа. Исполнительная власть подчинила себе прессу, телевидение, сократив сферу действия «свободы слова» в России до нескольких малотиражных столичных газет и одной-двух радиостанций, аудитория которых крайне ограничена.

При общем спаде политической активности общества главной линией в российской внутренней политике стала идея выстраивания так называемой вертикали власти с президентским аппаратом на ее вершине. Усилилась роль традиционных для имперского порядка рычагов прямого принуждения. В этом качестве используются не только такие институты, как прокуратура, милиция, силы безопасности, армия, но и суд, также полностью зависимый от самодержавной власти.

Имперский синдром в новой редакции: от идеи возрождения СССР к лозунгу «Россия для русских»

Говоря о возрождении элементов имперского синдрома в России, нельзя не отметить определенной специфичности этого процесса. Свои особенности проявились уже в ходе распада континентальной советской империи.

Исторический опыт свидетельствует, что распад империй, особенно континентальных, как правило, протекал чрезвычайно болезненно. В таких случаях

этническое большинство жестко, порой кроваво сопротивлялось распаду больших полиэтнических государств и с боями покидало этнические территории, народы которых провозглашали свою независимость. Ничего похожего не наблюдалось в новых независимых государствах, бывших республиках Советского Союза. Отток оттуда нескольких миллионов русских людей в первые годы после распада СССР (пик подобных миграций пришелся на 1992—1993 годы) остался почти незамеченным. В самой России в начале 1990-х проявились признаки сравнительно безболезненного привыкания россиян к новому пространственному телу, а также угасания имперских амбиций и других элементов имперского сознания.

Исследования ВЦИОМ 1993 года показывали, что россиянами к этому времени, казалось бы, был сделан окончательный выбор в пользу независимого развития России. Подтверждением справедливости такого вывода могут служить ответы на вопрос «Если в ближайшее время состоятся выборы в новый парламент России, за какого кандидата Вы бы предпочли голосовать?». Лишь 25,5% ответили: «За сторонника воссоздания Союза», а большинство (51,5%) предпочли бы «сторонника независимого развития России». Интересы россиян в основном концентрировались на внутренних проблемах страны. За ее пределами зона актуального интереса наших сограждан ограничивалась двумя славянскими республиками — Украиной и Белоруссией и, в меньшей мере, Казахстаном, который продолжал восприниматься как наполовину русская страна⁷. При этом лишь 9,3% русских и 12,9% представителей других национальностей России заявляли тогда, что они ощущают «свою общность с людьми и историей этих республик»⁸. Даже по отношению к Украине, которая в то время воспринималась как неразрывная часть единого ареала расселения русских, интерес был невелик. Только 21% русских ощущали интерес к тому, что там происходит⁹. Подобные настроения в 1990-е годы казались необратимыми, поэтому для многих аналитиков неожиданными оказались результаты опросов ВЦИОМ 2002 года, показавшие, что распад Советского Союза стал расцениваться россиянами, и прежде всего русскими, в качестве наиболее болезненного события недавней истории¹⁰.

До сих пор нет единства мнений в объяснении причин того, почему потребовалось почти десятилетие для появления у россиян драматических оценок по поводу распада СССР. Так, Е. Гайдар выдвинул предположение, что в начале 1990-х россияне слишком были заняты проблемой простого выживания, чтобы обращать внимание на проблемы распада страны, и лишь сейчас, когда политическая ситуация стабилизировалась, а экономическая — улучшилась, люди ощутили некоторую сытость и у них появилась возможность подумать о пережитом и оценить недавнюю историю как драму. Эта идея, на первый взгляд, выглядит весьма логично. Однако она плохо согласуется с динамикой полити-

ческой активности и политических интересов россиян. Как раз в те годы, когда россияне, по мнению Е. Гайдара, были сосредоточены исключительно на поиске хлеба насущного, наблюдался небывало высокий уровень их непосредственной политической активности и еще больший уровень интереса к политике. Именно в те годы почти все политические программы на многочисленных независимых каналах российского телевидения занимали первые места в рейтинге. Ныне же, когда вроде пришло время подумать, поразмышлять о пережитом, наибольшим спросом стали пользоваться развлекательные программы типа «Аншлага» и «Кривого зеркала», а интерес к политике заметно спал. Большинство политологов оценивают современную политическую ситуацию как массовую политическую демобилизацию.

На мой взгляд, более убедительно выглядят иные объяснения запоздалой драматизации распада СССР в массовом сознании. Одно из таких объяснений связывает перемены настроений россиян с упадком их надежд на то, что новая (в географическом и политическом смыслах) Россия добьется быстрых и заметных успехов в социальной и экономической жизни. В начале 1990-х такие настроения носили массовый характер, и какое-то время они блокировали восприятие распада Советского Союза как реальной драмы. Так, в 1991 году более половины опрошенных россиян (57%) были согласны с тем, что социализм завел страну в тупик¹¹. Примерно столько же опрошенных (60%) оценивали западный образ жизни как образцовый¹². Большая часть россиян тогда впервые стала отвергать традиционные для советского сознания объяснения трудностей жизни как следствия происков врагов. В то время 49% опрошенных считали ненужным «искать врагов, если корень наших бед в нас самих» и лишь 12% были уверены, что источником проблем русских являются их враги. По сути, это были индикаторы модернистских представлений, которые чрезвычайно быстро распространились в массовом сознании россиян и бытовали до тех пор, пока у людей сохранялись надежды на то, что модернизация (в широком смысле, как обновление) приведет к заметному улучшению жизни.

К середине 1990-х годов эти иллюзии начали таять, стало заметно нарастание негативных оценок современности, что в свою очередь вызвало процесс моральной реабилитации советского прошлого. В сложившейся к концу 1990-х годов системе представлений, названной Л. Гудковым «неотрадиционализмом», социализм времен Брежнева стал рассматриваться как эталонный политический режим. Восстановился в массовом сознании «образ врага», происками которого россияне вновь начали объяснять свои проблемы¹³. Запад перестал рассматриваться как образец для подражания (в это время 67% опрошенных указали, что западный вариант общественного устройства не вполне или совершенно не подходит для российских условий и противоречит укладу жизни русского народа)¹⁴. Отказ от иллюзий перестройки с ее прозападными настрое-

ниями сопровождался усилением утешительной веры в то, что «у России свой собственный путь». При этом почти половина (49%) тех, кто сегодня поддерживает идею «особого русского пути», в 1990-х поддерживали реформы Ельцина — Гайдара¹⁵.

Думаю, что и проявившийся к концу 1990-х — началу 2000-х годов драматизм восприятия распада СССР — это часть общих перемен в массовом сознании. В неотрадиционалистской парадигме Советский Союз воспринимается как элемент «хорошего прошлого», а «развал» страны, осуществленный к тому же усилиями «врагов», — как начало неблагоприятных перемен во времена Ельцина.

Хочу отметить две особенности представлений такого рода. Во-первых, они недолговечны и меняются сравнительно быстро в режиме колебаний политического маятника. Во-вторых, эти представления не стимулируют роста массовой политической активности — неслучайно они проявились во времена наивысшей политической апатии. Россияне в массе своей сегодня не испытывают негативного отношения к социализму, преобладающим является мнение, что «социализм был не так уж плох», но совсем немногие готовы к каким-либо активным действиям для его полной реставрации. Еще меньше тех, кто готов был бы проявлять какую-либо политическую активность (не говоря уже о готовности «отдать жизнь») за восстановление СССР в его прежних границах. Требования восстановления СССР в качестве массового явления не проявляются в ходе социологических исследований, и, что особенно важно, такие требования не сказываются на динамике целей политических партий. Более того, в этой сфере заметны совершенно иные тренды.

В 1991—1992 годах национал-имперская российская оппозиция в основном сосредоточилась на критике внешнеполитического курса администрации Ельцина, в том числе в связи со слабостью «защиты русских, брошенных на произвол судьбы» в новых независимых государствах. Однако уже с середины 1990-х годов критика переместилась на проблемы внутренней политики, которая якобы вела к развалу Российской Федерации. В начале 1990-х российские коммунисты называли Россию в ее нынешних границах не иначе как «жалким, кровоточащим обручком» великой страны и выдвигали лозунги немедленного восстановления СССР. В то время Г. Зюганов предложил новую версию «русской идеи», сводившуюся в основном к следующему тезису: «Без воссоединения ныне разделенного русского народа наше государство не поднимется с колен»¹⁶. По сути, эта идея может быть выражена лозунгом «СССР для русских». Однако сегодня у защитников русской идеи в ходу совершенно иной лозунг: «Россия для русских». Против кого направлен это призыв? Да прежде всего против мигрантов из новых независимых государств, т.е. против тех, кого еще недавно считали естественными подданными советской империи, а сегодня рассматривают в качестве нежелательных иностранцев в России.

Показательны, на мой взгляд, перемены, которые произошли с другими политиками имперского склада, например с Дмитрием Рогозиным. (Текст был написан, когда Д. Рогозин возглавлял партию «Родина». — *Ред.*) В середине 1990-х он возглавлял «Конгресс русских общин» (КРО) — организацию, объединявшую политизированных и наиболее воинственных представителей русской диаспоры в государствах СНГ и Балтии. Это было время, когда русские общины в новых независимых государствах рассматривались российскими «державниками» как реальный инструмент восстановления СССР. Ныне же, когда прежние имперские амбиции кажутся несбыточными, эти общины больше не интересуют российских политиков имперского толка. Тот же Рогозин не только забыл о своей первой любви (КРО), но и сменил экспансионистские лозунги на изоляционистские. Трудно даже представить себе более изоляционистский лозунг, чем «Москва для москвичей», выбранный Рогозиным для своей партии в 2005 году перед выборами в Московскую думу¹⁷.

Учитывая слабый интерес россиян к геополитическому экспансионизму, даже В. Жириновский перестал эпатаживать российскую публику заливчатскими идеями, вроде «мытья сапог в Индийском океане». Ныне этот политик, быстро реагирующий на перемены в массовых настроениях, эксплуатирует угрозы распада России и, якобы ради устранения подобных угроз, снова и снова выдвигает свою идею «губернизации всей страны» с упразднением федеративных отношений и переименованием российских республик в губернии. Подобные воззрения, на мой взгляд, также можно рассматривать как проявление имперского синдрома, но это уже иной синдром, это взгляды периода затухания империи.

Не могу утверждать, что стремление расширить территорию России за счет бывших республик СССР или другие формы геополитического экспансионизма не проявятся вновь у российских политиков когда-нибудь в будущем. Однако пока заметны иные тенденции в динамике проснувшегося ныне имперского синдрома.

Механизмы воспроизводства имперского синдрома

Исторически сложились механизмы воспроизводства имперского синдрома, когда с активизацией одного элемента оживляются и другие. Для демонстрации их действия я воспользуюсь источником, который недавно для себя открыл. Это современная русская проза. Речь идет о жанре, который получил название «антиутопии» или «квазиутопии», поскольку образы будущего используются в таких произведениях лишь как аллегории для описания неких болезненных изломов современности и отчасти для выражения предчувствий того, какими могут быть последствия нынешних проблем в недалеком, как правило, будущем.

«Антиутопия» — это литература эпохи страха. В такие времена в нашей стране особенно остро возникала необходимость зашифровывать сатиру на действительность. Е. Замятин, пожалуй, первым из советских писателей, еще в 1921 году описал тоталитарную империю (Единое Государство) в романе «Мы». В послевоенные годы антиутопия Ю. Даниэля «Говорит Москва» (1961) стала не только литературным, но и политическим событием после того, как в сентябре 1965 года писатель был репрессирован за ее публикацию на Западе. В период правления Горбачева и Ельцина почти не было спроса на литературу зашифрованного языка. Напротив, изголодавшаяся по правде публика буквально набросилась на публицистику и публицистическую прозу. Вот почему весьма симптоматично, что в 2000 году, т.е. в год вступления Путина в должность президента России, увидели свет сразу нескольких книг в жанре «антиутопии»¹⁸.

Во всех этих произведениях отразилось предчувствие возрождения в России имперского порядка. В одних романах прямо говорится о России как империи (Э. Геворкян), в других — используются вымышленные названия, например «Славянский Союз» (О. Дивов), «Империя Ордо-Русь» (Х. Ван Зайчик) или «Империя Гесперия» (П. Крусанов), но со столицей в Москве и другими ясными российскими приметами. Время действия также обозначено по-разному: у Геворкяна оно точно определено — 2014 год, в других романах лишь угадывается как первое десятилетие нынешнего века. Думаю, что верно угаданные этими писателями образы будущего, ныне уже воплотившиеся отчасти в реальность, объясняются не только особым писательским даром предчувствия, но и тем, что литераторы раньше, чем социологи, увидели в российском обществе те массовые страхи, эксплуатация которых позволяет авторитарным силам постепенно восстанавливать имперскую конструкцию.

Все романы начинаются с одного и того же образа — страна после катастрофы. Это стандартный зачин романов-утопий, однако в данном случае представляет интерес главный признак катастрофы — распавшаяся страна. Одни авторы, как П. Крусанов, описывают распад в сниженном гротесковом стиле: «Сначала отпали западные провинции: Польша, Моравия, Паннония и Чехия. Затем провозгласили независимость закавказские царства, Болгария, Румыния. Следом отделились Финляндия, Курляндия и Литва. Еще немного, и Гесперия, преданная вассалами, распалась бы в пыль». Другие живописуют распад весьма реалистично. Например, герой Геворкяна Виктор живет в Саратове. Его «аусвайс» действует только в этом городе. За пределами Саратова — другие порядки и другие документы. Москва лишь формально считается столицей. В стране нет своей валюты — пачки национальной валюты не хватает и на рюмку водки.

Образы распада страны можно рассматривать как слепок со стереотипных страхов современной России. Пока сохраняется «имперское тело», сохраняют-

ся и страхи его разрушения. Такие страхи приняли наиболее массовый характер после распада СССР. Наличие в России национальных республик напоминает о возможности повторения Россией судьбы Советского Союза. До тех пор пока сохраняются страхи разрушения «имперского тела», воспроизводится и потребность в авторитарном имперском порядке. Во всех перечисленных романах рано или поздно появляется великий вождь либо военная хунта, волею которых не только восстанавливают империю, но и расширяют ее границы.

Еще один стереотип имперского сознания является стартовым для реконструкции всей имперской системы — это идея *Великой России*. Один из героев романа «Времена негодяев» как бы излагает национальную идею России: «Только большая страна сможет в будущем победить своих врагов». Затем герой поправил себя: «Не большая, а великая... Великую страну делают великие люди... Великих людей собирает великий правитель...». Вряд ли президент Путин читал эти строки, но знаменитый его лозунг «Россия будет либо великой, либо ее не будет вообще» и без того является обобщением стереотипов массового сознания. Размер территории порождает проблему амбиций. Не может страна с самым большим телом на свете быть не главной!

Практически все упомянутые мной авторы в гротесковой форме описывают «великий подвиг» расширения границ страны. Вместе с тем даже писатели-фантасты не дают уж очень сильно разгуляться своей фантазии, очевидно, понимая, что нынешняя Россия безвозвратно потеряла способность к экспансии, это империя в себе и ее основной функцией является удержание от распада собственной территории, а не захват новых. Зато писатели прописывают возможность иных перемен в новой российской империи, а именно *замены империи наднациональной империей этнократической русской*, в которой юридически закрепляется главенствующее положение этнического большинства, а другие народы делятся на разряды по своей значимости; некоторые же просто подлежат истреблению, как в Третьем рейхе.

В романе «Выбраковка» описано такое перерождение империи, показано, как уставший от хаоса и дезинтеграции народ Российской Федерации создает империю, а затем уже ее подданные, изнывая под властью коррумпированных чиновников, свергают их и приводят к власти хунту, состоящую из генералов и офицеров, — «Правительство народного доверия». Первым же своим декретом хунта создает отряды «выбраковщиков» — специально подготовленных людей, которым выдается лицензия на убийство («выбраковку»). Выбраковываются преступники, нездоровые дети, инакомыслящие, но прежде всего этнически инородные элементы.

Разумеется, нельзя сказать, что уже сегодня такая модель политического режима утвердилась в России, однако отдельные стороны трансформации современной отечественной жизни были верно угаданы в романе еще в 1998–1999

годах, когда он писался. Ныне у власти популярный правитель, «мудрый царь», он построил авторитарную систему управления, называемую «вертикалью власти», которую поддержало большинство россиян. Однако очень быстро выяснилось, что власть, лишённая общественного контроля, склонна к произволу, что чиновники стали воровать еще больше, чем прежде. Все слои населения начинают ощущать растущий дискомфорт. Первыми на массовые митинги протеста вышли пожилые люди: в январе 2005 года по России прокатилась волна митингов и массовых акций протеста пенсионеров, недовольных заменой натуральных льгот денежными компенсациями. Вероятно, следом за ними к различным видам протеста подтянутся социальные слои с меньшим уровнем бестрашия, вплоть до бизнесменов, все более страдающих от произвола чиновников. Но все это вовсе не означает, что миф о «хорошей империи с мудрым царем» близок к краху. Скорее всего, последует его модификация в направлениях, описанных в романе и соответствующих сложившимся стереотипам массового сознания россиян.

Прежде всего, вполне вероятно дальнейшее усиление жесткости власти: ведь в массовом сознании проявления недовольства нынешним режимом связаны не столько с уменьшением гражданских свобод, сколько с тем, что в народе относят к его «слабостям». При нем, например, не расстреливают плохих чиновников, как при Сталине. Далее, люди все меньше доверяют гражданским чиновникам и все больше хотят видеть во власти офицеров и генералов. Немалая часть наших сограждан верит, что чиновники станут честнее, если они будут назначаться только из чистокровных русских людей. Вот и массовые акции протеста пенсионеров против монетизации льгот сопровождались во многих регионах России лозунгами типа «Долой нерусских министров» (Фрадкова, Грефа, Зурабова, Левитина и др.)¹⁹. В таких условиях властям может понадобиться и опора на русский национализм.

Это понятная людям и исторически привычная тактика управления в России. Она имеет давние традиции в отечественной истории. Еще в 1870-х годах Константин Победоносцев, могущественный бюрократ (обер-прокурор Синода) и идейный наставник двух последних российских императоров (Александра III и Николая II), в своей программе борьбы со смутой предлагал первым делом «чистить правительство», т.е. заменять министров, подбирая прежде всего «исконно русских, с русскою душой». В периоды кризисов империй их власти не раз пытались использовать этнический национализм как инструмент сохранения имперского режима, переводя накопившееся социальное недовольство этнического большинства в форму этнических фобий. Так было в Российской империи после первой русской революции 1905 года, когда царские власти инициировали появление русских радикальных националистических организаций, таких как «Черная сотня»; затем в Советском Союзе в форме организо-

ванной властями в конце 1940-х годов кампании «борьбы с космополитизмом» и, наконец, в Российской Федерации в середине 1990-х — начале 2000-х годов, ознаменовавшихся многочисленными попытками перевода социального недовольства в русло этнических фобий в связи с чеченской войной²⁰. Вот и сегодня придворный политолог Г. Павловский говорит о целесообразности для нынешней российской власти опереться на «аккуратный национализм». Не случайно в администрации президента наряду с основной партией власти — «Единой Россией» была создана и запасная, откровенно националистическая партия «Родина». (После того как «Родина», возглавлявшаяся Д. Рогозиным, стала действовать независимо от Кремля, последний от этого проекта отказался и вынудил Рогозина отказаться от лидерства. — *Ред.*) Это ее члены, депутаты Думы, в числе первых подписали известное антисемитское обращение, получившее название «Письмо 500»²¹.

Итак, одним из потенциальных инициаторов перерождения наднациональной империи в этнократическую может стать нынешняя российская власть, возможно, с некоторыми персональными изменениями, если она сбросит себя остатки либеральной драпировки и, опираясь на умеренных «аккуратных националистов», будет наращивать авторитарные методы управления. Однако теоретически возможен и другой вариант отмеченной трансформации современной российской империи: на смену нынешнему режиму придут радикальные русские националисты из числа нелегальных партий, которые уже сформировали и широко разрекламировали свою программу воссоздания Российской империи — якобы ради возрождения русской нации. Их лидеры называют себя «третьей силой», идущей на смену коммунистам и демократам, при этом нынешний режим они относят ко второй категории.

Теоретики «третьей силы» не удовлетворяются нынешней «вертикалью власти», они хотят соединить ее с вертикалью или иерархией этнических общностей. Приведу для примера довольно длинную цитату одного из таких теоретиков: «В классической империи полиэтническое общество имеет четкую иерархическую структуру, на вершине которой находится только один империиобразующий народ — персы, римляне-италики, русские, англичане, турки-османы и т.д. <...> Русским Империя нужна. И нужна совсем не потому, что нам нужно некое “полиэтническое окружение”, не потому, что нам необходимо непременно взвалить на себя “имперское бремя” и просвещать инородцев, наслаждаясь “культурным смешением” с ними... Все значительно проще — “imperi-um”, имперская власть (а не “бремя”) является важной составной частью русской национальной идентичности, одной из определяющих ее черт»²².

Примерно такие же идеи высказывает и известный публицист В. Бондаренко: «Русские — имперский, государствообразующий народ. Таким не являются ни грузины, ни эстонцы, ни даже немцы... Русский народ, освоив глобальные

территории, нуждался в сильной державности, иначе все его подвиги были бы напрасны»²³.

Признаюсь, я решительно не согласен с голословными утверждениями об имперском характере русской национальной идентичности. Многие народы несли на себе имперское бремя дольше, чем русские, однако империализм не стал составной чертой их национального характера. К тому же немного найдется таких империй, в которых этническое большинство было бы столь же закабаленной и страдающей частью населения, как в Российской империи, где свыше 90% крепостных составляли именно русские. Напомню знаменитое высказывание историка В. Ключевского о пагубности империи для русского народа: «Государство пухло (подразумевается территориальное разбухание. — Э.П.) — народ хирел». Цитирую же я «доказательства» необходимости русским империи только потому, что считаю эти рассуждения весьма типичным образцом соединения теоретического русского национализма с имперской идеей.

Показательно, что к необходимости такого симбиоза приходят как теоретики русского национализма (А. Севостьянов, Б. Миронов, И. Артемов и др.), так и апологеты имперского развития России (А. Дугин, А. Проханов, В. Бондаренко и др.). Отмеченная тенденция формирования такого политического мутанта, как «имперский национализм», делает маловероятной реализацию на практике предположения известного английского историка Дж. Хоскинга о том, что русский национализм может стать основным источником вытеснения имперского синдрома из жизни России²⁴. Если национализм меньшинств в Российской империи стал основой для формирования политических партий неонационалистического толка, а затем и гражданского общества в Финляндии, Польше, странах Балтии, то современный русский национализм такой способностью не обладает, сегодня он направлен на реставрацию имперского режима. Другое дело, что русский национализм, усиливая ответный национализм меньшинств, тем самым подтачивает устои империи. Однако противникам имперских порядков не стоит на этом основании оценивать великодержавный шовинизм как позитивное явление, поскольку в противном случае придется приветствовать, скажем, германский фашизм как предвестник современной германской демократии.

Имперский характер политического режима как препятствие модернизации России

Возникнув в определенный исторический период, империи для своего времени были, безусловно, прогрессивным явлением. Достаточно напомнить, что они спасли от вымирания народы, которые в доимперский период были обречены на уничтожение в ходе территориальных конфликтов, массовых переселений, экологических потрясений. В империях многие народы впервые обрели

письменность, получили зачатки научного образования, встали на путь технологической модернизации. Однако рано или поздно империи, как вертикально организованные и территориально расплывшиеся образования, теряют возможность отвечать на вызовы модернизации, становятся плохо управляемыми, расходуют все большую энергию и ресурсы на удержание своей территории и в конечном счете вызывают к жизни силы, разрушающие имперские организмы.

На этом пути наибольшие опасности подстерегают континентальные империи. Еще раз хочу вернуться к мысли Д. Фурмана о том, что империи с заморскими территориями были менее зависимы от своих колоний, чем континентальные. Великобритания и Франция имели возможность модернизировать политическую систему в метрополии при сохранении колониального управления заморскими территориями. *В России же колониализм в провинциях быстро оборачивается ростом авторитаризма в метрополии.* Самый яркий тому пример — чеченская война. Она стала прелюдией усиления централизации федеральной власти и создания доктрины ужесточения «вертикали власти». Война легитимизировала реформу административного управления, обусловила появление одних и тех же фигур генералов и в качестве командующих армейскими подразделениями в Чечне, и в качестве глав федеральных округов. А главное, чеченская война определила стилистику административной реформы — ориентацию на подавление региональной и национальной элиты в провинциях вместо поиска согласия с ней.

Национальные окраины стали полигоном для испытания многих политических приемов, которые затем были перенесены в политическую жизнь метрополии. Именно в Чечне стали нормой подтасовки результатов выборов и референдумов, а уж затем этот опыт получил всероссийское распространение. Там же были первые назначенные руководители республики, и, несмотря на то что именно в Чечне принцип назначения республиканского лидера вместо его избрания продемонстрировал свою полную несостоятельность, эта модель все равно была распространена на другие регионы.

Чеченская война стала мощнейшим фактором реанимации всех элементов имперского синдрома. Она, например, больше, чем многие другие обстоятельства, обусловила усиление массовых надежд россиян на «сильную руку», т.е. на авторитарные формы управления. Известно, сколь большую роль сыграла вторая чеченская война в карьере В. Путина. Социологические исследования показали, что периоды наибольшего взлета его рейтинга так или иначе связаны с чеченской войной. Они были наивысшими в октябре 1999 года (выступления Путина после сентябрьских террористических актов в городах России и начала второй чеченской кампании), в январе 2000 года (после взятия Грозного российскими войсками), в ноябре 2002 года (после штурма рос-

сийскими спецслужбами Дома культуры в Москве, захваченного террористами)²⁵. Война в Чечне привела к росту бюрократизации страны и стимулировала увеличение доли и роли военных (представителей армии, милиции и спецслужб) в составе российской бюрократии. В сравнении с эпохой Ельцина доля ученых во властных структурах России сократилась в 2,5 раза (с 52,5 до 20,9%), а доля военных почти на столько же возросла (с 11,2 до 25,1%)²⁶. В силу этого нынешний политический режим даже получил название мелитократического.

Война традиционализовала сознание россиян настолько, что сегодня, как в традиционных имперских обществах, сколько-нибудь значительным доверием пользуются лишь три института: президент (причем в личном качестве, а не как институт), армия и церковь — при крайне низком доверии к правительству, парламенту, суду, не говоря уже о политических партиях.

И наконец, война породила небывалый рост ксенофобии, ставший впоследствии базой развития имперского национализма. В начале первой чеченской кампании устойчивый рост негативных оценок русского населения проявлялся только в отношении к чеченцам, но после 2000 года эта же тенденция характеризует отношение русских ко многим другим народам России. С этого времени примерно 2/3 респондентов, опрошенных социологами Центра Ю. Левады, демонстрировали различные формы неприязни к представителям других национальностей²⁷. С конца 1990-х годов ксенофобия становится идейной основой организованных групп, спланивающих под лозунгом «Россия для русских». С этого времени русские национал-имперские организации стали наиболее массовыми и быстро растущими отрядами национальных движений России. Так, в десятки раз выросла численность молодежных организаций, чаще всего обозначаемых аналитиками под общим названием «скинхеды». В 1991 году в стране не набралось бы и тысячи человек, которых можно было так определить, а в 2001-м их было уже свыше 10 тыс., в 2004-м — 33 тыс.²⁸ Это только по официальным данным, эксперты же указывают на значительно более высокие показатели участия русской молодежи в ультрарадикальных националистических организациях²⁹. Социолог Л. Седов оценивает резерв активной поддержки русского национализма в 17 млн человек. Социальная база поддержки идеи «Россия для русских» еще выше: с 2002 года доля опрошенных, поддерживающих этот лозунг в той или иной форме, не опускалась ниже 53%, а в некоторые годы поднималась выше 60%³⁰.

В современной России имеются социальные резервы поддержки идеи этнократической империи. Вопрос лишь в том, достаточны ли они для обеспечения сравнительно продолжительного ее существования?

Появится ли третья империя?

Если в России возродится империя в новом, этнократическом, расистском облики, то она будет третьей после царской и советской. Насколько устойчивой может быть такая империя в нынешние времена? Ответ на этот вопрос зависит от выбранного масштаба времени. Такая империя может просуществовать достаточно долго для того, чтобы сильно проредить и без того не густые побеги российской демократических сил, безвозвратно погубить традиции межэтнического общежития в стране, стать опасной для мирового сообщества. Вместе с тем в масштабе исторического времени она, разумеется, обречена на быструю гибель. Сегодня в России отсутствуют базовые предпосылки для устойчивого существования имперского государства.

Петр I мог рубить головы стрельцам и стричь бороды боярам, поскольку опирался на общественное представление о божественной легитимности воли монарха. Сталин мог расстреливать «врагов народа» и проводить модернизацию «сверху», опираясь на силу репрессивного аппарата, народный страх, а еще больше – на полную закрытость общества, которое не знало, что «так жить нельзя». Сегодня ситуация иная: у власти нет действенных инструментов для того, чтобы выстроить общество в шеренги и направить их по тому или иному пути.

Страх как мобилизационный ресурс был исчерпан еще в 1960-е годы: об этом свидетельствовали, например массовые выражения протеста в Новочеркасске (1962). Да и последние протесты пенсионеров показывают, что массового страха, пригодного для восстановления «мобилизационного общества», уже нет.

Изменился тип чиновника. Во времена Сталина с нэпманами боролись классово чуждые им социальные слои. Сейчас чиновничество борется не с частной собственностью, а за передел ее в свою пользу. Российское чиновничество сегодня фактически независимо как от верховной власти, так и от общества. Оно разъедается коррупцией, как проказой. При этом националистический идеализм у какой-то его части легко уживается с прагматичной алчностью. Социологические исследования показывают, что уровень ксенофобии среди сотрудников милиции выше, чем у других социальных слоев, что, однако, не мешает милиционерам брать мзду с пришлых этнических преступных группировок и покрывать нелегальную этническую миграцию.

Подданническое сознание россиян хоть и сохраняется, но уже сильно деформировано. Люди еще готовы признать, что «государство должно заботиться о нас», но уже не хотят быть в услужении у государства и государя. Напротив, россияне демонстрируют высокую готовность всячески уклониться от взаимоотношений с государственной машиной: от уплаты налогов, от службы в армии, от посещения государственных ведомств. У россиян еще сохраняются ам-

биции жителей «великой державы», но уже нет и в помине стремления бороться за их реализацию, особенно ценою своей жизни.

Практически неразрешима задача насильственного удержания иноэтнических территорий в составе империи. Во всяком случае, уверенно могу сказать, что задача усмирения Чечни не будет решена. При росте античеченских настроений в военкоматах нет очередей из добровольцев, наоборот, проблемы с набором в армию нарастают. Начиная с 2000 года неуклонно уменьшается общественная поддержка чеченской политики Кремля. Быстро тает вера в возможность российской победы в Чечне.

Рост русского национализма неизбежно приведет к ответному росту национализма этнических меньшинств. Сегодня и без того заметно новое оживление национальных элит на волне недовольства авторитарной политикой Кремля. Эта политика все в большей мере доказывает свою неэффективность, особенно на Северном Кавказе. Здесь во все времена назначенный наместник российского царя представлял лишь видимую власть. Реально же управляли неформальные лидеры, выбираемые в общинах различного рода. Чем шире разрыв между формальной и неформальной властью, тем выше вероятность коллапса управления на отдельных территориях. Так происходит уже сегодня. Кремль отстраняет от власти строптивых, но популярных лидеров, таких как бывший президент Ингушетии Р. Аушев, и делает ставку на послушных, но непопулярных, чем добивается лишь роста отчужденности населения от всякой власти — как местной, так и центральной. И самый яркий пример тому — именно Ингушетия.

Нынешний президент этой республики генерал спецслужбы М. Зязиков лишь формально был избран на свой пост. Фактически же его путь в президенты был расчищен Кремлем, отстранившим от выборов всех реальных конкурентов. Он был поставлен у власти главным образом для того, чтобы блокировать расползание чеченского терроризма в Ингушетию. При нем впервые в республику были введены федеральные войска армии и спецслужб. Начались так называемые профилактические зачистки подозрительных людей. За полгода, с января по июнь 2004 года, в крошечной Ингушетии с населением в 350 тыс. человек бесследно пропали свыше 100 молодых мужчин. Фактически все родовые подразделения ингушей понесли утраты. Поскольку эти потери непосредственно связываются в общественном сознании с новым президентом, авторитет его, и без того несопоставимый с авторитетом прежнего президента Аушева, падает все ниже, и это происходит на фоне падения темпов экономического развития Ингушетии, самой бедной республики России. Не приходится удивляться тому, что именно с приходом Зязикова Ингушетия стала вторым после Чечни театром постоянных боевых действий. При этом в вооруженное сопротивление российским властям втягиваются не только чеченцы, но и ингуши. В ночь с 21 на 22 июня 2004 года, в память о депортации чеченцев и ин-

гушей в 1944 году, вся территория Ингушетии была на несколько часов захвачена вооруженными боевиками. Такого не было даже в Чечне.

В самой многонациональной республике Российской Федерации, Дагестане, усиливается вакуум власти. Глава республики М. Магомедов, правящий в ней еще с советских времен, окончательно лишился поддержки населения и опирается только на Москву (текст был написан до отставки М. Магомедова. — *Ред.*). Первым открытым вызов его правлению, уже в период президентства Путина, бросил глава администрации г. Хасавюрта С. Умаханов, в поддержку которого в августе 2004 года прокатились массовые митинги протеста по всему этому району, пограничному с Чечней. Сегодня Дагестан может конкурировать с Чечней по количеству террористических и диверсионных акций. По оценкам экспертов, ежегодно, начиная с 2002 года, в республике совершается от 70 до 90 террористических актов ежегодно. При этом заметна активизация терроризма. Только за первое полугодие 2005 года в республике зафиксировано свыше 80 террористических актов. Наиболее заметными формами сопротивления местным и федеральным властям являются выступления, облаченные в религиозную форму, представителей нетрадиционного ислама, которых власти и пресса называют ваххабитами³¹. Еще в 1999 году дагестанские ваххабиты объявили священную войну России (джихад). Дагестанский джихад до 2004 года возглавляли «эмир моджахедов Дагестана» Р. Халилов и «эмир джамаата «Шариат»» Р. Макашарипов. Всего же в сети участников дагестанского джихада до десятка различных джамаатов, их подразделения насчитывают около 500 человек и уже несколько лет ведут диверсионно-террористическую войну против местных и федеральных правоохранительных органов.

В Карачаево-Черкесской Республике крайне непопулярен ставленник Кремля президент М. Батдыев. Осенью 2004 года возмущенная толпа карачаевцев штурмом взяла его резиденцию и около суток требовала немедленной отставки президента. Лишь вмешательство полпреда президента России в Южном федеральном округе Д. Козака спасло тогда местного лидера. В республике чрезвычайно сильно ваххабитское движение. По официальной статистике МВД, здесь насчитывается 219 ваххабитов, т.е. людей, которые находятся под постоянным наблюдением властей, хотя формально им нельзя предъявить никаких обвинений. Реальное же число фундаменталистов, по оценкам информированных экспертов, оценивается в 1,5–2 тыс. человек и неуклонно растет за счет молодежи, которая в условиях отсутствия иных социальных перспектив предпочитает вступать в так называемые вооруженные отряды новых джамаатов.

Еще недавно Кабардино-Балкарская Республика была одной из самых стабильных и спокойных не только в регионе, но во всей России. Сейчас же сообщения из КБР напоминают сводки с фронтов, то и дело в столице республики

Нальчике проводятся боевые спецоперации даже с применением танков, для того чтобы выбить из многоэтажных жилых домов группы вооруженных ваххабитов. По официальной статистике МВД КБР, в республике насчитывается около 400 ваххабитов и их пособников.

Появление в 2004 году трех фронтов вооруженного сопротивления федеральной власти (чеченского, ингушского и дагестанского), а также спорадические действия вооруженных исламских радикалов против федеральных властей в ряде других республик Северного Кавказа создают в регионе новую ситуацию, не похожую на ту, которая была еще два-три года назад, когда единственным очагом вооруженного сопротивления федеральной власти выступала Чечня. Неспособность государства обеспечить на территории действие своего собственного законодательства – это и есть потеря контроля над территорией, даже если на ней никто (или почти никто) не говорит вслух о необходимости отделения. На мой взгляд, в республиках Северного Кавказа федеральная власть переживает небывалый кризис доверия в глазах местного населения. На этом фоне быстро развивается влияние параллельных структур власти в виде исламских джамаатов, не обязательно склонных к террористическим методам или радикальному фундаментализму, но создающих социальное пространство, на котором российские правовые нормы фактически не действуют.

Сегодня же заметно новое оживление политической активности национальных элит в ряде других республик России. Отчужденная от власти национальная элита способна использовать подобное недовольство населения, облечь его в этнорелигиозную форму и обеспечить тем самым такой уровень сопротивления населения властям, против которого бессильны любые армии.

В России помимо роста национальных движений возможно и усиление региональных политических противоречий между центром и регионами. Сошлюсь на мнение лидера иркутского регионального отделения СПС, депутата областного собрания А. Козьмина, который заметил: «...можно предположить, что в ближайшее время политическая борьба в России будет разворачиваться не между управляемыми из центра левыми и правыми партиями, а между центральными и региональными элитами...»³².

Империи, как отмечал А. Мотыль, напоминают колесо без обода. Все части этой конструкции скрепляются только через центр, и при его перегрузке вся конструкция распадается. Вместе с тем Россия не обречена на распад. Переход от империй к государствам-нациям не обязательно связан с распадом полиэтнических государств. Подобный переход может происходить и как движение от принудительных имперских форм объединения народов к иным, добровольным, например к федеративным. Однако для развития в России подлинной федерации необходима демократизация страны, а этот процесс может потребовать немало времени.

Примечания

- ¹ *Мотыль А.* Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств. М.: МШПИ, 2004. С. 7–11.
- ² Там же. С. 13.
- ³ *Deutsch K.* Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality. Cambridge (Mass.), 1953.
- ⁴ *Кара-Мурза А.* Этнократия – империя – нация // Как возможна Россия? Библиотека либерального консерватизма. М., 1999. С. 92–107.
- ⁵ *Ренан Э.* Что такое нация? СПб., 1898.
- ⁶ Послание Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина Федеральному Собранию Российской Федерации. 16 мая 2003 г. // Российская газета. 2003. 17 мая.
- ⁷ См. подробнее: *Паин Э.* Становление государственной независимости и национальная консолидация России: проблемы, тенденции, альтернативы // Мир России. 1995. № 5. С. 66.
- ⁸ Опрос ВЦИОМ: ОМНИБУС 93-1.
- ⁹ См. подробнее: *Паин Э.* Указ. соч. С. 65.
- ¹⁰ Общественное мнение-2002. По материалам исследований 1989–2002 гг. М.: ВЦИОМ, 2002. С. 19.
- ¹¹ *Гудков Л.* Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова; РАН; Институт этнологии и антропологии; Институт философии. М., 2002. С. 130.
- ¹² *Дубин Б.* Запад для внутреннего потребления // Космополис. 2003. № 1(3). С. 137.
- ¹³ *Гудков Л.* Русский неотрадиционализм // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 2. С. 25–33; Комплекс «жертвы»: особенности массового восприятия россиянами себя как этнонациональной общности // Там же. 1999. № 3. С. 47–60.
- ¹⁴ Там же. С. 150.
- ¹⁵ См.: *Станкевич С.* Явление державы // Российская газета. 1992. 23 июня.
- ¹⁶ *Зюганов Г.* Драма власти. М.: Палея, 1994. С. 22.
- ¹⁷ *Корня А., Мухамедьярова Л., Костенко Н.* Дмитрий Рогозин готовит Москву исключительно для москвичей // Независимая газета. 2005. 4 окт.
- ¹⁸ *Дивов О.* Выбравковка. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2000; *Геворкян Э.* Времена негодяев. М.: АСТ, 2000; *Крусанов П.* Укус ангела. СПб.: Амфора, 2000; *Ван Зайчик Х.* Дело жадного варвара. СПб.: Азбука, 2000.
- ¹⁹ В январе 2005 года, как раз в дни массовых акций протеста пенсионеров, недовольных заменой натуральных льгот денежными компенсациями, я был во Владимире. Уже на второй день после начала акций все столбы в центре города были оклеены листовками «Русский – помоги русскому». В них сообщалось, что бедствия людей вызваны «засильем нерусских людей в правительстве», но основной упор делался на влиянии еврейского олигархического капитализма, который стремится к геноциду русского народа и открыл дорогу на Россию «ордам чеченцев». Листовка было не анонимной, она сопровождалась фотопортретом и подписью И. Артемова, депутата Законодательного собрания области и общероссийского лидера нелегальной партии «Русский общенациональный союз».
- ²⁰ Обычно выделяют две военные кампании, направленные на подавление чеченского вооруженного сепаратизма. Первая (1992–1996) завершилась подписанием в сентябре 1996 года

Хасавюртовского мирного договора между Российской Федерацией и властями Чеченской Республики (Ичкерии). Вторая началась в 1999 году и не завершилась, по сути, до настоящего времени. В данной работе мы оцениваем совокупное влияние двух военных кампаний на возрождение имперского синдрома и рассматриваем эти военные экспедиции в качестве стадий одной и той же неоимперской политики России.

- ²¹ См.: Генпрокурора просят запретить религиозные и национальные еврейские организации // Грани.Ру. 2005. 23 янв.; Двадцать депутатов расписались в антисемитизме // Известия. 2005. 25 янв.; Президент РФ Владимир Путин принес извинения за проявления антисемитизма // <http://www.xeno.sova-center.ru/45A2A1E/4E0AF6D>
- ²² Холмогоров Е. Какая империя нужна русским? Нижний Новгород: АПН, 2004.
- ²³ Бондаренко В. Народ Вседержитель // Завтра. 2000. 4 янв.
- ²⁴ См., например: Хоскинг Дж. Русской нации пока еще нет // Литературная газета. 2000. 6–12 сент. (http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lgz362000/Literature/art14.htm).
- ²⁵ Общественное мнение-2002. По материалам исследований 1989–2002 гг. М.: ВЦИОМ, 2002. С. 45.
- ²⁶ Крыштановская О.В. Режим Путина: либеральная мелитократия? // Pro et Contra. 2002. № 4. С. 158–180.
- ²⁷ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. М., 2004. С. 183.
- ²⁸ Гирько С.И., начальник НИИ МВД России. Вступительное слово на конференции «Преступность в России: причины и перспективы»: Материалы конф. / Международная науч.-практ. конф. ВНИИ МВД России, Москва, 27 апреля 2004. М., 2004. С. 8.
- ²⁹ Тарасов А. Наци-скины в современной России: Аналитический доклад / Московское бюро по правам человека. М., 2004.
- ³⁰ Ильичев Г. 53% граждан хотели бы жить в «России для русских» // Известия. 2005. 19 янв.
- ³¹ На мой взгляд, это некорректное определение (сами представители нетрадиционных для Дагестана форм ислама себя ваххабитами не считают), однако я буду вынужден использовать эту дефиницию, поскольку именно она значится во всех информационных материалах.
- ³² Ильницкий А. Федерализм и демократия: Нация против империи // Ведомости. 2005. 15 сент.

А. Гольц,

*военный аналитик, заместитель главного редактора интернет-издания
«Ежедневный журнал»*

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И РОССИЙСКИЙ МИЛИТАРИЗМ

Если СССР был империей, то что в этой империи было колониями, а что — метрополией? Любая дискуссия о сущности советского государства и общества не может пройти мимо этого вопроса. Ведь очевидно, что, вопреки схеме взаимоотношений в классической империи, СССР стремился к ускоренному развитию не столько России, сколько национальных республик, именно там создавая производство, вкладывая средства в образование и культуру. Так что попытка анализировать СССР, рассматривая его как классическую империю, которая черпает ресурсы в колониях для того, чтобы обеспечить процветание ме-

трополии, вряд ли состоятельна. Она игнорирует милитаристскую сущность советского государства.

Эту сущность предельно ясно выразил один из создателей Красной Армии М. Фрунзе, утверждавший, что «сознание каждого... должно быть пропитано мыслью, что положение осаждаемой крепости, каковой до сих пор являлась наша страна, не прошло и не пройдет, что энергия и воля страны должны быть направлены по-прежнему на создание и укрепление нашей военной мощи; что государственная пропаганда идеи неизбежности активной борьбы с нашим классовым врагом должна подготовить ту психологическую среду всенародно-го внимания и заботливости и попечения о нуждах армии, в атмосфере которой дело строительства наших вооруженных сил только и может идти успешно»¹.

После такой констатации Фрунзе по-своему логично делал вывод: «Мы обязаны поставить под ружье все народы нашего союза, превратить союз в вооруженный лагерь. Это должна быть задача не только военного ведомства, но и гражданского аппарата, советского, профессионального, партийного»².

Унаследовав от российской империи милитаристскую традицию, большевики сделали милитаризм основой советского государства. На протяжении всего времени своего существования Советский Союз представлял собой огромный военный лагерь, живший по законам войны или подготовки к войне. Образование и воспитание были призваны формировать не свободных людей, а солдат (неслучайно такое воспитание именовали и продолжают именовать военно-патриотическим). Считалось, что тот, кто не умеет споро разбирать и собирать автомат Калашникова, не может и Родину любить. Назначение экономики видели не в удовлетворении потребностей народа, а в способности производить вооружения. Топливо-энергетический комплекс, металлургия и машиностроение, вся промышленность в целом с помощью системы мобилизационной подготовки были точно так же нацелены на военные нужды, как и предприятия девяти оборонных министерств. Именно эта установка на всеобщую мобилизационную готовность и предопределила банкротство советской промышленности, считает известный российский военный эксперт В. Шлыков³.

Из этого со всей очевидностью следует, что именно Вооруженные силы играли в СССР роль метрополии. Именно они высасывали все ресурсы как из центра, так и из национальных республик. Любой непредвзятый исследователь без труда обнаружит поразительное совпадение теоретических описаний милитаристского общества, с реалиями СССР. Еще в конце XIX века Г. Спенсер описывал «воинственное общество» (к которому, замечу, он относил и современную ему Российскую империю) как социальную систему, где «жизнь, свобода и имущество гражданина принадлежат государству, целью которого является война»⁴.

В своих эссе Г. Лэсвил описывает «государство-гарнизон», в котором «организация экономической и социальной жизни систематически подчиняется потребностям вооруженных сил»⁵. Знакомые черты советского государства и общества обнаружим мы и в характеристиках германского милитаризма, даваемых современными немецкими учеными Г. Риттером и В. фон Бредовым. Так, в основе важнейших политических решений советского руководства «лежали военно-технические расчеты, а не всесторонний анализ с точки зрения государственных интересов, а в отношении народа к тем или иным проблемам безусловно доминировали военные подходы»⁶. Вспомним хотя бы решения о вторжении в Чехословакию и Афганистан, которые объяснялись исключительно стремлением обезопасить СССР, исключить появление вблизи его территории баз НАТО и США. Военной же логикой руководствовались те, кто отдал приказ об уничтожении корейского «боинга».

А. Вагтс, автор классического труда «История милитаризма», указывает на наиболее опасный источник милитаризма: «Гражданский милитаризм следует определить как безоговорочное принятие военных ценностей, манер, принципов и отношений. Приоритет отдается военным соображениям. Героическое обнаруживается преимущественно в военной службе и в военных действиях, в подготовке к которым и состоит главный интерес государства и на которые должны расходоваться главные ресурсы... Как и милитаристы в военной форме, милитаристы гражданские презирают гражданскую политику, парламентаризм, партии и т.д.»⁷.

Впрочем, у советского милитаризма есть и свои специфические черты. В его основе лежит представление о том, что войны выигрывают благодаря, во-первых, наличию многомиллионной армии в мирное время, во-вторых, неисчерпаемым человеческим резервам, позволяющим постоянно замещать выбывших солдат новыми, и, в-третьих, способности государства административными методами концентрировать все имеющиеся в стране средства для обороны. Важнейшим элементом Советской армии, ее основой и стовым хребтом являлся не офицерский корпус, а плохо обученная солдатская масса, сила которой состоит лишь в способности к постоянному пополнению.

В нынешней России этот милитаризм советской империи, казалось бы, обречен на неизбежное исчезновение, так как лишился основного источника своей жизненной силы – возможности использовать постоянно возобновляемую человеческую массу. Демографическая ситуация в стране такова, что к концу десятилетия численность юношей в возрасте 18 лет сравняется с количеством солдатских и сержантских должностей в Вооруженных силах. Это означает, что концепция массовой мобилизационной армии не может быть реализована в принципе. Просто мобилизационного ресурса, на который опирались все российские полководцы – от Кутузова до Жукова, не стало вовсе.

Кроме этого, у жителей страны появились некоторые гражданские права, и они пользуются ими, стремясь избежать армейской службы. Очевидно и то, что российская промышленность никогда уже не сможет в случае необходимости начать массовый выпуск вооружений в достаточном для оснащения многомиллионной армии объеме.

Перед российскими Вооруженными силами, нуждающимися в модернизации, стоят несколько задач. Главная из них — привести структуру армии в соответствие с типом государства и общества, которые она должна защищать. Однако на протяжении всех 15 лет существования российской армии генералитету удастся сохранять советскую модель Вооруженных сил, пусть и уменьшенную в два (по одним подсчетам) или даже в три (по другим) раза. При этом именно военная реформа — пожалуй, единственная из всех — объявлена еще в 2003 году успешно завершённой⁸. На самом деле она свелась к сокращению численности Вооруженных сил и попыткам, скорее всего не слишком успешным, создать 72 части и соединения постоянной готовности, где, как предполагается, будут служить только контрактники (добровольцы). Эти «реформы» не затронули важнейших, коренных принципов устройства Вооруженных сил: комплектования, военного образования, условий прохождения службы. Они оказались неспособны обеспечить ни гражданский контроль над Вооруженными силами, ни перестройку военно-промышленного комплекса. Попытка сохранить советскую военную систему обернулась структурным кризисом и фактическим разложением сегодняшней армии.

Согласно официальным (очевидно, заниженным) данным, ежегодно растет количество преступлений в армии⁹. Население прекрасно осведомлено о ситуации в Вооруженных силах, поэтому уклонение от призыва в армию стало массовым. По официальным же сведениям, ежегодно от службы уклоняются 17 тыс. человек¹⁰. При этом следует иметь в виду, что «уклонистами» военные считают лишь тех, кому удалось вручить повестку и кто потом не явился в военкомат. Однако гораздо больше таких, кто вручения повестки успешно избегает. Только в Москве их свыше 5 тыс. человек, а в России в целом — не менее 50 тыс.¹¹ Кроме того, существует гигантская индустрия отсрочек, в нее вовлечены многочисленные вузы, превратившиеся в конторы по выдаче справок, коррумпированные сотрудники военкоматов и медицинские работники. Те же, кто оказался в Вооруженных силах, дезертируют. «Солдаты не просто бегут, а бегут с оружием, оставляя за собой расстрелянных сослуживцев, шлейф других кровавых преступлений», — констатирует генеральный прокурор В. Устинов¹² (статья была написана в бытность В. Устинова на этом посту. — *Ред.*).

Поразительно, но в российской армии не желают служить и те, кто выбрал военное дело своей профессией. Из Сухопутных войск ежегодно увольняется 15% офицерского корпуса. При этом до 80% первичных офицерских должнос-

тей даже в частях постоянной готовности занимают «двухгодичники», выпускники военных кафедр гражданских вузов¹³.

Для того чтобы объяснить, зачем современной России имперская армия сугубо советского образца, военным нужен глобальный противник, и лучше всего на эту роль подходят Соединенные Штаты и Запад в целом. Поэтому вопреки регулярным заявлениям о необходимости расширять военное сотрудничество с США, российская армия по-прежнему ориентирована на противостояние американским вооруженным силам. В «Актуальных задачах развития Вооруженных Сил РФ» подробно говорится о необходимости готовить войска к отражению воздушно-космической операции. Но в мире существует только одно государство, способное такую операцию провести.

Разумеется, никто из российских генералов всерьез не собирается воевать с американцами, но под прикрытием милитаристской риторики легче всего сохранять существующую структуру Вооруженных сил, а также не имеющую аналогов в мире военную организацию государства, когда, помимо Вооруженных сил, военная служба предусмотрена еще в добром десятке министерств и ведомств.

При этом никто и не думает подтягивать российскую армию до уровня американской. Все планы обороны России основываются на идее массовой мобилизации. В стратегические маневры обязательно включаются не только имитационные удары по территории США, но и призыв резервистов. В качестве важнейшего достижения 2002 года Сергей Иванов называл мобилизацию 7,5 тыс. человек (т.е. усиленной бригады или дивизии мирного времени) и переброску их на несколько тысяч километров. В 2005 году в ходе беспрецедентных по масштабам командно-штабных маневров «Щит Зауралья-2005» было задействовано уже 57 тыс. человек¹⁴.

Деньги (и немалые) на проведение подобных мероприятий приходится отрывать от средств, выделенных на боевую подготовку. Минобороны принципиально важно демонстрировать, что оно способно в «час Ч» призвать под ружье миллионы резервистов. Необходимостью сохранять и поддерживать «мобилизационный ресурс» военное ведомство оправдывает свое нежелание переходить к формированию Вооруженных сил на добровольческой основе. Ведь, по логике Генштаба, при отказе от всеобщей воинской обязанности количество резервистов значительно уменьшится, и правительству не удастся при угрозе крупномасштабной войны призвать миллионы людей. Кроме того, военные намеренно игнорируют тот факт, что стратегические запасы вооружений, амуниции и продовольствия, необходимые для оснащения многомиллионной армии, давно исчерпаны, а российская промышленность уже никогда не будет в состоянии необходимое количество произвести.

Сохраняющаяся ставка на всеобщую мобилизацию делает бессмысленными даже скромные попытки модернизировать Вооруженные силы хотя бы час-

тично. В соответствии с принятой в 2003 году «Федеральной целевой программой перехода к комплектованию воинских должностей военнослужащими, проходящими военную службу по контракту» к 2008 году контрактниками должны быть укомплектованы 80 частей и соединений (из них 72 – в Вооруженных силах, общей численностью 144 тыс. сержантских и солдатских должностей¹⁵).

Из плана реформы следует, что отныне в рамках Вооруженных сил будут существовать две армии. Одна элитная, состоящая из частей и соединений постоянной готовности, в которых все военнослужащие заняты исключительно боевой подготовкой и не отвлекаются на хозяйственные работы, а другая, по-прежнему комплектуемая по призыву, неэффективная и бессмысленная, похожая на тюрьму. В принципе с такой ситуацией можно было бы смириться (хотя понятно, заряд какого внутреннего напряжения она неизбежно в себе несет), если бы было ясно, что «полков нового строя» должно становиться все больше, а «обычных» частей – все меньше, и так до полного исчезновения последних. Но нет, этого не произойдет. «Обязательный призыв в армию останется всегда», упорно твердит министр обороны.

Это означает, что даже с появлением укомплектованных контрактниками соединений Министерству обороны нет никакой нужды менять концепцию обороны государства и массовой армии. Стало быть, оправдывается уродливая структура офицерского корпуса, когда полковников больше, чем лейтенантов: должен же кто-то командовать дивизиями резервистов. И не придется ничего менять в системе военного образования, если офицеры должны давать призывникам лишь самую элементарную военную подготовку. Сохраняются «моб-мощности», мешающие промышленным предприятиям работать эффективно и обеспечивающие этим предприятиям небескорыстную опеку чиновников Министерства обороны. Такая армия никогда не будет профессиональной, вне зависимости от того, какое число контрактников будет в ней служить.

Согласившись с необходимостью появления института профессиональных сержантов, военное ведомство не озаботилось созданием специальных учебных заведений для их подготовки¹⁶. Все свелось к тому, что выпускникам обычных учебок, которые отслужили всего-то несколько месяцев, «настойчиво» предлагают подписать контракт. Разумеется, эти сержанты, не имея ни специальных знаний, ни опыта, не смогут подчинить себе ровесников, которые прослужили ровно столько же. Таким же образом – путем угроз и нажима – формируются целые контрактные части¹⁷.

Наконец, совершенно очевидно, что новой армии нужен новый офицер: человек, посвятивший себя постоянному совершенствованию в военной профессии, получивший необходимое гуманитарное образование, чтобы стать настоящим лидером. Но реформа военного образования предполагает движение

в прямо противоположном направлении: период обучения будет сокращен с пяти до четырех лет. Делается это с целью лишить будущих офицеров диплома о «гражданском» высшем образовании и тем самым удержать их в армии. При этом в Министерстве обороны делают вид, что не понимают, насколько снизится уровень тех, кто выбрал офицерскую профессию.

Из слов министра обороны прямо следует, что одновременно с созданием частей и соединений постоянной готовности, укомплектованных контрактниками, военное ведомство намерено добиваться отмены большинства отсрочек от службы в Вооруженных силах. «У нас сейчас действует 29 отсрочек от призыва. Тут мы мировые рекордсмены, — сообщает С. Иванов. — Но ряд отсрочек, на мой взгляд, подлежит пересмотру и отмене»¹⁸. То есть отсрочки отменят до, а сроки службы сократят после формирования из контрактников частей постоянной готовности: «К 1 января 2008 года мы должны перевести на контракт только по линии Минобороны 144 тысячи должностей солдат и сержантов. Я никогда не говорил, что мы будем переводить на контракт всю армию. Части боевой готовности — первый шаг. И только после этого можно будет реально говорить о сокращении срока по призыву с двух лет до 12 месяцев»¹⁹. И только в том случае, если военные будут удовлетворены состоянием этих частей.

Если отменить отсрочки не удастся (в начале 2005 года Министерство обороны было вынуждено отступить: в ситуации, когда страну сотрясали митинги протеста против монетизации льгот, власть решила не раздражать граждан), Иванов обещает кардинально сократить количество военных кафедр²⁰. Минобороны намерено призывать в армию не студентов, а выпускников вузов.

Хотя призывная система устарела, никоим образом не соответствует уровню развития военной техники и является тяжелым бременем для экономики страны, высший российский генералитет борется за сохранение этой системы, руководствуясь своими корыстными интересами. Пусть В. Путин и С. Иванов считают российских генералов «военными профессионалами» — сами отечественные военачальники прекрасно знают цену собственному профессионализму. На самом деле они умеют призвать огромное количество людей, организовать их самое примитивное военное обучение, а потом использовать эти огромные массы, заменяя перемолотые в первом бою дивизии свежими. Так Советский Союз воевал шесть десятилетий назад, так, убеждают нас, Россия собирается воевать завтра. Мышление отечественных военачальников — классическое мышление милитаристов, как его описывает А. Вагтс: «Большинство милитаристов, будучи в политике консерваторами, являются по своей философии антиматериалистами. Они всегда предпочитают расходовать людей, экономя на материалах»²¹. Поэтому по определению обречены на провал любые попытки верховного главнокомандующего и министра обороны заставить военачальников заботиться о жизни и здоровье нижних чинов.

Российские генералы отдают себе отчет в том, что никакой другой армией они командовать не могут — только массовой призывной. И поэтому всеми силами препятствуют реформе Вооруженных сил и их модернизации. Защищая военный призыв, они защищают последний сохранившийся элемент советской тоталитарной системы, унаследованный ею от самодержавия. Отказ от призыва означал бы окончательный отказ от государственного «тягла», военная служба постепенно превращалась бы в профессию, которую можно свободно выбирать.

Совершенно очевидно, что массовая мобилизационная армия, право сохранить которую отстояло российское военное ведомство, не отвечает ни потребностям обороны, ни возможностям страны, ни ее социальным условиям. Государство в настоящее время расходует огромные средства на институт, который решительно не способен выполнять функции, для которых предназначен. Более того, Вооруженные силы превратились в острейшую социальную проблему: в мирное время российская армия просто перемальвает и калечит мужское население страны.

Этот внутренний кризис, в принципе, преодолим. Если в начале 1990-х еще можно было спорить о том, с чего следует начинать реформу, то сегодня очевидно — ее основой должен стать отказ от призывной системы. Как переходить к профессиональной армии, хорошо известно: этим путем 30 лет назад прошли американцы, а два года назад — французы. Становой хребет такой армии — профессиональные унтер-офицеры. Именно сержанты, авторитет которых обеспечивается и опытом, и военным мастерством, должны поддерживать дисциплину в казарме. Второе важнейшее направление реформы — кардинальное изменение системы военного образования и условий прохождения службы офицерами. Российский офицер, находящийся сегодня в положении крепостного, должен перестать быть ничтожным, не имеющим права на инициативу винтиком военной машины; его перемещения по службе должны быть совершенно прозрачны, а назначения на вышестоящие должности — проходить на конкурсной основе. Третье — создание эффективной системы гражданского контроля. Она предполагает Министерство обороны, состоящее из гражданских чиновников, и открытый детализированный военный бюджет, формируемый и контролируемый Государственной Думой. Четвертое — упорядочение структуры и уменьшение численности войск. Одновременно необходимо решительно демилитаризировать все ведомства (за исключением собственно Министерства обороны), которые имеют в своем составе военные части.

Но руководители страны обнаруживают поразительное доверие к генералитету, неоднократно уличенному в небескорыстном вранье²². И этот пietet перед военным истеблишментом характерен не только для хозяев главных кремлевских кабинетов, но и для российской элиты в целом. «Общество и парла-

мент все еще в преобладающей мере находятся в плену традиционного преклонения перед священной короной «обороны и безопасности». Позицию любого министерства, отрасли и отдельного чиновника могут подвергнуть критике и пересмотру, но только не планы Минобороны и других «силовых» ведомств (оборонный бюджет ежегодно изменяется Думой не более чем на 0,5–1%)», — писал А. Арбатов, занимавший в 1995–1999 годах пост заместителя председателя Комитета по обороне Государственной Думы, сетуя на сохраняющуюся закрытость военного бюджета²³.

Но этим иррациональная сила воздействия военных представлений и подходов на российскую власть не исчерпывается. На официальном уровне многократно заявлялось, что вероятность широкомасштабной войны исключена, и все же любой конфликт, любую кризисную ситуацию в Москве предпочитают рассматривать через призму не существующего в действительности военного противостояния. Вспомним, как после трагедии и позора Беслана В. Путин вдруг заявил, что террористам помогают некие коварные внешние силы. Похожим образом реагирует Москва и на неприятные для нее события на постсоветском пространстве. Потеря влияния в Грузии и на Украине интерпретируется как угроза безопасности России. Очевидно, что российская политика на постсоветском пространстве не особенно успешна: ряд бывших республик Советского Союза стремятся интегрироваться в Евросоюз и НАТО. Глубокий кризис СНГ крайне неприятен Кремлю, но он не означает военной угрозы России.

Тем не менее свое недовольство Москва внятно высказывает исключительно в вопросах, связанных с российским военным присутствием в бывших республиках СССР. Ни от обладания базами в Грузии, ни от возможности Черноморского флота базироваться в Севастополе безопасность России не зависит. Однако Кремль втягивается в длительные и бессмысленные конфликты, идет на экономические уступки с единственной целью — сохранить военное присутствие, несмотря на то, что оно давно потеряло собственно оборонное значение.

Вообще, любые неудачи во внешней политике трактуются только как военное поражение от превосходящих сил глобального противника, в котором без труда можно угадать США и Запад в целом. Всякое поражение, даже если оно обусловлено очевидными внутренними причинами — прежде всего неэффективностью пресловутой «вертикали власти», — предлагается воспринимать как доказательство внешней угрозы.

Еще одним проявлением глубоко милитаризированного сознания современных российских руководителей является представление о военной силе как об абсолюте и панацее. Десятки раз в самых разных обстоятельствах В. Путин и его приближенные объясняли свои неудачи именно отсутствием военной силы. Наиболее ярко это продемонстрировала путинская реакция на Беслан: «Мы... проявили слабость. А слабых — бьют. Одни хотят оторвать от нас кусок

“пожирнее”, другие им помогают. Помогают, полагая, что Россия — как одна из крупнейших ядерных держав мира — еще представляет для кого-то угрозу. Поэтому эту угрозу надо устранить. И терроризм — это, конечно, только инструмент для достижения этих целей»²⁴.

Упоминание о ядерном факторе многим показалось тогда неизжитым пережитком холодной войны. На самом деле оно напрямую связано с уверенностью российского президента в том, что военная сила — определяющий критерий мощи и влияния государства. При этом он прекрасно отдает себе отчет в слабости российских сил общего назначения. В этих обстоятельствах лишь те 6 тыс. ядерных боеголовок, которыми располагает сегодня Москва, превращаются в представлении В. Путина в единственный фактор, который уравнивает Россию с Соединенными Штатами, самой мощной мировой державой. И Кремль исходит из того, что ядерный паритет с США подкрепляет российскую позицию даже в вопросах, далеких от ядерного сдерживания.

Милитаристские стереотипы преобладают не только во внешней, но и во внутренней политике. Буквально с первых дней своего пребывания в Кремле Путин стал строить государство, которым, как ему казалось, можно идеально управлять, — он начал создавать пресловутую «вертикаль власти». Путин представлял себе наилучшую модель управления Россией как строго иерархическую систему, подобную армейской. На вершине пирамиды — президент, он же верховный главнокомандующий, а ниже уровень за уровнем занимают исполнительные и преданные чиновники, способные довести волю высшего руководителя до каждого уголка огромной страны. По сути, введение этой системы означает, что власть в России по-прежнему строится по военно-феодальному принципу: власть в представлении властителя безраздельна. Вся практика путинского режима, который низвел парламент и судебную власть до роли марионеток, свидетельствует: принцип разделения властей рассматривается как ересь, а принцип единоначалия распространяется и на политическую систему государства.

Разрыв между реальностью и мифологизированными представлениями о ней может привести к совершенно неадекватной трактовке происходящего и в итоге подвигнуть на любую авантюру — она-то и обернется развалом России, которым так любят пугать кремлевские политтехнологи.

Результатом как внутренней деградации Вооруженных сил, так и кардинальных изменений в международной обстановке стало то, что российская армия объективно не может обеспечивать безопасность государства, то есть делать то, ради чего она вроде бы существует.

Но власть продолжает делать вид, что не видит этого глубочайшего кризиса, и уверять, что достаточно дать еще больше денег военным, закупить новую технику и вооружения — и дело пойдет на лад. Очевидно, что сегодняшней власти

армия нужна вовсе не для обороны страны, а для решения совершенно иных задач. И для этого идеальна именно архаичная, неререформированная армия.

По армейской модели, повторяю, выстраивается вся политика Кремля. Путин и его окружение намерены модернизировать Россию «сверху», опираясь исключительно на административный ресурс. При таком подходе население страны уподобляется солдатам, во имя победы обязанным слепо выполнять приказ, а любой, кто рискует высказывать сомнения в правильности и обоснованности приказа, объявляется либо трусом и паникером, либо вражеским агентом.

Армейской остается и приемлемая для значительной части россиян модель социальных отношений — подчинение младших старшим в соответствии с должностью и званием. Наконец, признание существующей армии правильной и необходимой служит легитимизации путинского режима и мелитократии. Естественно, что окружающий мир воспринимается не иначе как стан врагов России. Руководители государства по-прежнему рассматривают большую часть иностранных государств как своих потенциальных противников. Эти взгляды они не без успеха навязывают и населению. Милитаризм превратился в важнейший элемент российской самоидентификации: история, от древней до новейшей, преподносится как череда победоносных оборонительных войн, превративших Россию в огромную могущественную державу.

Российский милитаризм поменял среду обитания. Теперь он выражается не столько в избыточных военных приготовлениях и особом влиянии военных на власть, сколько в стереотипах мышления элиты и отчасти народа. Страна, в течение трех веков не знавшая иной организации, кроме военной, считает ее правильной и единственно возможной. Сама же армия в данном случае — скорее символ милитаризма, чем его источник и оплот. Такой «гражданский милитаризм» является одним из главных препятствий на пути модернизации.

Примечания

¹ Фрунзе М. Единая военная доктрина и Красная Армия // <http://lib.rin.ru/cgi-bin/load/docs.pl?open=37688.txt&page=0>

² Там же.

³ См.: Шлыков В. Что погубило Советский Союз: Генштаб и экономика. М., 2002.

⁴ Spencer H. Principles of Sociology, vol. 2 (New York, 1895), p. 602.

⁵ Essays on the garrison state / Harold Lasswell, ed. and with an introduction by Jay Stanley; with a preface by Irving Louis Horowitz. Imprint: New Brunswick, NJ; London: Transaction Publishers, 1997, p. 12.

⁶ The political role of the military: an international handbook. Greenwood Press 1996, p. 143.

⁷ Ibid, p. 453.

- ⁸ См. доклад министра обороны С. Иванова на совещании в Министерстве обороны 2 октября 2003 года при представлении брошюры «Актуальные задачи развития Вооруженных сил РФ» (<http://www.mil.ru/articles/article3667.shtml>).
- ⁹ По данным замначальника Главного управления воспитательной работы (ГУВР) Вооруженных сил РФ В. Бусловского, количество правонарушений в Вооруженных силах в 2004 году возросло на 1,5 тыс. и составило 16 тыс. При этом «проявления дедовщины составляют 20-30% от общего количества преступлений в армии и на флоте». В 2004 году зарегистрировано 5000 случаев дезертирства и умышленного членовредительства. Наконец, в 2004 году в результате «преступлений и происшествий» погибло 1100 человек (*Плугатарев И.* Удручающий облик Вооруженных сил // Независимое военное обозрение. 2005. 11–17 марта).
- ¹⁰ *Гаврилов Ю.* Генеральский прием // Российская газета. 2004. 11 ноября.
- ¹¹ *Поросков Н.* Два года до приказа // Время новостей. 2005. 28 апр.; Коммерсант. 2003. 18 апр.
- ¹² *Иванов В.* Царство халатности и злоупотреблений // Независимое военное обозрение. 2005. 25 января.
- ¹³ *Богданов С.* В ротном звене // Красная звезда. 2004. 22 дек.
- ¹⁴ <http://www.uralpolit.ru/kurgan/news/?art=23689>
- ¹⁵ Сергей Иванов: «Нам нужна миллионная армия» // Известия. 2005. 22 февр. Впрочем, в интервью журналу «Итоги» (2005. № 15) Иванов утверждает, что на контракт будут переведены 133 тыс. солдатских и сержантских должностей, что свидетельствует о том, насколько серьезно военное ведомство относится к перспективе перевода армии на контракт.
- ¹⁶ С. Иванов обещает, что укомплектованием всех войск профессиональными сержантами Министерство обороны займется не раньше 2008 года. (Итоги. 2005. 11 апр.).
- ¹⁷ Солдаты-срочники 505-го мотострелкового полка, дислоцированного в Ингушетии, сообщили, что их под давлением заставляют подписать контракт. См.: *Светова З.* Солдаты-срочники не хотят в Чечню // Русский курьер. 2005. 11 марта.
- ¹⁸ Сергей Иванов: «Нам нужна миллионная армия».
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Калишников Н.* Мирное бремя // Итоги. 2005. 11 апр.
- ²¹ A history of militarism: [civilian and military. New York] Meridian Books [1959], p. 13-15.
- ²² 17 августа 2005 года, беседа с журналистами в ходе учений ВМФ в Баренцевом море, В. Путин продемонстрировал полное и абсолютное доверие к военным и очевидное непонимание смысла гражданского контроля: «А вот выбрать приоритеты развития Вооруженных Сил – это дело специалистов, прежде всего Генерального штаба и военно-политического руководства страны» (http://www.kremlin.ru/appears/2005/08/17/1943_type63374type63380type82634_92586.shtml).
- ²³ Независимое военное обозрение. 2002. № 45.
- ²⁴ http://www.kremlin.ru/appears/2004/09/04/1752_type63374type82634_76320.shtml

*А. Адамишин,
заслуженный работник дипломатической службы*

IMPERIUM — ЭТО ВЛАСТЬ

На языке древних римлян *imperium* означало всего-навсего власть. Причем высшей ее формой считали умение властвовать собой. Что, впрочем, не помешало Риму установить господство над огромными территориями. Лингвистически они не были столь уж неправы, ибо одно из значений глагола *imperare* — обрабатывать землю. Итак, разделять противников, завоевывать, а затем, говоря современным языком, удерживать власть на местах. Римляне показали образец того, как дипломатия должна идти рука об руку с мощью.

Позднее исследователи заметили еще одну особенность: разрастаясь, империя не усиливается, а ослабевает. Конец свой она приближает как раз в силу собственного разбухания. Так что любая империя беременна распадом, хотя каждая из них уверена, что уж она-то избежит участи предыдущей. Важно лишь сделать правильные выводы. Недаром американцы так основательно изучают древнеримский опыт.

Так ли уж плоха империя?

Разумеется нет, иначе она не получила бы такого распространения в истории. Империя явно не аномальное явление. Отрицательные ее черты хорошо известны. Но кое-какой положительный вклад в развитие человеческого общества тоже имеется. Практически все имперские образования несли в колонии технологический прогресс, выполняли функции обеспечения культурного взаимообогащения и, как следствие, сближения цивилизаций, их мирного между собой существования. Метрополия, если она грамотно эксплуатировала свои колонии, получала фору в попытках играть заглавную роль в управлении миром.

Имперская политтехнология отнюдь не канула в лету: посмотрите на выстраивание американской модели. Чего в ней больше — империи или глобализации?

А что же Россия?

Наша страна не исключение. Скорее классический пример того, как империя продвигала свою экспансионистскую (читай: цивилизационную) форму достаточно умело.

Имперская политика России продолжалась практически без перерыва с середины XVI века. Изначальная ее функция была оборонительная — прихватить те земли, с которых угрожали кочевники. Но когда опасность ослабевала, с захваченных территорий уходившие не собирались. Довольно скоро вошли во вкус и свой поход закончили на Тихом Океане и в Средней Азии. С течением време-

ни имперская идея стала неотъемлемой частью российского образа мышления. Вслушайтесь только в музыку П.И. Чайковского!

На имперских дрожжах процветало и российское мессианство: попы, офицеры и купцы несли в степи и тайгу слово Божие и образцы нового оружия, романсы и товары. Как в свое время древние римляне, они ощущали себя почти полубогами на этих варварских землях. Не отсюда ли, кстати, наше самодовольство, переходящее временами в чванство?

Дольше, чем Российская империя, по моим подсчетам, не прожила ни одна другая – более 600 лет. Тому было много причин.

Поглощенные территории располагались вокруг России и в основном были отсталыми. Практически все они выиграли, экономически и социально, от нахождения в составе Российской империи. Далее, царская Россия была скорее заинтересована в союзниках, чем в рабах, а потому местная элита инкорпорировалась в правящий класс. Как следует из недавних исследований, даже в Польше, которую трудно назвать русофильной, большинство, иногда подавляющее большинство чиновников, управлявших губерниями и уездами, были поляками. Кроме того, сами «колонии» – Грузия, Армения, дальневосточные земли, требовали защиты от беспокойных соседей, и Россия ее обеспечивала.

Оборотной стороной медали стал задиристый характер страны. Войны шли почти без перерыва. Дипломатия и внешняя политика были призваны обеспечивать выгодные условия мира, стабилизации, если не сказать застоя, обстановки. Николая Первого называли жандармом Европы, и это импонировало имперскому духу страны.

Некоторое идеологическое созвучие с отсталыми южными и восточными окраинами обеспечивало довольно мирное их сожительство с метрополией. Однако в XX веке в России началось интенсивное капиталистическое развитие. Западные ценности в виде первых зачатков гражданского общества проникли вначале в европейскую часть империи, а затем и дальше. В конечном счете дело кончилось революцией в России, отсоединением развитых западных территорий и сопротивлением феодальных режимов на азиатских окраинах. Когда большевики вернули их с помощью почти религиозной коммунистической идеологии, они продлили существование имперской модели еще на семь с лишним десятилетий.

Так что имперское сознание прочно вошло в кровь и плоть российского общества. Понятно, что процесс выздоровления не может не быть длительным и непростым.

Крах одновременно и империи, и социализма

Одна из причин нынешней неготовности российского общества смириться с потерей третьей части своих земель заключается в том, что произошло это

в мгновение ока. Страна не была атакована извне, не была подорвана внутренними национально-освободительными движениями. К тому же потеряны не заморские территории. От цельного массива суши отпали, казалось бы, неразрывные куски. Для англичан крах империи означал трагедию, происходившую за пределами Британских островов. Для советских граждан распад СССР означал радикальные изменения также и всей внутренней жизни. Беспрецедентный в истории случай: амбиции в сочетании со страхом не справиться с ситуацией в метрополии толкнули российское руководство к предложению бывшим республикам взять свободу. Многие поначалу отказывались, даже Украина.

Постимперский синдром оказался для нас мучительным вдвойне, ибо со сцены ушел не только СССР, но и привычный социальный строй. Россия не только перестала быть империей — она перестала быть социалистической, советской страной и была вынуждена заново вводить такие понятия, как частная собственность, выборы, свобода слова и совести, и привыкать к ним. На имперских развалинах первым делом выросли уродливые цветы дикого капитализма. Пошел этап первоначального накопления капитала, поначалу скорее разрушительный, чем созидательный. Рухнула экономика, хозяйственные связи с бывшими республиками, в подвешенном состоянии оказалась многомиллионная армия, разросшиеся секретные службы. До сих пор экономически Россия не поднялась до уровня СССР. Расслоение общества привело к чудовищной разнице в доходах¹. Традиционно существовавший в стране средний класс практически исчез, в том числе благодаря эмиграции. Возрождается он медленно. Усугубило социальную катастрофу то обстоятельство, что в одночасье «имперскими сиротами» стали 25 млн человек. В Россию хлынул поток русскоязычных беженцев из бывших советских республик, где начались их притеснения. Родина их особенно не ждала. Все это расширяло массовую базу имперского раздражения. В то же время верхушка национальных диаспор, вскормленная коррумпированной российской властью, превратилась в хорошо организованные и нередко вооруженные отряды для захвата собственности в России. Целые блоки бизнеса оказались под их контролем.

Бывшие колонии берут реванш над метрополией — явление знакомое всем бывшим империям. Но если в Великобритании, Австрии или Франции существуют политические инструменты для защиты страны от подобного размывания в виде традиций, законов, независимых судов, то в России всего этого не было и нет. Противостоять сплоченным национальным кланам власти не смогли, а чаще не хотели. В результате на бытовом уровне неприязнь к представителям других национальностей уже давно превратилась в фактор нестабильности. Бессилие в собственной стране толкает людей к самочинным расправам. «Россия для русских» — за это высказывается уже больше половины населения.

Что же делает власть?

Именно в ее поведении, на мой взгляд, основная причина живучести имперского синдрома. Главная забота руководящей группировки — бессрочное сохранение собственной власти. Не в последнюю очередь потому, что приобщение к ней в сегодняшней России есть не что иное, как возможность, может быть единственная в жизни чиновника, обеспечить себя и своих близких стартовым капиталом. На данном этапе — через передел собственности. Тут уж не до заботы о национальных интересах.

Если верить К. Марксу, любая власть стремится к расширению до тех пор, пока не встретит препятствий. Нынешняя российская власть упорно работает над тем, чтобы обеспечить себе как можно более длительное и комфортное существование. Деятельность эта идет широчайшим фронтом — от выхолащивания самой сути избирательного права до ликвидации или оскотления тех критически настроенных средств информации, которые имеют выход на массовую аудиторию. Власть шаг за шагом отстраняет народ от управления государством.

У элиты любой страны сокровенное желание — остаться у кормила до конца жизни. Но в странах развитого гражданского общества это просто исключительно благодаря реальным конкурентным силам, стоящим на страже давно утвердившихся законодательных норм. В России же увековечивание власти не встречает противодействия, ибо политических конкурентов «зачищают» на корню, причем публика этому, как правило, аплодирует.

Не в том ли причина подобного парадокса, что нынешняя власть отвечает имманентным особенностям нашего общественного сознания? Того, которое сложилось или, вернее, деформировалось в ходе длительного цивилизационного развития? Не в последнюю очередь за десятилетия «пролетарской» диктатуры. Власть не может не быть заинтересована в сознательном культивировании отсталого, феодального менталитета или по крайней мере в задержке его позитивной эволюции. Как ни горько это говорить, похоже на то, как работает элита в исламских странах.

Что происходит тем временем вокруг?

Мир не ждет, пока Россия справится со своими внутренними проблемами. На дворе тысячелетие глобализации, она диктует единые для всех правила игры. Сначала это касалось экономической и финансовой сферы. Теперь, особенно во второй срок президентства Дж. Буша, идет унификация — в основном по американским шаблонам — и в политической области. Чтобы играть по правилам, которые чаще всего устанавливаются без тебя, необходима недюжинная внутренняя сплоченность, умение сжать зубы. На сцену, однако, вновь выступает культурный и идеологический бэкграунд.

Различные цивилизационные группы по-разному отреагировали на глобализацию. Лучше других справляется с новыми вызовами и угрозами западная формация, тем более что она сама в решающей степени определяет параметры процесса и продвигает в качестве образца свою модель. Более слабые экономически и политически группы стран либо пытаются приспособиться, как восточноевропейские или часть азиатских, либо отвечают апатией, как большинство африканских. Примечательно, что наибольших успехов добиваются те государства, прежде всего Индия и Китай, еще раньше Япония, которые перенимают, творчески усваивая, экономические и политические технологии Запада.

Наряду с этим есть реакция, которую условно можно обозначить как луддистскую, — вообще поломать глобализационную модель. Как минимум — не допустить ее в свой мир. Как максимум — навязать принципиально другой подход. Речь идет, понятно, об утверждении теории и практики ислама. Крайнее проявление подобной реакции — террористическая война, объявленная экстремистами западному сообществу, и не только ему. Причем не факт, что более продвинутые формы цивилизации обречены на победу.

И обнаруживается печальное обстоятельство: реакция российской цивилизации на стремительно меняющийся мир напоминает исламскую. Это, в первую очередь, глубоко сидящее настороженное отношение к переменам, зачастую бессмысленное сопротивление глобализации вместо стремления влиться в ее поток. Мы чувствуем, что остаемся на обочине, но виним в этом обострение глобальной конкуренции, а не самих себя. Как сказал один остроумный наблюдатель: остановите земной шар, мы сойдем.

Свой путь: по куда?

На этом фоне российский правящий класс предложил простые и знакомые до боли идеи: мы — особые, мы — независимы (от кого?), самодостаточны (ой-ли?), нам никто не указ, Россия пойдет своим путем. На поверку этот путь оказывается проторенной дорогой антизападничества. Игра опасная, но элита в упоении нефтяного экстаза считает, что справится с сидением на нескольких стульях.

На словах-то намерения декларируются правильные (кстати, все реже и реже). На деле же российское общественное мнение, которым искусно манипулируют телетехнологи, продолжает, как в годы холодной войны, главным врагом считать США (отсюда, к слову, и все более двусмысленная позиция России по части борьбы с международным терроризмом). Аргументация проста, но доходчива: Запад нас ненавидит, он увел Украину, Грузию, поддерживает зарвавшихся прибалтов — и все для того, чтобы насолить Москве, унижить ее, «опустить».

Чутье элиту не обманывает — чего хорошего ей ждать от американских идей насаждения демократии, поддержки «оранжевых революций» и т.д.? Почувст-

вовав главную опасность — самой себе, — власть собирает под знамена империи те отряды, которые призваны (каково?) «спасти Россию от внешнего управления». Кто же посягает на независимое существование России? Разумеется, все тот же Запад. Источник потенциальных бед все чаще ищется не внутри страны, а вне ее. Свои эгоистические интересы власть настойчиво выдает за общенациональные.

Дежа вю

Философ В. Соловьев еще в начале прошлого столетия весьма образно сформулировал наши вековечные проблемы. Он писал: «...русский народ... находится в крайне печальном состоянии, он болен, разорен, деморализован». Философ ищет причину: «И вот мы узнаем, что он в лице своей интеллигенции хотя и не может считаться формально умалишенным, однако одержим ложными идеями, граничащими с манией величия и манией вражды на всех и каждого. Равнодушный к своей действительной пользе и действительному вреду, он воображает несуществующие опасности и основывает на них самые нелепые предположения. Ему кажется, что все соседи его обижают, недостаточно преклоняются перед его величием и всячески против него злоумышляют».

«Если несчастный... останется при своей мании, то ни деньги, ни лекарства не помогут», — заключает В. Соловьев. Националистическими инъекциями мания эта поддерживается и сегодня.

Стимулирование имперских амбиций есть одновременно получение своеобразной индульгенции на авторитаризм внутри. Идет, как это ни маскируется различными верхушечными ходами, наступление на гражданское общество, ибо оно тоже от западного лукавого, нагнетается нетерпимость к инакомыслию. Элита, активно поддерживаемая Церковью, пытается получить монополию на формирование общественного сознания. Вновь вытаскиваются на свет утверждения, идущие еще от Екатерины II, что Россией можно управлять только твердой, авторитарной рукой. Как показывают опросы, большинство россиян и в наши дни подписалось бы под этим высказыванием.

Исторический опыт России показал: тоталитаризм неотделим от имперского великодержавия и наоборот. Поскольку не одни мы это знаем, в отношении нашей страны растет международная настороженность. Это питательная среда и для откровенного провоцирования России со стороны тех, кто еще полтора десятка лет назад жил с нами в одном доме. Образуется своего рода цепь реакции и контрреакции: часть нашего политического класса использует и правые, и неправые аргументы для подогревания шовинистических настроений. Круг замкнулся к вящему удовольствию элиты.

Первое резюме

Таким образом, в многослойном пироге нынешнего постимперского синдрома присутствуют:

- а) глубокий отпечаток, оставленный долгим существованием империи;
- б) ностальгия по Советскому Союзу, воплотившему вековую мечту России о сверхдержаве;
- в) соединяющаяся с этим тоска по знакомому жизненному укладу социализма (лучше было тогда, когда было хуже);
- г) сознательное культивирование властями архаичного сознания, составной частью которого являются великодержавные настроения.

Добавлю, что на мельницу имперских амбиций льет воду и наша традиционно завышенная самооценка.

Нефть — благо?

Большую роль играют действительно огромные природные ресурсы. Они создают иллюзию вечного притока манны небесной. А это расслабляет волю к модернизации, к каким-то там реформам, от которых одни беспокойства и неприятности. Но куда девать деньги? В России этот вопрос решается однозначно: на наращивание военных мускулов. Тем более что этого требуют геополитические игры, которые мгновенно были вытаснены из нафталина, как только страна чуть приподнялась с колен.

Весьма и весьма значительное количество россиян твердо верят в то, что Россия может существовать только как великая держава. Что это означает, прекрасно сформулировали те персонажи наших произведений, которым за державу обидно: «Россия морду кому хочешь должна набить». И еще: «Нищим быть можно, слабым — никогда». Величие — это наше естественное состояние, только злостные недруги могут отказать нам в праве на него. Чем же измерить величие? Масштабами территории, богатой историей, духом народа, наконец. Это, однако, больше критерии для нации, но не для государства. Сложно в наши дни называться великой державой, будучи на 97-м месте в мире по уровню дохода на душу населения или на 117-м по ожидаемой продолжительности жизни. «Зато» в первой пятёрке по коррупции. Может, думать больше о геоэкономике, чем о геополитике?

О внешней политике

Ее очертания не до конца ясны, размыты, порой намеренно. По мере того, однако, как выходят на поверхность основные блоки нынешнего государственного обустройства, четче видны их проекции вовне. Подтверждается старая истина насчет внешней политики как продолжения внутренней на международной арене. Эту политику вряд ли можно назвать империалистической. Слиш-

ком многого недостает нашей стране, чтобы претендовать на этот статус, даже урезанный. Тем не менее попытки доиграть имперские игры Советского Союза становятся все настойчивее. Они идут по двум основным направлениям.

Первое — претензия на положение независимого полюса силы. Поскольку мощи все же маловато, возникает необходимость рекрутировать новых адептов, в том числе для воссоздания россицентричной системы безопасности. До сегодняшнего дня попытки создать триумvirаты, дуэты или многополярные центры заканчивались унижительными провалами: страны, которым данные проекты предназначались, вежливо их отклонили.

Индия, азиатская страна, справляющаяся с требованиями нового времени, рассматривает Россию как доброго соседа, с которым надо иметь хорошие отношения, но никакие союзы или коалиции создавать явно не намерена. Более податлив Китай, по крайней мере внешне. Но ситуация грозит многими неизвестными. Она, во всяком случае, заслуживает более серьезного анализа, более взвешенной политики, чем то безоглядное сближение, которое осуществляется сейчас. Тем более что основа его просвечивается все яснее — антиамериканизм. Вот тут можно просчитаться по-крупному. Независимый центр силы под китайским зонтиком? Уж лучше тогда брать за образец Индию.

Другое направление имперского рецидива — политика, проводимая на постсоветском пространстве. Несмотря на цепь провалов, правящая элита, играющая на уязвленном национальном самолюбии, по-прежнему вспрыскивает в общество иллюзию, что Россия в состоянии вернуть себе утерянное. Лишь бы нам не мешали, в Средней Азии и на Кавказе — США, на Западе — Европейский союз. А если не вернуть полностью, то хотя бы сохранить прежнее доминирующее влияние. Как и во времена после освобождения от Золотой орды, имперская политика носит защитный характер.

Нет ничего худого в стремлении сохранить или укрепить свои позиции. Но как это сделать, оставаясь все той же малопривлекательной для других Россией? У нас был шанс стать лидером демократических перемен на постсоветском пространстве, мы его упустили. Дальше лозунга либеральной империи, где хотя бы есть один позитивный момент — либеральный, дело не пошло. Мы продолжаем заниматься нашим национальным спортом — усугублением разлада между реальностью, в которой живем, и тем, как ее расцениваем. Причем наши представления о себе постоянно завышены, а заблуждения преподносятся как откровения.

Ситуация близка к отчаянной

Можно ли ее преодолеть? Теоретически да. Практически же речь скорее может пойти об уменьшении ущерба.

Что в плюсе?

Времена другие, и есть шансы на выздоровление, на коррекцию психики, как бы ни пытались ее деформировать. Возьмите революционные технологии в области информации. Они позволяют мгновенно и беспрепятственно распространяться новостям. Перемещению как идей, так и, к слову сказать, денег практически нельзя помешать. Значит, есть возможность — хотя и ее все больше пытаются урезать — составить собственное представление о происходящем.

Еще один шанс — молодежь. Разбить тезис об обреченности страны жить по феодальным законам под силу только молодым. Не потому ли власть уделяет им повышенное внимание? Формируются молодежные организации, способные выполнять якобы патриотические функции: заставить любить «эту» родину. Идет деление на «наших» и «не наших», то есть тех, кого не привлекает «особистость», кто хочет быть частью большого мира, инкорпорироваться в глобальные процессы. Надолго ли хватит пороку ретроgrадам заставлять людей идти против движения?

Мир не тот

Невозможно не видеть, что, какой параметр современной международной действительности ни возьми, любому из них российские империалистические поползновения противопоказаны. Это не просто бесполезная, но вредная и к тому же затратная затея. Но почему же, предвижу возражение, другие ведь позволяют себе?

Американская политика, особенно принудительное насаждение демократии, технологическая, информационная и культурная экспансия вполне подпадает под определение «империалистическая». США не останавливаются перед применением силы, но все же главное их оружие — это, условно говоря, Биг Мак, американский образ жизни. На их стороне колоссальное экономическое и военное превосходство. Тем не менее и потери они несут по полной программе, давая нам веские аргументы в пользу того, что империалистическая политика старомодна и обречена на провал.

Более изощрены европейцы. Европейский союз фактически ведет себя в духе добрых имперских традиций, но практические подходы укладываются в цивилизованные рамки. Если ЕС и может диктовать свои условия государствам, желающим «войти в Европу», то только потому, что они сами туда рвутся. А рвутся потому, что западноевропейские государства добились поистине впечатляющих успехов. Правила же и нормы ЕС, насаждаемые мирным путем, не самые плохие на свете.

Не имея на руках таких карт, какие есть у США или ЕС, лучше не подражать им. Желательно, по крайней мере, войти сначала в свой размер, предложить желающим достойную альтернативу.

Другие же экс-империи смогли...

Еще один момент, дающий надежду на вылечивание имперских фантомных болей, это то, что другие экс-империи смогли перестроиться. В большинстве случаев для этого потребовался пересмотр основ прежней политики. Убедившись, что новые веяния результативны, общественное мнение свыклось с мыслью, что прошлое, сколь бы оно ни было славно, позади. Будущее же отнюдь не хуже.

Отличный пример этого — Великобритания. Не отказываясь от своего прошлого, англичане не столько цеплялись за его обломки, сколько искусно вкрапливали их в новые реалии. В Великобритании сумели перековать гордость за державу, хотя и она, разумеется, остается, в гордость за нацию. Но сделано это было сознательно, в результате продуманной государственной политики.

В России пока этого не видно. Прислушайтесь хотя бы к пиару так называемых государственников. Плоская соль на раны, подлинные или мнимые: «России опять плюнули в лицо», «Россию вновь унизили». Другой пример — пыжиться не по возможностям, угрожать, запугивать. В обоих случаях затрагиваются националистические струны, которые трудно будет урезонить. Не зря, наверное, некоторые специалисты сравнивают ситуацию в России с положением в Веймарской Германии.

Как насчет китайского примера?

А возможно ли даже при отчетливо тоталитарном режиме воздержаться от империалистической политики? При этом кивают на Китай. Но поднимающаяся новая экономическая глыба уже сейчас вызывает серьезные опасения и в Европе, и в США, не говоря уже об азиатском регионе. Посмотрите на Японию, эта практически «европейская» страна в Азии бьет в колокола, предупреждая о китайской опасности. Захват экономических рынков в Европе, США, Азии да и в России ведется китайской машиной с размахом и расчетливостью.

Недавно мне рассказали об одном из тендеров на покупку крупной партии информационного оборудования. Американская цена была, положим, 120 млн долларов, европейская — 100, китайская — ноль: говорят, наверстаем потом, когда войдем на российский рынок.

Пока Запад и Россия будут ссориться между собой и биться с исламским терроризмом, Китай ждет нужного момента. Можно, конечно, утешать себя, как делают некоторые наши китаеведы, что, мол, Китай не совершал экспансии и уже 500 лет не держал своих вооруженных сил за пределами государства². Что у него просто недостаточно сил, чтобы осуществить захваты чужих территорий. Но можно ли сбрасывать со счетов опасность, исходящую от страны, которая живет по традиционной восточной формуле: государство превыше личности? Так что еще вопрос, как решат в Пекине распорядиться своей мощью, когда она достигнет критической массы. В любом случае судьбы целых

поколений «винтиков» уже были принесены в жертву обретению Поднебесной нынешнего величия.

Ну и, конечно же, шансы на постепенное отмирание российского имперского синдрома могут дать экономический рост и социальные улучшения. Правда, и тут приходится делать оговорку: если инициативу и предприимчивость людей не зажмет бюрократическая номенклатура. Как в первые годы после Гражданской войны, когда свирепствовал тиф: либо социализм победит вшей, либо вши победят социализм.

Выводы

Гносеологические корни российского имперского синдрома лежат в сочетании, по крайней мере, трех фундаментальных заблуждений:

- 1) Россией можно управлять лишь авторитарной рукой;
- 2) Россия может существовать лишь как великая, прежде всего в военном отношении, держава;
- 3) угроза целостности и даже самостоятельности России исходит от «могущественных внешних сил», обычно их не называют по имени, но палец обращен на Запад.

Несмотря на всю заглубленность в отечественную почву, синдром этот не был бы столь живуч, если бы не поведение правящего класса. И словом, и делом значительная, если не большая его часть отравляет сознание россиян. Кроме всего прочего, идти по наезженной колее легче, чем искать новые решения актуальных проблем. Как говорил не часто цитируемый по нынешним временам классик, Владимир Ульянов-Ленин, корень вопроса во власти.

Не уподобиться бы нам в итоге динозавру, маленькая голова которого не справлялась с огромным, неповоротливым телом. Когда хищники начинали грызть хвост животного, сигнал приходил с таким опозданием, что голова поворачивалась, когда от хвоста уже ничего не оставалось. Что же делать? Либо менять голову, либо смириться с гибелью, либо эволюционировать. Общественные законы непоколебимы, как и естественные.

Так что, несмотря ни на что, *cum spiro spero*.

Уже почти половина населения, согласно опросам, считает, что страна идет не туда. Слишком бьют в глаза наши ежедневные реальности, чтобы не обращать на них внимания. А правильное понимание — это уже полдела.

Примечания

¹ С этой точки зрения, как показывают цифры (разрыв между самыми богатыми и самыми бедными — в 60 раз), Россия типично латиноамериканская страна со всеми ее прелестями.

² Китайские добровольцы в Корею — это мелочь, должно быть.

А. Пионтковский,
ведущий научный сотрудник Института системного анализа РАН,
член Русского ПЕН-центра

ИМПЕРСКАЯ ЭЛИТА И ИМПЕРСКИЙ НАРОД. ТРИ ВЕКА ХОЖДЕНИЯ В ЕВРОПУ

1

После падения Франции Англия оказалась один на один с нацистской Германией. «I have nothing to offer but blood, toil, tears and sweat» («Я могу обещать Вам только лишения, кровь, пот и слезы») — с этими словами только что назначенный премьер-министром Великобритании У. Черчилль обратился к английскому народу.

Возможно, именно эти слова из знаменитой речи Черчилля всплыли в сознании анонимного путинского спичрайтера, когда он лудил следующий пассаж президентского послания 2004 года: «На всем протяжении нашей истории Россия и ее граждане совершали и совершают поистине исторический подвиг. Удержание государства на обширном пространстве, сохранение уникального сообщества народов при сильных позициях страны в мире — это не только огромный труд. Это еще и огромные жертвы, лишения нашего народа. Именно таков тысячелетний исторический путь России. Таков способ воспроизводства ее как сильной страны. И мы не имеем права забывать об этом».

Очень многих наших профессиональных «державников», например А. Дугина, этот действительно очень показательный абзац послания настолько воодушевил, что они услышали в нем судьбоносный глас державнической трубы, некий тайный знак загадочного Путина-Штирлица своим сторонникам, которых он поведет во главе «нашей революции, Консервативной революции, Национальной революции» к «возрождению имперского мирового величия Отечества».

Если У. Черчилль обещал своему народу в тяжелейший час его истории кровь, пот и слезы на годы войны с Германией, то В. Путин или его спичрайтер обещали русскому народу «огромные жертвы и лишения» на все времена — тысячелетие назад и тысячелетие вперед. Более того, согласно этой абсурдной философии исторического мазохизма вся русская история погружается в некий вечный порочный круг. Народ совершает подвиги, несет огромные жертвы и лишения для того, чтобы сохранить пространство, поддержание которого требует новых подвигов, жертв и лишений. Пространство, пожирающее историческое Время. Новая концепция четырехмерного пространства-времени. Путин как Эйнштейн сегодня.

Впрочем, эта сказочка о народе-богоносце, единственное предназначение которого совершать подвиги и нести огромные жертвы и лишения, вовсе не оригинальна. Это вечная песня российской элиты, обращенная к русскому народу: «Вы там совершайте подвиги, приносите огромные жертвы и терпите лишения, а мы здесь будем руководить великой державой и обширным пространством». Так сладко было рассуждать об особом русском пути с огромными жертвами и лишениями, а еще о соборности и духовности и в уютных дворянских усадьбах, и в цековских санаториях, и в сегодняшних дворцах на Рублевском и Успенском. Это отношение к своему народу как к богоносному быдлу, как к колониальному народу, как к сырью для имперских экзерсисов элиты привело и к катастрофе 1917-го, и к катастрофе 1991-го. Приведет и к третьей, если как никогда сытая и безответственная элита не откажется от своей многовековой установки на жертвы и лишения призванного совершать подвиги народа.

Слишком долго в рамках этой модели Русское Пространство пожирало Русское Время, сохраняя себя. Но, видимо, исчерпались какие-то отпущенные ресурсы и наступает стадия исторического коллапса — Пространство начинает пожирать самое себя, схлопываясь в черную дыру.

Русские правители, порхающие из одной отстроенной резиденции с джакузи в другую и продолжающие призывать к жертвам и лишениям, похоже, не заметили этого фазового перехода. Пятнадцать лет назад мы потеряли половину Пространства во многом именно из-за семидесятилетней установки на подвиги, жертвы и лишения, которая уже никого не привлекала и никого больше не обманывала. Скорее всего, в ближайшие 10–15 лет мы потеряем Дальний Восток и Сибирь в результате ползучей китайской демографической экспансии, и никакие жертвы, лишения и подвиги этого не остановят. Как раз наоборот. Именно «благодаря» навязанным им жертвам и лишениям люди оттуда уезжают, оставляя эти территории, или просто умирают раньше времени. И новых бабы уже не нарожают. Удержать Русское Пространство в наше время можно только одним способом — позаботившись о человеческих, комфортных условиях жизни там как можно большего количества русских людей.

Будем надеяться, что пассаж о подвигах и жертвах, вызвавший такой энтузиазм у части нашей «элиты», всего лишь неудачный риторический ход неизвестного спичрайтера, не к месту вспомнившего речь Черчилля. А если это сознательная политическая, мировоззренческая позиция президента, то ему суждено председательствовать при заключительной стадии распада российского государства, а точнее, ее третьей имперской ипостаси.

Впрочем, то, что русского правителя сегодня зовут Путин Владимир Владимирович, — обстоятельство довольно случайное. Если бы не бешеная энергия Б. Березовского, его вполне могли бы звать, например, Юрий Михайлович или Евгений Максимович. Гораздо важнее, что он воспринимает себя носителем

важнейшей исторической миссии — модернизации России, которая позволит нашей стране стать вровень с передовыми государствами и догнать не только Португалию, но, может быть, чем черт не шутит, даже гораздо более благополучный Люксембург.

2

Вот уже несколько столетий в русской истории, как в дурной бесконечности, повторяется один и тот же сюжет. Вновь и вновь появляется царь-модернизатор, который заявляет *urbi et orbi*: «Мы отстали от передовых стран Запада на 50 лет, если мы не пройдем этот путь лет за 10–15, нас сомнут». Неважно, кому принадлежат именно эти слова, может, Петру Алексеевичу или Иосифу Виссарионовичу. Поднимая всю страну на дыбы, а всех сомневающихся в его мудрости — на дыбу, модернизатор бросается в мобилизационный прорыв и, как правило, решает некую локальную задачу. Ценой огромных жертв он догоняет вечно притягательный и вечно ненавидимый нами Запад то по количеству пушек и фрегатов, то «по чугуну и стали на душу населения в стране». И это вовсе не бессмысленные вещи. Они позволяют нам победить шведов под Полтавой, немцев в Сталинграде, войти в Париж и несколько раз в Берлин и первыми выйти в космос. Но почему-то каждый раз после очередного мобилизационного триумфа очередного модернизатора Россия снова оказывается у разбитого корыта. Появляется новый правитель, который вынужден снова повторять ту же жвачку: «Мы отстали, мы должны, Португалия, удвоить, иначе нас и т.д.». Видимо, какая-то системная ошибка закралась в дерзкие проекты наших модернизационных рывков. Что-то в природе Запада, ускользающее от понимания наших модернизаторов, позволяет ему снова оставлять нас позади с горами чугуна, стали, гниющих ракет и подлодок и грезами о Третьем Риме и особом пути, секретный план которого хранится в особом отделе.

Когда молодой император Петр Алексеевич оказался в Амстердаме, он был покорен и очарован Европой. Ему нравилось все — великолепные верфи, чисто вымытые мостовые, восхитительные шоколадницы. Естественно, царю-реформатору захотелось все это немедленно перенести в Россию. Но так, чтобы и головы стрельцам продолжать рубить самолично, и после ассамблеи, кофию попив, спустаться в подвал немножко размяться, попытаться на дыбе наследника на предмет несанкционированных связей с иностранцами.

Прошло триста лет, и в Дрезден приехал молодой советский офицер КГБ, преданный и убежденный солдат партии и ее вооруженного отряда. Дрезден, правда, к тому времени благодаря успехам российских модернизаторов был уже не совсем Западом, но все еще достаточно Западом, чтобы стать футурошомком для шпиона, который пришел с Востока. Если Петра, с детства увлекавшегося флотом, более всего поразили верфи, то Владимира перепало немецкое

пиво, которому посвящены единственные яркие и эмоционально насыщенные страницы довольно скучного повествования «Разговоры с Владимиром Путиным». Видимо, потягивая этот искусительный неистребимо буржуазный напиток, молодой офицер пришел к важным мировоззренческим выводам об экономической обреченности советской коммунистической системы.

Поэтому ставший президентом В. Путин совершенно искренне хочет построить в России процветающее рыночное общество, «как у них на Западе». Но так, чтобы были и управляемая В. Сурковым «демократия», и заточенная И. Сечиным административная фаллическая вертикаль, и диктатура закона с человеческим лицом В. Устинова. (Текст был написан, когда В. Устинов был генеральным прокурором РФ. — *Ред.*) И чтобы несогласных олигархов в подвалы сажать, откуда они покаянные письма будут писать: «Коба, зачем тебе нужна моя смерть?» А согласные будут яйца десятками носить. А либеральные министры — вставать навывтяжку и изображать шутов гороховых на потеху телевизионной публике. А губернаторы — позиционировать себя верными домашними животными. С губернаторами это уже не back in USSR. Это уже back in 1580. «Пес я твой смердящий, государь» — вот новомодная политическая философия современной российской «элиты» от Чуба до Чубайса.

В этом, видимо, и заключается системная ошибка наших августейших модернизаторов, которая повторяется из столетия в столетие. Очарованные плодами Запада и жадно желающие ими овладеть, наши скифские правители с высокомерным презрением отвергают корни западной цивилизации, ее воздух, ненавистный им воздух Свободы и Человеческого Достоинства. Поэтому и будет у нас Путин Навсегда, какую бы фамилию он ни носил в следующей каденции.

3

Но вернемся к первому русскому императору, который носил фамилию Романов, тому самому, который «в Европу прорубил окно». Дело в том, что не окно он прорубил, а открыл узкую щелочку, в которую пролезла головка «российской политической элиты». И с того времени у нас образовалось два разных народа. В русском языке они назывались «барин» и «мужик». Во всех других странах была своя социальная градация, но нигде этот разрыв между «барином» и «мужиком» не носил такого фундаментального характера. Это не классовый, это культурологический, я бы сказал антропологический, раскол, это именно два народа, которые просто не понимали друг друга. Что в русской барской литературе было написано о мужике? Какой-то нелепый образ Платона Каратаева в «Войне и мире». До тех пор пока в XX веке мужик сам не заговорил языком Есенина и Платонова, эта подавляющая часть народа была просто безъязыкой.

Вот этот колоссальный раскол и стал исторической трагедией России. Все ее имперские институты, включая Церковь, в этом конфликте, в представле-

нии мужика, всегда были на стороне барина. Именно поэтому и позволили большевикам распинать на штыках генералов и сбрасывать кресты. Это трехвеховое напряжение не могло не взорваться, и гибель первой империи в огне революции 1917 года была исторически закономерной. Другое дело, что руководство революцией было перехвачено довольно узкой группой людей, которые не были лидерами этого, по существу, мужицкого бунта. Они просто использовали его взрывную энергию. В энергию распада Российской империи внесли свой вклад и многие ее этнические группы, считавшие себя ущемленными.

Но дело не в том, что руководство большевиков было, скажем так, весьма интернациональным. И для русского Бухарина, и для еврея Троцкого, и для грузина Сталина, и для лица неопределенной национальности Ленина громадное большинство русского народа — 90-процентное крестьянство — было одинаково антропологически враждебным. Не в силу их национальной принадлежности, а в силу их марксистской догмы, потому что русское крестьянство просто не влезало в марксистские уравнения.

Мы изучаем революцию 1917 года только по «красным» или только по «белым» учебникам. И поэтому она еще не изучена. Парадокс в том, что энергия раскола между бариним и мужиком была использована группой, которая метафизически была еще более враждебна мужику, чем барин. Почему эти люди в тужурках, во френчах, в пенсне, которые, казалось бы, культурно, цивилизационно были намного более чужими русскому мужику, чем его деревенский батюшка, почему они победили? Потому что русский мужик не простил барину того, что творилось три столетия.

Та же парадигма разрыва между элитой и народом сохранилась в других ипостасях российского государства. Большевики использовали энергию протеста, порожденную несправедливостью раскола начала XVIII века, но они установили ту же систему. Коммунистическая номенклатура была так же далека от народа, как дворянство. Крестьянам только в начале 1960-х дали паспорта, они были теми же рабами. Иными словами, была воспроизведена вся та же система громадного разрыва между элитой и народом, на который власть смотрела как на резервуар бесправных рабов для осуществления каких-то своих больших имперских, идеологических целей.

Говоря о гражданской войне, мы почему-то забываем ее второй этап, еще более жестокий и кровавый — коллективизацию. Это вообще уникальное в мировой истории явление. Это была война новой коммунистической элиты против абсолютно безоружного народа. Если у Гражданской войны 1917—1920 годов была какая-то динамика, то 10-миллионное жертвоприношение коллективизации было чисто идеологизированным и почти мистическим. Древние ацтеки, как известно, брали пленных просто для того, чтобы использовать их для жертвоприношения. Так же русское крестьянство в процессе коллективизации

было без всякой видимой цели просто ритуально принесено в жертву марксистским догмам.

4

Сменилась, наконец, и коммунистическая диктатура. Нет уже никаких красных и белых, но все та же парадигма громадного разрыва между элитой и народом воссоздается на новой почве. Скорее экономической, чем административной или сословной, но она опять вызывает то же огромное напряжение. Москва — это европейский мегаполис, Амстердам, Вена. А отъехать на 50 километров... Тот же раскол, который был создан Петром, большевиками, повторяется вновь. И этот раскол по-прежнему фундаментален.

Один из популярных политических мифов сегодня — борьба двух идеологических течений в окружении Путина — так называемых либералов и силовиков. Нет там никакой борьбы! В высшей российской элите царит полное морально-политическое единство. Кто такие либералы? Это те же Кудрин, Греф, Чубайс, люди, всегда мечтавшие о российском Пиночете, который поведет Россию железной рукой к реформам, и поэтому они вполне удовлетворены авторитарным характером нашей власти. А кто такие силовики или чекисты? Они что, выступают против священного принципа частной собственности? Ни в коем случае. Может быть, только против чужой частной собственности. Это очень обеспеченные люди, и все их трения последнего времени с классическими ельцинскими олигархами — это просто бунт долларовых миллионеров против долларовых миллиардеров. Чубайсисты и Чекисты, сплотившись вокруг любимого руководителя, вместе поддерживают и реализуют модель авторитарной модернизации, которая совершенно бесперспективна для решения стратегических задач России, — модель ЧуЧе. Что не исключает, конечно, персональных и клановых схваток за «контроль над финансовыми потоками».

В целом ЧуЧе реализует золотую мечту советской партийно-гебистской номенклатуры, которая и задумала перестройку в середине 1980-х годов. Чего она достигла в результате 20-летнего цикла? Полной концентрации политической власти, такой же, как и раньше, громадных личных состояний, которые тогда им были недоступны, и совершенно другого стиля жизни (кто в Куршевеле, кто на Сардинии). И самое главное — они избавились от какой-либо социальной ответственности. Теперь им уже не нужно повторять: «Цель нашей жизни — счастье простых людей». Их уже тогда тошнило от этого лицемерия. Теперь они будут говорить, что цель их жизни — это «продолжение рыночных реформ», и проводить эти «реформы» с абсолютной социальной беспощадностью.

Десятки приближенных к власти работников сферы политологического обслуживания воспевают модные идеи контролируемой, управляемой, патронируемой демократии, просвещенного авторитаризма, укрепления «вертикали

власти», борьбы с «антигосударственными средствами массовой информации», диктатуры закона. Зачем проводится такая массированная идеологическая подготовка к установлению в стране единомыслия и режима личной власти? Зачем дюжины генералов продвигаются на посты губернаторов, заместителей, спецпредставителей? Где тот противник, для подавления которого создается такой громоздкий идеологический и полицейский репрессивный аппарат? Олигархи? Они присягнули режиму на верность, судорожно сдают яйца и вкладываются в горнолыжные курорты и морские президентские резиденции. Миллионы простых людей, проигравшие в ходе реформ? Они разочарованы, апатичны и смирились со своим полунищенским существованием. Интеллектуалы, публично не скрывающие своего эстетического неприятия нового режима и его вождей? Их осталось всего несколько десятков человек, которых легко можно запугать или выслать.

Разгадку можно найти на кремлевских сайтах. Там придворные маги давно уже рассуждают в своем кругу о том, закончены ли, наконец, «построение административной вертикали» и «зачистка информационного поля». Теперь можно будет приступить к реализации предусмотренных программой Г. Грефа «непопулярных мер» (отмена субсидий на жилье, образование, медицину, выселение неплательщиков в «социальные гетто», массовое банкротство неэффективных предприятий, добровольно-принудительное повышение пенсионного возраста до 65 лет и т.д.), не опасаясь социального взрыва. Его не будет на телеэкране, а значит не будет вообще. «Непопулярные меры» двадцатый (!) год реформ подряд обещает народу политический класс России, реализовавший за эти 20 лет очень популярные в своем узком кругу меры по личному обогащению.

Логика модернизационного прорыва второго путинского срока подробно объясняется либерально-силовыми идеологами и министрами. Отказ от значительной части социальных статей бюджета позволит резко снизить налоги. Раскрепощенный бизнес ответит на просвещенные и либеральные макроэкономические сигналы бурным расцветом и созданием новых рабочих мест. Лишенные социальных пособий бедные ударным трудом на этих новых рабочих местах заработают больше, чем они потеряли в результате непопулярных мер. Надо просто немножко потерпеть, и светлое будущее совсем не за горами. Так во всяком случае написано в западных учебниках по Economics. И так действительно происходит в развитых и даже в некоторых развивающихся экономиках, про которые и написаны эти учебники. Наш же мятущийся между Куршевелем и Лефортово и раздавленный рэкетом им же коррумпированной бюрократии бизнес не среагирует на классические макроэкономические сигналы.

Российская власть в который раз за последние столетия попытается совершить «мобилизационный рывок» за счет сверхлишений своего народа, хлыс-

том загоняя его в светлое будущее. Все продумали кремлевские технологи и новые державники. Только вот загнанная и послушная лошаденка с вываливающими ребрами может на этот раз и не вытянуть.

5

Публицист-веховец Гершензон произнес в начале XX века фразу, которую зацитировали за последнее сто лет: «Мы должны благословлять эту власть, которая своими штыками и тюрьмами защищает нас от ярости народной». Я бы назвал сегодняшних кремлевских чревоушителей «детьми Гершензона». Они обращаются к нам примерно с тем же текстом: «*Вы* должны благословлять *нашу* власть, которая защищает *нас* от ярости народной».

Сакральность фигуры первого лица является важнейшим элементом существующей системы власти. Вся ее конструкция повисла на тоненькой ниточке путинского мифа. И что же мы видим? В операции с «Юганскнефтегазом» Путин лично, по справедливому определению его помощника по экономике, вел себя как наперсточник, крышуя неуставленным следствием «физических лиц, давно работающих в области энергетики», которые украли актив стоимостью 8 миллиардов долларов. На Украине, наоборот, Путин вел себя как лох, разыгрываемый кремлевскими наперсточными политтехнологами, которые обдывали на Украине свои маленькие гешефтики, выдавая их за геополитические государственные интересы России. Подобные упражнения неминуемо ведут к полному падению авторитета первого лица.

Власть видит эти процессы и не скрывает того, что собирается делать. Ответ можно получить, расшифровывая те же самые чревоушания Павловского. Он все время говорит о каких-то ста петушиных словах, с которыми Путин «обратится к народу и сметет ими с доски все политические фигуры». Эти сто слов, конечно, уже написаны и лежат в аккуратной красной папочке. Так же, как в другой красной папочке задолго до Беслана лежали подготовленные законопроекты по назначению губернаторов и выборам в Думу. Будут сказаны те слова, которые мы и так уже слышим: «осажденная крепость», «Запад за спиной террористов», «пятая колонна», «олигархи, ограбившие народ», «сионисты в окружении Ющенко» и т.д.

Момент, когда это будет сделано, тоже можно более-менее точно предсказать. История путинского режима неразрывно связана с историей массового террора в России. Этот режим был зачат Б. Березовским во времена похода Басева в Дагестан и взрывов в Москве. Он вырос на дрожжах и укреплял свою пресловутую вертикаль после «Норд-Оста» и Беслана. Думаю, что и сейчас, когда он оказался в очень сложном положении, для своего спасения он использует примерно те же инструменты. И безуспешно. Лицемерные сто слов к народу бригадира чекистских олигархов, зовущих страну огромную на смертный

бой с олигархами и их прислужниками, скорее всего, будут достаточно сочувственно услышаны большинством народа, а некой его активной частью — с энтузиазмом восприняты как руководство к действию.

Потому что мы живем в контексте двойного отчуждения, двойной пропасти — не только полной дискредитации власти в глазах политического класса, но и полной дискредитации политического класса в глазах народа в результате реформ последних 15 лет. Собственно говоря, мы оказались в той же трагической ситуации, о которой говорил Гершензон около века назад. И в этом смысле мы все «дети Гершензона». Последние сто лет русской истории мы прошли по кругу, вернувшись в ту же точку конца гибели империи.

6

Впрочем, похоже, что для первого лица империя уже погибла. Кажется, что только после украинских событий, с пятнадцатилетним опозданием эта мысль проникла наконец вглубь его политического подсознания. Россия не будет «доминировать» на постсоветском пространстве и не восстановит там никакой «империи», как это грезится нашей политической «элите». И не потому, что на этом пространстве появляются новые игроки, обладающие значительно большими экономическими, информационными, военными ресурсами. В создании империй ресурсы не самое главное. Россия уже теряла империю в 1917 году. Через три года она вышла из Гражданской войны разрушенной и обессиленной страной. На Кавказе и в Средней Азии ей противостояла традиционно стремившая в эти регионы Великобритания, владычица морей, победительница в Первой мировой войне. В течение нескольких месяцев почти без видимых усилий большевики восстановили Российскую империю, как бы даже и не заметив присутствия Великобритании.

Как же произошло это чудо и почему оно не произойдет сегодня? Да потому, что голодранцы 11-й армии несли на своих штыках народам бывшей Российской империи вдохновляющую коммунистическую идею социальной справедливости и освобождения угнетенных трудящихся Востока. Неважно, что идея оказалась ложной, а ее реализация — преступной. Это выяснилось позднее. А тогда она увлекала миллионы людей независимо от их национальности и не просто была квазирелигиозной идеей, а играла роль самой настоящей новой религии. Прав был А. Амальрик, еще в 1960 году с математической точностью предсказавший распад Советского Союза: «Как принятие христианства продлило на 300 лет существование Римской империи, так и принятие коммунизма продлило на несколько десятилетий существование Российской империи».

СССР мог распасться немного раньше, немного позже, по тому или по другому сценарию (например, югославскому), но когда коммунистическая религия умерла в душах сначала жрецов, а потом и прихожан, советская теократи-

ческая империя была обречена. А что сегодня российская элита может предложить своим бывшим соседям по коммунальной квартире? Ничего, кроме помпезных разговоров о своем величии, своей исторической миссии, о мессианском имперском предназначении русского этноса и т.д. Вороватая и бездарная, надменная и трусливая, российская политическая элита никогда не будет доминировать на постсоветском пространстве. Просто потому, что никому она там не нужна. Именно поэтому В. Путину определенно не нравится та страна, в которой Б.А. Березовский поставил его смотрящим, сам удрав в Лондон.

Многие, если не все политические новации и филологические изыски березовопомазанника говорят, что психологически он полностью там — в золотом веке СССР. Как Ленин не любил Россию за то, что она не Германия и в ней трудно строить социализм, так и Путин не любит Россию за то, что она уже не империя. Не пойдет он ни на какой третий срок. Совсем плох стал гарант безопасности кремлевских сортиров. То у него ющенкоовские сионисты кровавые в глазах, то французику грозит что-то отрезать, да так, чтобы больше ничего не выросло, то чухонку вдруг, изгаляясь, передразнивает. Все чаще срываясь, все больше начинает походить на городского сумасшедшего Европы. Опостылело ему все, но опричники питерские, совсем ошалевшие от крышевания мебельных магазинов и распиливания нефтяных компаний, отпускать не хотят.

Политтехнолог одесский, в Киеве профессионально обанкротившийся, все расстреливать призывает и политическую доску перетряхивать. Пустое все это. Поздно. Крупнейшая геополитическая катастрофа века уже состоялась — дрезденская резидентура закрылась. А как сладко было, занимаясь там делами огромной государственной важности, ощущать себя заточенным универсальным солдатиком Великой Империи. Ну и что из того, что наградили только медалькой Штази 3-й степени? Зато вечерами в уютной дрезденской квартирке так приятно было потягивать искусительное немецкое пиво, переживая не только сопричастность к сакральным тайнам мировой геополитики, но и волнительную приобщенность к атрибутам скромного обаяния мировой буржуазии.

Он был рожден неудачником — троечник из бедной пролетарской семьи, выросший в коммунальной квартире. Две истории любит рассказывать президент РФ своим коллегам и иностранным журналистам. Одна о крестике — ну это так, заученная для вербовки полезных буржуазных идиотов легенда. Вторая намного серьезней, там Фрейд с Юнгом отдыхают. Это история о загнанной маленьким Вовочкой в угол крысе, которая бросилась на него. С этой крысой, судя по частотности возвращения к теме, навсегда, видимо, сохранилась какая-то глубинная нелокальная квантово-механическая связь, оказавшая решающее влияние на мировоззрение будущего политика.

Но до политики тогда было еще очень далеко. «Я был настоящей питерской шпаной», — сказал как-то В. Путин. В это охотно верится. Но какая-то невиди-

мая сила выбрала его из этого мутного страта и, не обещая лондонских и сингапурских карьер (туда отбирались люди совсем другого социального происхождения), довела сначала до юрфака ЛГУ, а потом и до дрезденской квартир-ки. И никакие чудом обрушившиеся на него через 15 лет дворцы, резиденции, виллы друга Сильвио, «Филипп Патеки», «Юганскнефтегазы», распиленные вместе с «хорошо ему известными физическими лицами, давно работающими в области энергетики», никогда не заменят ему того ощущения могущества, блеска, полноты бытия, служения высокой идее, которое он испытывал, вербуя дрезденских бомжей и наркоманов.

У него была Великая Эпоха. Закрытие дрезденской резидентуры стало не только «крупнейшей геополитической катастрофой века», но и личной трагедией чекистского Акакия Акакиевича. Злые люди отняли у него мягкую и теплую шинель покроя Феликса Дзержинского. А потом еще зачем-то усадили на трон в чужой, незнакомой и неустроенной (никакого Ordnung'a, никакой вертикали, никакого имперского величия) стране. Ему зябко и неудобно на колченогом троне. Ужасно хочется уйти, а у кого отпроситься, не знает. Связь с центром давно утеряна. Он пытался ее восстановить на другом уровне. Бил поклоны, ставил свечки, окружал себя номенклатурными попами. Но попы побаиваются его. Слишком узнаваем этот прищур холодных рыбьих глаз. Слишком хорошо все эти арамисы и аметисы помнят своих первых кураторов.

Президент не любит Россию. И, главное, не верит в нее. В последнее время он все чаще демонстративно изменяет ей с трупом Советского Союза. Может быть, она, убогая, и удвоит ВВП и даже когда-нибудь приблизится к уровню занюханной Португалии. Но у нее никогда уже не будет дрезденской резидентуры – этого Эдема путинской юности, несокрушимого форпоста Великой Империи. А любить Отчизну странной лермонтовской любовью такие не умеют. Не получится у него ничего с этой страной. И не полюбит он ее никогда.

Н. Тихонова,

*завкафедрой социально-экономических систем и социальной политики
факультета экономики ГУ — ВШЭ, доктор социологических наук, профессор*

ПОСТИМПЕРСКИЙ СИНДРОМ ИЛИ ПОИСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ?

В 2005 году Россия тихо и незаметно отметила годовщину первой русской революции, продемонстрировавшей кризис Российской империи, приведший сначала к краху российской монархии, а затем, спустя три четверти века, и к краху пришедшего ей на смену Советского Союза. В процессе этих поистине тектонических преобразований социальные, экономические, националь-

ные и многие другие противоречия, раздиравшие на части Российскую империю, сплелись между собой настолько, что теперь уже сложно понять, что же в первую очередь лежало в основе всех российских революций (включая и революцию 1991–1993 годов): конфликт социальных классов или же конфликт между национально-территориальными образованиями в двух этих колоссах — Российской империи и СССР. Во всяком случае, как Октябрьская революция 1917 года привела к обретению самостоятельности Польшей, Финляндией, Латвией и т.д., то есть распаду Российской империи, так и события 1991 года привели к распаду СССР и возникновению на его месте ряда суверенных государств.

Такое совпадение вряд ли можно считать случайным. Оно, несомненно, свидетельствует о теснейшей связи наиболее серьезных экономических и политических противоречий в истории России с проблемой ее государственного устройства, причем такой связи, когда характер государственного устройства страны оценивается ее населением через призму критериев не только эффективности и целесообразности, но и справедливости и нравственной легитимности. Не случайно ученые не нашли еще формулу или определение, адекватно оценивающие события 1917–1921 или 1991–1993 годов. И как в первом случае явным упрощением является характеристика одного из ярчайших событий XX века, оказавшего влияние на весь ход мировой истории, только как большевистского переворота, так и во втором случае речь явно идет отнюдь не только о «бунте» национальных элит в их стремлении к власти.

То, как проходил распад СССР, является для любого очевидца этого процесса безусловным свидетельством закономерности конца нежизнеспособного более гиганта, даже если этот конец и оказался для десятков миллионов людей (и автора данной статьи в их числе) абсолютно неожиданным. Столь масштабные события, совершающиеся в результате многолетней борьбы различных сил за власть, не бывают случайными, или, точнее, случайны они лишь в том понимании случайности, о котором говорил еще Гегель: как проявления необходимости именно в данной, а не в какой-либо иной форме.

Я говорю об этом отнюдь не для того, чтобы попытаться предложить свое объяснение истории России на протяжении последнего столетия. Думаю, что тема эта настолько болезненна и политически остра, что долго еще будет скорее объектом политических спекуляций, чем собственно научного анализа. Но мне хотелось бы напомнить, как неразрывно сплетаются в истории России экономические, политические, социальные, национальные, культурные и другие противоречия, чтобы предостеречь от попыток рассматривать распад Советского Союза только или даже преимущественно через призму проблематики «краха империи». Ведь если это и была империя, то какая-то странная — без метрополии¹, если только не рассматривать в качестве метрополии не Россию

в целом, а ее столицу. Но в последнем случае империя в 1991 году не исчезла — она просто сократилась в размерах, и проблема ее будущего продолжает оставаться под вопросом, отнюдь не сводясь к переходу от империи к гражданской нации.

И дело не только в том, что национально-государственное устройство России по сути своей не изменилось и не вполне понятно, почему гражданская нация сможет теперь сформироваться из русских, татар, дагестанцев, якутов и т.д., если она не смогла сформироваться из русских, украинцев, белорусов, казахов и т.д. Главное, что заставляет меня сомневаться в подобной интерпретации происходящего, это то, что *гражданская нация может сформироваться только в обществе, прошедшем этап модернизации*. Россия же этап социокультурной и политической модернизации не только не прошла, но лишь начинает двигаться по этому пути. Во всяком случае, в этом меня убеждают все данные исследований динамики и состояния общественного сознания в России, которые проводились нами за последние 10 лет².

Если же подойти к проблеме распада СССР с позиций модернизационной парадигмы, то распад сообщества, различные системные элементы которого (в нашем случае — бывшие союзные республики) различались как особенностями переживаемого ими этапа модернизации, так и ее обозримыми перспективами, представляется скорее «сбрасыванием с России оков и пут», нежели утратой ею части своего могущества. Без Средней Азии и Кавказа Россия явно теряет в геополитическом смысле, но так же явно выигрывает в смысле возможностей и темпов политической и социокультурной модернизации, хотя на автоматическую реализацию этих преимуществ рассчитывать не приходится.

Сразу оговорюсь при этом, учитывая многообразие существующих трактовок процесса модернизации, что я не рассматриваю модернизацию как безусловное благо — как всякое социальное явление или процесс, она имеет и плюсы, и минусы. Тем более не вызывает у меня сомнений неприемлемость отождествления модернизации и «американизации», и я согласна с неомодернистским подходом к этой проблеме, допускающим множественность форм и путей модернизации. Таким образом, к проблеме модернизации я подхожу скорее в рамках социетального подхода, рассматривающего общество как органическую целостность, претерпевающую в своем развитии качественные изменения и проходящую различные этапы своего развития, а не классической концепции модернизации, неразрывно связанной с американской социологией. Тем не менее сама по себе необходимость скорейшего завершения Россией процесса модернизации, начатой еще в период индустриализации и культурной революции в прошлом веке, не вызывает у меня сомнений.

В рамках модернизационного подхода то, что зачастую представляется проявлением постимперского синдрома, приобретает совершенно иной смысл.

Так, для рядовых россиян их ностальгия по прошлому, о которой сегодня много говорят, оказывается отнюдь не грезами об утраченном величии империи, а поисками своей национальной³ идентичности в качественно новых исторических условиях, что я и постараюсь показать на конкретных эмпирических данных.

Что же касается элит, то здесь вопрос гораздо сложнее. Несомненно, для части элит, связанных с ВПК и силовыми структурами, постимперский синдром действительно существует, но скорее как рационализация их объективных экономических интересов, нежели как чисто идеологическое образование. Впрочем, с этой частью элит все обстоит как раз довольно просто и понятно.

Сложнее с теми, для кого попытки привычными способами восстановить в значительной степени утраченное ныне величие России прикрывают нежелание менять сам тип сложившейся в ней веками модели взаимоотношений общества, личности и государства, уже не отвечающий с точки зрения обеспечения интересов конкурентоспособности страны реальностям сегодняшнего дня. Для этой части элит проимперские настроения, какими бы патриотическими лозунгами они ни прикрывались, скрывают, по моему убеждению, лишь попытки сохранить подольше ту модель общества, которую еще Карл Маркс называл азиатским способом производства (не случайно эта часть его взглядов была под строжайшим табу в советские времена), а многие современные ученые характеризуют как этакратическую модель развития общества⁴. Будучи в основе своей достаточно архаической моделью, она неизбежно предполагает и поиск внешнего врага как основу для консолидации («против кого дружим?»), и идею территориальной экспансии, и следование лозунгу «Кто не с нами, тот против нас», и многое другое, что выглядит как проявление имперских амбиций, являясь по сути своей лишь следствием неумения управлять страной в условиях глобализирующегося мира, сохранять консолидацию общества и собственную власть более современными методами.

Сразу хотела бы оговориться, чтобы не быть неправильно понятой. Будучи патриотом своей страны, я убеждена, что у России есть собственные интересы на международной арене, которые действительно могут вызывать сопротивление у многих других стран, но это нормально и относится не только к России. И на ее природные ресурсы, способные приносить колоссальные дивиденды, действительно масса претендентов во всем мире, но этого не стоит бояться, и при грамотном использовании этих стремлений из них можно извлечь немалую пользу для страны. И российские военные базы действительно вызывают раздражение у многих, особенно в определенных кругах США, причем Соединенные Штаты, хоть о них как о империи пока мало кто говорит, идею «великодержавности» и протаскивания своих интересов на международной арене проводят, защищая свои интересы, куда как активнее и, к сожалению, успеш-

нее России. Очень неплохо, кстати говоря, было бы поучиться российским «государственникам» у США тому, как надо биться за интересы каждого своего гражданина, оказавшегося за рубежом, или за интересы национального бизнеса. Психологически «разоружаться» в этих условиях и следовать дурному примеру М. Горбачева, хоть и из лучших побуждений, но полностью проигнорировавшего во имя «общечеловеческих интересов» интересы собственной страны и «сдавшего без боя» все, что можно и нельзя было сдавать, не просто нерационально, но и наивно, а политика наивности не прощает.

Однако бороться за интересы своей страны в сегодняшнем мире надо несколько иначе, чем это делали в XIX веке и пытаются делать сейчас некоторые политики. Грамотное законодательство, налоговая политика, разумная мера протекционизма в экономике и так далее могут быть гораздо эффективнее, чем поиск врага, прямые запреты для зарубежного бизнеса определенных видов деятельности, попытки навязать соседним странам определенную линию поведения. Силловые методы ведения внешней или экономической политики, даже если они не являются насильственными, не просто неэффективны в современном мире — они могут нанести любой стране, и уже наносят сегодняшней России, огромный вред. Однако, поскольку в основе этих действий зачастую лежит не патриотизм, пусть даже неправильно понятый, а тривиальная борьба за власть и неумение сохранить ее более гибкими методами, то эти имперские амбиции без империи будут, видимо, еще долго прикрывать политическую беспомощность значительной части нашей элиты. И авторитаризм или так называемая управляемая демократия во внутренней политике (пусть даже действительно востребованные обществом, так как к другой модели отношений оказалось не готово ни общество, ни элита), и так называемая активная внешняя политика, реальная слабость концепции которой уже не раз была продемонстрирована в последние годы (достаточно вспомнить активное, хотя и неофициальное, вмешательство России в президентские выборы на Украине), — две стороны одной медали, только проблема здесь не в имперских амбициях, а в незавершенности модернизации, прежде всего социокультурной модернизации, отставшей в России от экономической на десятилетия.

Эта взаимосвязь еще заметнее в рамках другой терминологической традиции, где борьба за власть с помощью авторитарных методов приобретает форму вопроса о возможности допущения нынешними элитами перехода от подданнической модели отношений к гражданской и степени готовности к этому общества. Сумеют ли они в этом случае сохранить свою власть в современном российском обществе?

Кстати сказать, я не склонна возлагать вину за эту неспособность и неумение полностью на нынешние элиты. Они лишь отражение нынешнего состояния нашего общества. И левоцентристские элитарные слои, начиная с Горба-

чева, и праволиберальные элиты в период их нахождения у власти продемонстрировали ничуть не большую эффективность и умение управлять страной в условиях глобализирующегося мира. Более того, и само общество также не готово по-настоящему ни к демократии, ни к гражданской модели отношений, ни к персональной ответственности каждого за свою судьбу. Да и наше научное сообщество — тоже, прямо скажем, не та нерушимая скала, на которую могла бы опереться власть, если у нее возникнет реальная потребность максимально эффективно отстаивать интересы России, а не просто обижаться на весь мир за его неблагодарность и стремление думать о своих, а не «дядиных» (читай: российских) интересах.

В основе всех этих проблем — незавершенность той авторитарной догоняющей модернизации, которую пытается реализовать наиболее прогрессивная часть российской элиты и которая упирается в чудовищную инерционность нашей страны. И если в Китае эту проблему решили сравнительно просто и пошли на сознательное выделение «точек роста», тех «локомотивов», которые должны были потянуть (и потянули-таки) за собой всю страну, сосредоточив там основные ресурсы, то в якобы имперской России по-прежнему упорно проводят политику «выравнивания уровня жизни регионов» и перераспределения между ними ресурсов, затрачивая на эти цели немалые бюджетные деньги. И в этом плане нельзя не согласиться с теми, кто говорит, что регионы сегодня традиционализируют федеральный центр, который и так пытается воспроизводить в целом традиционалистскую модель развития.

Такая линия поведения, впрочем, часто оправдывается ссылками на то, что именно она является наиболее востребованной обществом и отвечает глубинным чаяниям россиян. Посмотрим, так ли это и не выдают ли часто наши элиты желаемое за действительное — ведь иначе политики типа Д. Рогозина собирали бы в свою поддержку большинство голосов, а не считанные проценты. Итак, как же оценивают россияне сегодня распад СССР, каковы их представления о месте России в мире и на пространстве СНГ и что собой представляет их ностальгия по «великой державе»?

Начнем с того, что россияне действительно в массе своей до сих пор негативно воспринимают распад СССР и Беловежские соглашения — 73% опрошенных в 2001 году, спустя ровно десять лет после распада Союза, сказали в ходе очередного опроса ИКСИ РАН, что относятся к нему отрицательно. Однако это совсем не значит, что для них это сегодня огромное по масштабам событие, продолжающее сохранять свое драматическое значение.

Достаточно сказать в этой связи, что, отвечая на вопрос о том, что было самым трагическим событием в истории России в XX веке, распад СССР упомянула только четверть опрошенных (при том, что можно было выбрать три (!) наиболее трагических события из 13 перечисленных в вопросе). По значимос-

ти распад Союза в этом списке опередили Великая Отечественная война, сталинские репрессии, война в Чечне. Более того, в одном ряду по остроте переживания с распадом Союза оказались для россиян война в Афганистане и авария на Чернобыльской АЭС, и лишь немного отстали от него коллективизация и раскулачивание (23%).

При этом большинством россиян Советский Союз воспринимается не как империя. Во всяком случае, с тем, что распад Советского Союза был логическим следствием имперской политики России в прежние столетия в отношении поработанных ею государств, согласны менее четверти населения, а не согласны — около половины (данные исследования ИКСИ РАН 1998 года — см. прим. 2). СССР вообще воспринимается большинством россиян не столько через государственническую, сколько через социально-экономическую призму, как первое государство во всей многовековой истории России, которое обеспечило справедливость для простых людей и сделало для них возможной приличную жизнь (1998, 2004). И если говорить об образах различных эпох, сложившихся у россиян, то СССР при Л. Брежнев ассоциируется у них прежде всего с такими понятиями, как социальная защищенность, жизнерадостность, успехи в образовании, доверие между людьми, успехи в науке и технике. Для России времен Б. Ельцина ведущей ассоциацией является понятие «кризис». Для современной же России в числе ведущих ассоциаций — возможность стать богатым человеком, преступность и бандитизм, коррупция и взятки, гражданские и политические свободы — образ, как видим, достаточно противоречивый. Но при таких образах эпох, сложившихся у широких масс населения, не удивительно и ностальгия по СССР, и желание около 40% наших сограждан жить, если бы у них была возможность выбора, во времена Советского Союза. Тем не менее наиболее массовой (45%) является все-таки группа, выражающая желание жить в современной России (1998, 2004).

Таким образом, *ностальгия по Советскому Союзу связана в первую очередь с тем образом жизни, который с ним ассоциируется, и с его достижениями в образовании, науке, экономике, а не с его ролью сверхдержавы*. К слову сказать, оценивая самые большие достижения России в XX веке, лишь по 28% (при возможности выбрать 3 позиции из 14) упомянули создание СССР и превращение СССР в мировую сверхдержаву. Гораздо значимее для населения России оказались ликвидация неграмотности, создание мощной промышленности, бесплатная медицина, освоение космоса, т.е. те достижения, которые прямо влияли на повседневную жизнь большинства людей, не касаясь государственного устройства страны или ее роли сверхдержавы (2000).

Но чем же еще, помимо воспоминаний о «благополучных старых временах» их молодости, руководствуются россияне, негативно оценивая распад Союза? Что это — скорбь об утраченной империи, переживания за порушенные человеческие

судьбы и разделенные семьи, символ тех негативных перемен, которые, начавшись с распада Союза, затем болезненно ударили по большинству россиян?

Судя по данным ИКСИ РАН, доминирующим в этой оценке является именно гуманитарная составляющая. Причем эти установки очень устойчивы – и в 1995, и в 2001 годах ответы россиян на вопрос об их оценке распада СССР совпали с точностью до одного процента. В обоих опросах с показателем в 44% лидировал ответ: «Это беда для многих людей, живущих в республиках бывшего СССР», а по 30% в обоих случаях отмечали, что это событие имело в равной степени и хорошие, и плохие стороны. Лишь по 14% полагали, что это катастрофа мирового значения, а остальные в основном либо утверждали, что благодаря этому создались условия для возрождения России, либо затруднились с ответом. Как видим, и в этой позиции доминирует настроение, что жаль, конечно, что СССР больше нет, но, вообще-то, это не самая большая проблема сегодняшней жизни.

Проверим правильность предлагаемой интерпретации на отношении россиян к вопросам о роли России на постсоветском пространстве, о судьбах стран СНГ и роли России на мировой арене в целом.

В этой связи надо прежде всего отметить, что, сожалея о распаде Союза, лишь около четверти россиян считают необходимым его восстановление. При этом в отличие от ситуации с причинами негативной оценки распада Союза, в вопросе о восстановлении СССР прослеживается постепенный рост изоляционистских настроений.

Рис. 1. Динамика отношения россиян к идее восстановления СССР, %⁵

Как видим, хотя «объединительный» настрой у россиян продолжает присутствовать, о желательности восстановления СССР говорит лишь каждый 6–7-й россиянин. Более того, если посмотреть данные за больший временной период, то мы увидим, что количество поддерживающих сохранение Россией своей самостоятельности как государства увеличилось за 10 лет (с 1995 по 2004 год) с 23 до 28%, а выступающих за восстановление СССР — уменьшилось с 23 до 15%. Разрыв, как видим, не очень большой, зато тенденция абсолютно устойчива, и вместо паритета (23 на 23%) в 1995 году соотношение сторонников самостоятельности России и восстановления СССР к 2004 году стало практически 2:1.

Возможно, некоторый скепсис в отношении «объединительных» тенденций на постсоветском пространстве у россиян связан с пониманием ими нереальности той модели объединения, которая для них самих представляется идеальной. Если наиболее предпочтительной моделью объединения с бывшими советскими республиками почти для половины населения России является объединение на добровольной основе по типу ЕС, решающее и проблемы с визами, и проблемы трудовой миграции, и гуманитарные проблемы, и другие повседневные проблемы россиян, то вероятным такое развитие событий считает лишь 6% (2000). В нынешнем же своем виде СНГ вызывает у россиян скорее негативизм, чем положительные эмоции. Во всяком случае, на понятие «Россия» положительную реакцию в тесте на ассоциации давали 94% респондентов, на понятие «СССР» — 86%, а на «СНГ» — лишь 41%.

Таким образом, данные за десять лет наблюдений, причем с разными формулировками задававшихся в разные годы вопросов, свидетельствуют об одном и том же: *при всем сожалении о распаде Союза, россияне в массе своей приняли новую реальность и, будучи настроены на такую модель объединения, которая поможет решить гуманитарные проблемы, не хотят при этом восстановления никакой «империи»*. Такова общая картина. При этом есть от 15 до 25% граждан, которые в зависимости от жесткости постановки вопроса демонстрируют отличающиеся от основной массы населения настроения и применительно к которым можно в той или иной степени говорить о постимперском синдроме.

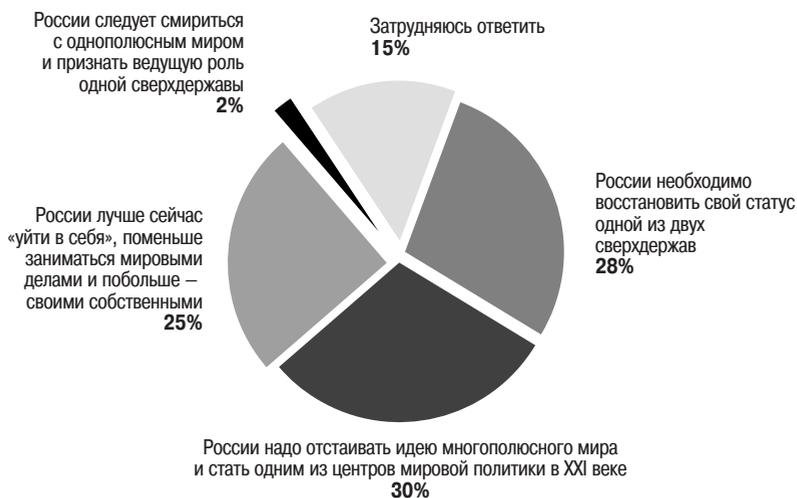
Но, может быть, «постимперский синдром» проявляется применительно к вопросу о месте России в мире?

В этой связи первое, о чем следует сказать: восприятие России (СССР) как сверхдержавы в прошлом для россиян основано отнюдь не на ее военной мощи или авторитете в международной политике. Основа авторитета России в прошлом для россиян заключается в ее мощной экономике, передовой науке и культуре, достижениях космонавтики, динамичном развитии в первые послевоенные десятилетия, достижениях социальной политики. Не буду иллюстрировать этот тезис цифрами, тем более что они не раз уже были нами опубли-

кованы и частично перекликаются с уже упоминавшейся выше общей оценкой СССР⁶. Для нас наиболее важно в этой связи лишь то, что и на предстоящие десятилетия авторитет России в мире население нашей страны увязывает прежде всего с уровнем ее экономического развития, а отнюдь не с военной мощью. И когда 85% россиян говорят о том, что «Россия – великая держава, и она должна заставить другие государства и народы уважать себя», то подавляющее большинство из них имеют в виду отнюдь не бряцание оружием. У 84% россиян существует четкое понимание того, что, «только подняв экономику, мы заставим мир себя уважать» (2001). И лишь чуть более 10% россиян видят другие пути к тому, чтобы добиться уважения.

При этом и под великой державой россияне понимают не столько сверхдержаву, сколько страну с мощной экономикой, входящую в число наиболее развитых стран мира (см. рис. 2).

Рис. 2. Представления россиян о месте России в мире (2000)

Достижение Россией такого состояния для большинства россиян – вопрос не сегодняшнего и даже не завтрашнего дня. Более того, хотя 51% населения рассматривает вероятность того, что Россия восстановит свой авторитет в мире и вернет себе роль одного из мировых лидеров как достаточно большую, около 40% населения полагает все же, что вероятность этого невелика, а 27% даже убеждены, что Россия и в экономическом, и в политическом отношении попадет в полную зависимость от Запада (2000). Главным резервом, который

мог бы способствовать развитию России в XXI веке, для большинства населения выступает прогресс отечественной науки и техники.

Причем для россиян, при всей важности самоощущения себя гражданами великой державы, есть и более важные задачи, которые стоят перед страной, нежели достижение ею статуса «великодержавности». В их числе повышение качества жизни (61%), наведение порядка во всех сферах (39%), создание равных возможностей для всех (37%) и другие. Такая задача России, как стать великой державой XXI века, оказалась актуальной среди других наиболее значимых задач, стоящих перед страной, всего для 17% россиян при возможности выбрать три из 16 перечисленных задач (2004). Более того, снижение авторитета России в мире в числе трех наиболее значимых последствий начавшихся в 1991 году реформ назвали для общества 30% россиян, а для себя лично — всего 6% (2001). Таким образом, *стремление видеть России великой державой у населения присутствует, но острой потребностью для подавляющего большинства россиян его назвать нельзя* — действительно актуальным оно оказывается опять-таки лишь для той достаточно немногочисленной части населения, о которой упоминалось выше.

Два факта в этой связи нуждаются в особом внимании. Во-первых, несмотря на все сделанные выше оговорки, 85% россиян хотят все-таки видеть Россию экономически процветающей и воспринимаемой миром именно поэтому как великая держава страной — и это факт, который нельзя не учитывать элитам. В противном случае даже при «сильной» международной, но «слабой» экономической политике их деятельность на международной арене будет восприниматься населением весьма скептически. Не случайно, хотя около 40% населения убеждено, что за период пребывания у власти В. Путина международное положение страны улучшилось, основная масса населения, включая и часть видящих в нем положительную динамику, по-прежнему недовольна местом России в мире. Решающее значение для россиян среди факторов, тормозящих это развитие, имеет коррумпированность и эгоизм российской бюрократии (45%). И это естественно в условиях, когда две трети наших сограждан убеждены, что российская бюрократия заинтересована в первую очередь в сохранении и постоянном увеличении своего богатства и влияния, и лишь 2% — что она заинтересована в подъеме России и росте ее могущества (2005).

Второе обстоятельство, которое заслуживает особого анализа, это причины потребности в подобном признании. В этой связи нельзя обойти вниманием вопрос о некоем *мессианстве*, якобы присущем россиянам. Надо сказать, что, судя по результатам эмпирических исследований, такая постановка вопроса имеет под собой определенную почву. Не углубляясь далеко в этот сюжет, отмечу лишь, что 45% россиян и в 1998, и в 2004 году были убеждены, что все великие события русской истории следует рассматривать как служение России

всему человечеству. Однако, во-первых, мессианство это имеет очень мягкий характер в том смысле, что большинство россиян внешний по отношению к нашей стране мир со всеми его проблемами вообще не очень интересует, хотя поговорить о нем определенная часть населения, особенно мужского, любит. Во-вторых, вопрос о готовности к каким бы то ни было жертвам ради этого мира или человечества в целом у россиян всерьез не стоит — даже ради защиты собственной страны в случае внешней агрессии готовы рисковать своей жизнью всего 57% россиян. В случае же возникновения внутренней угрозы распада России к этому готовы лишь 19% (2000)⁷. И вообще, единственное, что россияне практически поголовно (88%) готовы защищать с оружием в руках, — это их семьи и они сами. О «замкнутости» россиян на своем микромире и их антагонизме по отношению к власти, дошедшей до утраты ими даже такого традиционного для россиян качества, как патриотизм, свидетельствует и то, что, решая, как им поступить в серьезных вопросах, более 80% россиян уверенно сказали (2000), что они будут руководствоваться только интересами своей семьи и своими собственными, и лишь 6% — что поставят во главу угла интересы государства (2000). Жертвовать же чем-то значимым ради России или будущего русского народа готова лишь треть россиян, ради будущего человечества — каждый седьмой. Впрочем, это немало, если учесть, что для защиты своих политических взглядов это готовы делать лишь 4% населения (2003).

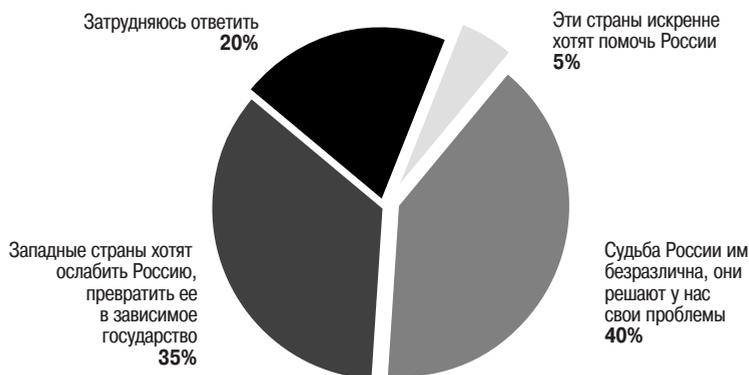
Следующее обстоятельство, которое нельзя обойти вниманием при анализе причин потребности в возвращении России статуса великой державы, помимо простого и естественного желания жить в богатой и процветающей, а не отсталой и раздираемой противоречиями стране, заключается в том, что россияне утратили некую эйфорию по отношению к Западу и стали смотреть на него гораздо прагматичнее и трезвее. При этом они, естественно, понимают, что, *находясь в окружении стран, думающих в первую очередь о собственных интересах, Россия сможет действительно защищать свои собственные интересы, только если сама будет сильной*. И стремление видеть Россию великой державой тесно связано с тем, что большинство (57%) россиян убеждены: «усиление России представляет собой угрозу для европейских стран, поэтому эти страны не заинтересованы в действительном подъеме России». При этом, признавая «разумный эгоизм» европейских стран, подавляющее большинство россиян не воспринимает их как врагов и не видит в них реальной угрозы для России в XXI веке (2000).

Совсем иная картина с Соединенными Штатами — почти половина населения допускает, что в нынешнем столетии США могут стать источником серьезных угроз для России, связывая это с агрессивной политикой Соединенных Штатов, их желанием навязать свою волю всему миру, что стало особенно наглядным для россиян после югославских событий. При этом в роли потенциальных союзников европейские страны выступают для россиян в два с полови-

ной раза чаще, чем США, да и к расширению ЕС лишь 14% наших соотечественников (2000) относятся отрицательно в отличие от расширения НАТО, которое ассоциируется у них в большей степени с Соединенными Штатами.

Если же рассматривать оценку россиянами отношения развитых стран Запада (без разделения на Европу и США) к России, то она была на протяжении последних десяти лет весьма устойчивой.

Рис. 3. Представления россиян об отношении развитых стран Запада к России (2004), %

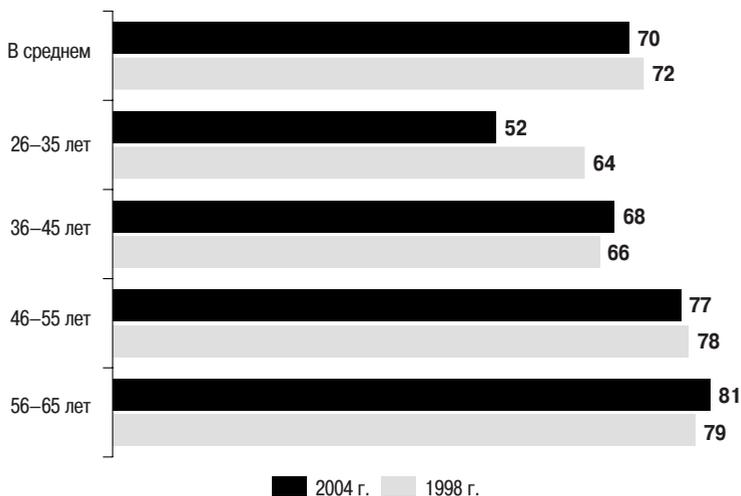
При этом, хотя около трети населения винят в недостаточно высоких темпах экономического роста России «злокозненную» политику Запада (2005), большинство россиян все-таки считают, что Запад реального вреда или ущерба России сейчас не наносит, или, точнее, что этот ущерб несопоставим с тем, который мы, как страна, наносим себе сами.

Наконец, еще одно, и самое главное, на мой взгляд, обстоятельство, обуславливающее те настроения, которые часто трактуются некоторыми политиками как постимперский синдром, — это *кризис идентичности*. И здесь мне хотелось бы вернуться к вопросу о модернизации России.

Как известно, общества традиционного типа предполагают особую модель идентичности, при которой личность как самостоятельное «я» в массовом масштабе просто отсутствует или, по крайней мере, является чем-то вторичным, подчиненным и малозначимым по отношению к общности, а следовательно особая роль принадлежит так называемым макроидентичностям — с общиной, народом, государством и т.п.⁸ И действительно, официальная иерархия идентичностей и в Российской империи, и в СССР строилась одинаково: держава,

коллектив (производственная или сельская община), семья, сам человек. В реальной модели идентичностей роль микроидентичностей, прежде всего семьи, была, естественно, гораздо больше. Тем не менее россияне действительно ощущали свою принадлежность к большой, державно-народной общности как важнейшую часть своих самоидентификаций, а потому очень болезненно восприняли крушение Советского Союза. И до сих пор свыше 70% тех, кому в момент распада СССР было 27–28 лет, продолжают говорить о том, что в Советском Союзе они испытывали чувство принадлежности к большому сообществу (при 10–15% тех, кто этого чувства не испытывал), и даже в возрастной когорте 25–35 лет, т.е. среди тех, кому в конце 1991 года было не более 22 лет, этот показатель составляет свыше половины.

Рис. 4. Согласие с позицией «В Советском Союзе я испытывал чувство принадлежности к большому сообществу», %

Данные опросов показывают также, что самоидентификация с макрообщностью в современной России распространена намного меньше. Хотя гражданином России при выборе трех своих основных характеристик для самопредставления за рубежом все же назвали бы себя около половины россиян (2003), устойчивая внутренняя самоидентификация с россиянами характерна менее чем для трети опрошенных, о чем свидетельствует следующая таблица.

С кем испытывали чувство общности	Часто	Иногда	Практически никогда
1. С товарищами по работе, учебе	50,8	39,5	9,7
2. С людьми своего поколения	52,9	41,4	5,7
3. С людьми той же национальности	46,8	41,9	11,3
4. С людьми той же профессии, рода занятий	53,0	37,9	9,1
5. С людьми, разделяющими взгляды респондента на его жизнь или верования	54,2	37,3	8,5
6. С друзьями	77,5	19,8	2,8
7. С людьми, живущими в том же городе или поселке	29,5	52,6	17,9
8. С россиянами	31,0	47,5	21,5
9. Со своей семьей	80,3	16,4	3,2
10. С людьми того же материального достатка	43,0	45,6	11,4
11. С гражданами СНГ	10,8	38,2	51,0
12. С теми, кто не утратил веры в будущее	29,1	44,6	26,3
13. С теми, кто не ждет «манны небесной»	30,9	41,0	28,1
14. Со всеми людьми на планете	10,3	31,2	58,5
15. С теми, кто не любит «высовываться»	13,2	39,3	47,5
16. С общностью «советский народ»	16,4	34,8	48,9
17. С теми, кто уверен, что главное – как повезет	11,7	44,0	44,3
18. С людьми, близкими по политическим взглядам, позициям	28,1	47,0	24,9
19. С теми, кто не интересуется политикой	18,3	47,5	34,2

Как видно из таблицы, если говорить об устойчивых самоидентификациях россиян по состоянию на начало лета 2004 года, то решающую роль играли самоидентификации с семьей и друзьями. Второй по значимости ряд устойчивых самоидентификаций образовывало чувство общности с различными социальными группами, которое испытывали не менее половины россиян. Часть этих идентификаций также имели вполне предметный характер (товарищи по работе или учебе), а три относились к абстрактно-символическому типу общностей (люди, разделяющие те же взгляды на жизнь, люди того же поколения и люди той же профессии и рода занятий). Примыкала к ним и самоидентификация с людьми той же национальности. Третью группу составляли самоидентификации, которые стабильно разделяли свыше четверти россиян, включая и самоидентификацию с россиянами. Наконец, последнюю группу составляли относительно малораспространенные самоидентификации, которые постоянно разделяли менее четверти россиян, включая самоидентификацию с гражданами СНГ и со всеми людьми на планете.

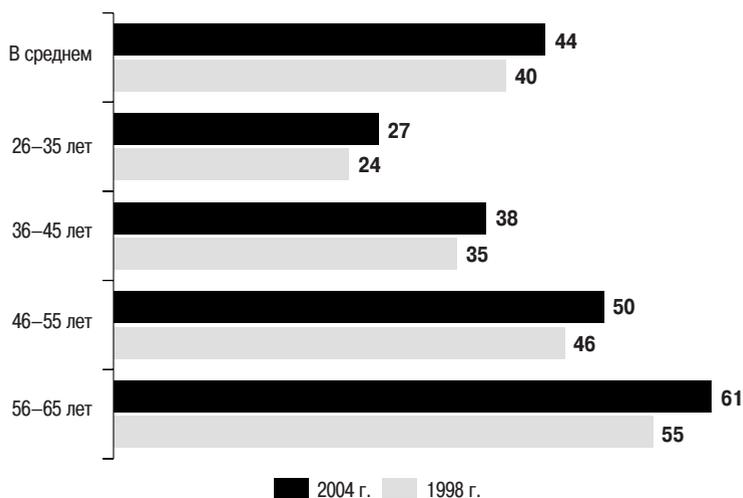
О чем свидетельствует такое распределение идентификаций? *Прежде всего об очень большой роли абстрактных, символических общностей в жизни россиян.* Если занимающие два первых места в общем списке отождествления себя с такими реальными, «предметными» общностями, как семья и друзья, выглядят

вполне естественно, то устойчивая самоидентификация более чем половины россиян с такими символическими, абстрактными общностями, как люди с теми же взглядами на жизнь, представители определенного поколения или той же профессии, по меньшей мере, заставляет задуматься. Трудно сказать, что здесь играет решающую роль, но, безусловно, абстрактные, символические общности очень важны для наших сограждан, имеют для них личностную, эмоционально окрашенную значимость.

Именно с этой особенностью связана, на наш взгляд, болезненно переживаемая до сих пор утрата того чувства принадлежности к большому сообществу, ощущения себя частичкой чего-то огромного и единого, которое большинство россиян испытывало в Советском Союзе. Переживания по поводу этой утраты часто принимаются за пресловутый постимперский синдром.

Нельзя не отметить в этой связи и то, что, в отличие от эмоциональной идентификационной компоненты, значимость утраты которой не слабеет с годами, идеологический крах советского этапа их жизни россияне пережили гораздо легче и возрастная динамика в отношении к суждению о том, что «с крахом СССР во мне было разрушено все, во что я когда-то верил», очень наглядно демонстрирует устойчивый уход от советской идеологии младших возрастных когорт. Фактически только в группе старше 55 лет большинство говорило о личном идеологическом крахе, сопровождавшем для них распад СССР (см. рис. 5).

Рис. 5. Динамика значимости утраты идеологической составляющей советского периода их жизни у представителей разных возрастных когорт, % (согласие с позицией «с крахом СССР во мне было разрушено все, во что я когда-то верил»)

Заметим в этой связи, что национально-этнический фактор оказывается в системе идентификаций гораздо важнее, чем гражданственный. Не случайно с россиянами устойчиво отождествляло себя почти вдвое меньшее число респондентов, чем с людьми той же национальности. В этой связи очень важно понять, что означают сегодня для россиян «люди той же национальности» и кого, учитывая численное доминирование русских на территории России, они сами склонны считать русскими (см. рис. 6).

Рис. 6. Кого, по мнению россиян, можно считать русским человеком, % (допускалось 2 ответа)

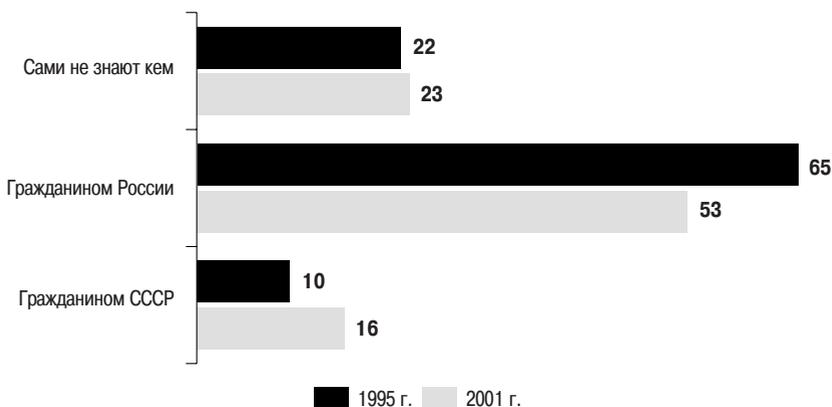

Как видим, конфессиональный («по вере»), гражданский («по паспорту») и языковой принципы идентификации абсолютно непопулярны среди россиян, и в этом смысле надежды на возрождение национальной идентичности за счет демонстративной поддержки православия выглядят, по меньшей мере, наивными. Однозначно доминируют идентификации *по культуре и по отношению к России*, т.е. опять-таки абстрактные, символические основания для идентификаций, теперь уже для идентификации «русскости». Промежуточное положение занимают тесно связанное с двумя ведущими типами идентификации самопозиционирование (кем сам человек себя считает) и этнический («по рождению») принцип идентификации.

Это значит, что наиболее характерным типом национальной идентичности в России сегодня выступает конвенциональная идентичность, предполагающая принятие единых правил игры, закрепленных в национальной культуре, и это одна из наиболее характерных особенностей российской национальной культуры в целом. Причем для признания человека «своим» неважна его этническая идентич-

ность — он должен лишь вне зависимости от нее принять эти правила игры как свои, поскольку именно они, по мнению россиян, в наибольшей степени соответствуют условиям России и служат ей во благо. Образно говоря, это тот тип идентификации и распознавания «своих» и «чужих», который использовали жители джунглей в сказке Киплинга «Маугли». Им достаточно было сказать «мы с тобой одной крови, ты и я» (продемонстрировав тем самым знание и принятие Закона джунглей), и ты признавался своим независимо от того, был ли ты коршуном, медведем или человеком. Я не буду обсуждать здесь, плохо это или хорошо, является ли свидетельством тяги русских к ассимиляции представителей других национальностей и культур, и тому подобные вопросы, которые, на мой взгляд, вообще не относятся к предмету науки или политики. Я просто хочу зафиксировать этот факт, во многом объясняющий и удивительную легкость ассимиляция большинства русских в чуждой им культурной среде других стран без образования диаспор (они просто «меняют правила игры», вливаясь в другую общность, безотносительно к этнической принадлежности), и отношение к мигрантам внутри России вообще и образующим особые диаспоры в частности, и, самое главное, отношение к сегодняшней России, не являющейся для них «своей», частью которой они бы себя на эмоциональном уровне ощущали, так как она живет не по тем «правилам», которые воспринимаются ими как естественные и справедливые. И изменить это за счет той или иной политики СМИ или различных пиар-акций невозможно, так как противоречит повседневному опыту людей. А без этого ни о каком возрождении патриотизма не может быть и речи.

Рис. 7. Динамика гражданственных самоидентификаций у россиян, % (ответ на вопрос «Кем Вы себя ощущаете?»)⁹

Не случайно процесс постепенного размывания традиционалистской модели мира в общественном сознании россиян, вызвав кризис идентичности, не сопровождается быстрым замещением ее более современными представлениями — ни субъективных, ни объективных условий для этого в современной России просто нет. В то же время применительно к гражданской идентичности наблюдается медленный рост самоидентификации с гражданами России (см. рис. 7), приходящей на смену самоидентификации с гражданами СССР. Однако до сих пор пятая часть населения России не имеет вообще никакой гражданской идентичности, а те, кто имеет, не воспринимают ее столь же эмоционально значимой, как свою гражданскую идентичность периода СССР.

Итак, в результате распада Советского Союза и невозможности адекватно заменить утраченные самоидентификации самоидентификацией с гражданами России не потому, что Россия недостаточно «велика», а потому, что она «не своя», в период 1992–2004 годов наблюдалась картина кризиса идентичности и попытка заместить утраченные идентичности новыми. При этом отмечался весьма значительный рост среднего числа положительных самоидентификаций. На мой взгляд, это свидетельствует о том, что *тот идейно-мировоззренческий, ценностный и идентификационный вызов, который бросил россиянам внезапный слом всей их прежней жизни, они пытались преодолеть и успешно преодолевали за счет попыток «вписывания» себя в новые социальные роли и новые, ранее нехарактерные для них общности взамен утраченных.* На смену утраченным идентификациям в смысле популярности приходили в первую очередь идентичности микроуровня, а также общности, характерные для стран с рыночной экономикой, причем скорее раннеиндустриальных, чем развитых. Несколько огрубляя, можно сказать, что в России росли самоидентификации с теми общностями, которые для стран Западной Европы были характерны почти сто лет назад, в период жесткой вертикальной стратификации и острой классово-вой борьбы. Речь идет прежде всего об имущественной идентификации и идентификации по политическим взглядам. Оба эти вида идентификации «прибавили» за 12 лет свыше 20%. Так же сильно выросла только идентификация со своей семьей, что отражает активный «уход» человека в свой микромир от дискомфорта для него внешнего мира. Кроме того, свыше 15% «набрали» идентификации с людьми, разделяющими взгляды респондентов на мир, и с друзьями, которые, естественно, потому и друзья, что также разделяют эти взгляды.

Можно и дальше приводить эмпирические данные, свидетельствующие о том, что пережитая драма распада Советского Союза, несмотря на всю ее болезненность для россиян, к настоящему моменту ими уже пережита, и острота переживаний осталась далеко в прошлом. То, что их волнует в этой связи сегодня, — это не сама по себе утрата Россией статуса великой державы, а движение страны «не по тому пути», не позволяющее им в полной мере идентифициро-

вать себя со своей собственной страной. И хотя россияне действительно хотят видеть Россию великой державой, это, повторю, значит для большинства из них не бряцание оружием или поиск внешних врагов, а *экономическое процветание страны, развитие образования, науки, культуры, уважение к России со стороны мира как к одной из наиболее «продвинутых» стран, возможность уважать самих себя как ее граждан и, самое главное, возвращение страны к тем целям и ценностям, которые разделяются большинством населения и которые позволили бы россиянам снова ощущать себя частью единой и могучей общности, а не винтиком в раздираемом на части социально-экономическими противоречиями и борьбой разных элитарных группировок обществе*. Добиться же этих целей, восстановить единство общества можно в современном мире лишь двигаясь по пути модернизации, способной сделать Россию конкурентоспособной, а отнюдь не по пути возрождения имперских амбиций, способных вызвать, конечно, поддержку 15–20% населения, но еще больше отдаляющих от власти и государства остальную часть общества.

Примечания

- ¹ Действительно, в обычной, «классической» империи метрополия старается «огрابتь» свои колонии, в то время как в СССР, и это стало очень наглядно после его распада, уровень жизни в России искусственно занижался с целью «выравнивания» экономического и социального развития всех союзных республик, а русские отнюдь не относились к привилегированной нации, тем более в национальных республиках. При этом вряд ли реальную дискриминацию русских можно считать для решения вопроса о зачислении СССР в число империй менее значимым фактом, чем признание «старшинства» российской бюрократии (кстати, состоявшей отнюдь не только из русских). Более того, как только национально-русская составляющая в составе государственной идеологии пыталась заявить о себе, рушилась вся конструкция этой псевдоимперии и наступало время ее очередного краха.
- ² Речь идет в первую очередь о таких исследованиях ИКСИ РАН, как «Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов» (1995), «Молодежь новой России: какая она? чем живет? к чему стремится?» (1997), «Граждане новой России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?» (1998), «Россияне о судьбах России в 20-м веке и своих надеждах на новое столетие» (2000), «Новая Россия: десять лет реформ глазами россиян» (2001), «Богатство и бедность в современной России» (2003), «Мегаполисы и провинция» (2004), «Экономическая элита России в зеркале общественного мнения» (2004), «Граждане новой России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?» (2004), «Собственность в жизни россиян: мифы и реальность» (2005) и др., данные которых будут использоваться в данном докладе. Основные результаты и характеристики выборки этих исследований см.: Россия на рубеже веков. М.: РОССПЭН, 2000; Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. М.: Летний Сад, 2004; Российская идентичность в условиях реформ. М.: Наука, 2005.
- ³ От понятия «нация», а не «национальность».
- ⁴ Подробнее описание характеристик этой модели см.: Шкаратан О.И. Тип общества, тип социальных отношений. О современной России // Мир России. 2000. № 2.

- ⁵ На рисунке не указаны затруднившиеся с ответом.
- ⁶ См.: Россия на рубеже веков. М., 2000; Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. М., 2004; Российская идентичность в условиях реформ. М., 2005.
- ⁷ В этой связи нельзя не отметить, что применительно к внутрироссийской модели развития общества россияне в массе своей также не демонстрируют никаких особых имперских амбиций. Отчетливо доминирует убеждение, что Россия – общий дом многих народов, оказывающих друг на друга свое влияние, что все народы России должны обладать равными правами и никто не должен иметь никаких преимуществ. В то же время за последние десять лет был зафиксирован рост националистических настроений – как жестких («Россия должна быть государством русских людей» – с 8 до 12%), так и мягких («Составляя большинство, русские должны иметь больше прав, так как на них лежит основная ответственность за судьбу страны в целом» – с 13 до 20%).
- ⁸ Напомним в этой связи, что основная функция социальной самоидентификации для человека – это фиксация единства его интересов с различными социальными общностями, которые (даже если сам он это до конца не осознает) обеспечивают его самосохранение как индивида и как личности, защищают его основные интересы, способствуют реализации потребностей в самоутверждении, развитии и самовыражении. Причем, учитывая множественность социальных ролей, в которых выступает один и тот же человек, система самоидентификации всегда носит иерархический характер, и принципиальное значение имеют вопросы о том, в какой последовательности соотносят себя люди с различными общностями. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, отметим, что в данном направлении уже давно и плодотворно работают коллективы под руководством В.А. Ядова и Н.И. Лапина.
- ⁹ На рисунке не указаны затруднившиеся с ответом и выбравшие самоидентификацию «гражданин мира».

ЧАСТЬ II. ДИСКУССИЯ

Е. Гайдар, директор Института экономики переходного периода, доктор экономических наук, профессор кафедры теории переходной экономики ГУ — ВШЭ

БЫСТРО РАСПАВШИЕСЯ ИМПЕРИИ ПОРОЖДАЮТ БОЛЬШЕ БОЛИ

Хочу поблагодарить организаторов конференции за своевременную идею. Наряду с проблемами, порожденными аномально высокими с исторической точки зрения ценами на нефть, которые сегодня стоят перед российским обществом, постимперский синдром — опасная болезнь, угрожающая будущему России. Все страны, называвшие себя империями в начале XX века, до конца столетия не дожили. Поэтому обсуждение проблем, с которыми сталкивались две крупнейшие империи, расформированные в XX веке, — Британская и Советская, очень полезно.

Опыт относительно мирного роспуска Британской империи рассматривается в качестве образца того, как могут быть расформированы подобные государственные образования. Тем не менее мы помним, что постимперский синдром активно использовался в британской политике в 1950-х годах.

Само советское руководство не признавало СССР империей. Но сторонники его восстановления регулярно называют его империей. В данном случае я готов им поверить. В среде экономистов рассуждать о том, что твоя страна уникальна, — признак дурного тона. Но не могу не сказать о том, что роспуск Советского Союза был действительно необычным на фоне опыта постимперских трансформаций.

Есть разница между заморскими и территориально интегрированными империями, о которой говорилось в представленных докладах. Роспуск территориально интегрированных империй — более тяжелый процесс, чем заморских. Это относится к Австро-Венгерской, Германской, Османской и Российской империям. В этот круг можно включить и Югославию. Югославия не называла себя империей, в полном смысле этого слова ею не была, но имела сходные с империями черты. Это было мультинациональное авторитарное государство, включающее этнически разнородные территориальные образования.

Во Франции, где расформирование империи прошло очень непросто, после кровопролитных войн, речь шла о необходимости после ухода из Алжира эвакуировать примерно 2% населения в метрополию. Это чуть не взорвало французскую демократию. Потребовалось немалое политическое мужество Ш. де Голля, его коллег, чтобы ее сохранить. Между тем тогда речь шла об эвакуации административного персонала, работавшего в колониях, о переселенцах, которые жили там два-три поколения. При расформировании территори-

ально интегрированных империй, скажем Австро-Венгерской, встает вопрос о судьбе людей, составляющих гораздо больший процент населения метрополии, живущих на своей земле в течение веков, считающих, что они имеют на это полное право, как, скажем, судетские немцы в Богемии.

При роспуске территориально интегрированных империй всегда возникает проблема территориальных претензий. Этот вопрос не имеет простого решения. Как ответить, что важнее — право чехов сохранить целостность Богемии или право судетских немцев жить там, где живут их австрийские или германские братья? Логического ответа на этот вопрос не существует. Приходится принимать неочевидное решение. Важно, чтобы оно было бескровным. Если оно становится конфликтным — беда.

Многие территориально интегрированные империи были расформированы после военного поражения (скажем, Австро-Венгрия). Здесь политический контроль, регулирование межэтнических конфликтов были обеспечены присутствием войск Антанты. В Османской империи поражения сопровождались кровопролитной турко-греческой войной. Крах Российской империи привел к гражданской войне, которая унесла миллионы жизней. За распадом Югославии последовала гибель сотен тысяч людей.

Советский Союз — исключение. В данном случае не было ни оккупационных войск, ни военного поражения. При этом расформирование территориально интегрированной империи прошло без полномасштабной гражданской войны. Да, на периферии империи были серьезные конфликты, иногда тяжелые, но кровопролитной гражданской войны не было.

Вопрос, на который не знаю однозначного ответа, — почему Советский Союз не пошел по пути Югославии? Ведь там развитие событий носило почти автоматический характер. С. Милошевич отнюдь не глупый человек, понимавший, что если он не поднимет знамя радикального сербского национализма, то его возьмет в руки кто-то другой и именно он будет сидеть в президентской резиденции. Встав на этот путь, приходится сказать, что защищаешь права сербов там, где они являются меньшинствами, — в Хорватии, Боснии, Косово. Как только это сделано, у хорватских, боснийских и косовских националистов появляется сильный аргумент в политической риторике. Дальше кровь становится неизбежной.

Почему так не произошло в Советском Союзе и в начале 1990-х годов в России, для меня, участвовавшего в принятии ключевых решений, вопрос серьезный. Мне кажется, что это было обусловлено сочетанием двух факторов. Роль личности в истории нельзя недооценивать. Милошевич был лидером Союза коммунистов Сербии. Когда привлекательность коммунистической идеологии была подорвана, он не видел другого выбора в уже не социалистической и еще не демократической стране, кроме того, чтобы сделать основой политической

риторики сербский национализм, тему обид сербского народа, ущемления его интересов в Югославии, лидером которой был хорват Тито, несправедливости границ республики. Б. Ельцин был коммунистическим лидером, но он был падшим ангелом, был изгнан из коммунистического руководства и потому мог позволить себе избрать иной политический путь. Он противопоставлял себя и своих сторонников предшествующему режиму. Второй фактор — наличие на территории СССР ядерного оружия. Эта тема никогда открыто не поднималась на переговорах, в которых мне доводилось принимать участие, но она всегда подразумевалась. Наличие атомного оружия сыграло при расформировании Советского Союза ту же роль, как и его существование после Второй мировой войны в сдерживании противостояния между блоками. Сам факт его наличия заставлял сдерживать эмоции, искать компромисс.

Теперь о постимперском синдроме в России. Спасшая мир легкость расформирования Советского Союза сегодня играет против тех, кто стремится видеть Россию стабильной демократической страной. Давно известно, что быстро распавшиеся империи порождают больше боли, чем постепенно и медленно трансформирующиеся. Возникает иллюзия, что если что-то столь неожиданно и быстро распалось, то это можно, при наличии воли, столь же быстро воссоздать. Этот идеологический товар был без труда продан на политическом рынке Германии между двумя мировыми войнами. Сегодня его пытаются реализовать в России. Надо признать, не без успеха.

То, что расформирование империи породит серьезные проблемы, было ясно и в начале 1990-х годов. Но мы полагали, что, создав базу рыночных институтов, пройдя через трансформационную рецессию, обеспечив динамичный рост экономики и реальных доходов населения, мы сможем преодолеть постимперский синдром. К сожалению, мы ошиблись. Проблема постимперского синдрома — это не проблема бедности, экономической депрессии. Когда вы не знаете, как дожить до следующей зарплаты и получите ли вы ее вообще, сохранится ли ваше рабочее место через месяц, вам не до ностальгии по утраченной империи. Когда же реальная заработная плата семь лет регулярно растет, когда вы знаете, что в следующем году она будет выше, чем в этом, когда угроза безработицы, по крайней мере в больших городах, не страшна, — тогда самое время прийти вечером домой, сесть ужинать и посмотреть по телевизору старый хороший фильм о том, как наши разведчики всегда были лучше «их» шпионов, как мы всегда всех побеждали и какая прекрасная была в Советском Союзе жизнь. Фильм вызовет ностальгические чувства... Правда, он изображает не ту жизнь, которая была на деле, а ту, которую заказывал отдел пропаганды ЦК КПСС, но это не очевидно даже для тех, кто помнит советскую реальность. Тогда они были молоды, их любили красивые женщины... На этом фоне хорошо поговорить о том, как мы никогда не были побеждены на поле брани, как

нам нанесли удар ножом в спину, что сделали это предатели-инородцы, разво-
ровавшие нашу народную собственность, но теперь мы опять сильны и всем
покажем, кто главный. Это хорошо идет на политическом рынке. Для того что-
бы преуспеть в пропаганде таких идей, ума и таланта не надо.

Беда в том, что завораживающей красоте этих построений подвержена
и власть. И в этом я вижу главную опасность. Убедить общество в том, что мы
должны восстановить империю, не так уж и трудно. Но сделать это невозмож-
но. И когда власти начинают пытаться двигаться в направлении, в котором их
толкает общественное мнение, они делают одну ошибку за другой. Без осозна-
ния этого череду просчетов, совершенных Россией в 2004 году в отношениях
со странами СНГ, понять невозможно. Каждый раз мы делаем ошибки и полу-
чаем по морде. После этого думаем, что в этом виновен империализм, мировая
закулиса. А после этого, еще больше обидевшись, делаем еще одну ошибку.
Здесь формируется положительная обратная связь — штука, как известно,
крайне опасная.

Не знаю рецепта, что с этим делать. Не думаю, что кто-либо его знает. В ле-
чении постимперского синдрома могут помочь лишь две вещи.

Первое — его публичное обсуждение. Когда ты называешь голого короля го-
лым, есть шанс, что многие поймут, что он действительно не одет. Если мы
поймем, что постимперский синдром — тяжелая болезнь, которой страдаем не
только мы, что ее перенесли многие другие страны, что ею надо переболеть и не
наделать при этом глупостей, опасных для страны и мира, то это, на мой взгляд,
будет серьезный вклад в то, чтобы справиться с проблемой.

Второе — время. Оно лечит. Да, постимперский синдром можно было ис-
пользовать во внутрипартийной борьбе в Англии в 1950-х годах. Но сегодня
объяснить английскому студенту, почему Англия должна была управлять Ин-
дией, а тем более поднять его на борьбу за то, чтобы Индия снова была англий-
ской колонией, — задача нерешаемая. Так что время в лечении этой болезни —
важнейший фактор.

Сегодня мы переживаем непростой этап в развитии нашей страны. Важно
пройти его, не совершив непоправимых ошибок. Германии между мировыми
войнами это не удалось. Но отсюда не следует, что и мы обречены на пораже-
ние. Да, чужие ошибки мало чему учат. Но это не повод опускать руки.

В. Иноземцев, директор Центра исследований постиндустриального общества, главный редактор журнала «Свободная мысль XXI», доктор экономических наук

РАЗОЧАРОВАНИЕ В НЫНЕШНЕЙ ИМЕРСКОЙ ПОЛИТИКЕ БУДЕТ ВСЕОБЩИМ И БЫСТРЫМ

Существует много определений империи, но применительно к сегодняшнему разговору я бы сказал, что империя – это политическая система, которая отличается в первую очередь жестким разграничением центра и периферии, а также четким пониманием господства и подчиненности, т.е. движителя и зависимых территорий.

Несколько замечаний по поводу доклада И. Яковенко.

Не думаю, что империи, которые наиболее активно сегодня дебатуются у нас и за рубежом, имели теократическую природу или природу традиционных обществ. На протяжении последних нескольких столетий империями назывались объединения, созданные европейскими державами, которые не являлись ни теократическими, ни традиционными, а Великобритания, например, была даже вполне демократической и либеральной.

Я также не стал бы утверждать, что империя несет в себе очень серьезную религиозную или идеологическую составляющую. Те же британцы были крайне корректны, даже по сегодняшним меркам, в распространении своей религии и своих идеалов. У британских колониальных властей на Ближнем Востоке существовали четкие инструкции, запрещавшие деятельность священников в странах с преимущественно арабским населением. Потому что это могло подорвать престиж Британской империи, вызвать недовольство местных жителей и привести к восстанию. Великобритания никогда не стремилась христианизировать ни Индию, ни Ближний Восток.

Что касается создания империей нового человека, то эта цель тоже совершенно неочевидна. Советский Союз и нацистская Германия действительно были поражены идеей проведения масштабных социальных экспериментов, в том числе по созданию нового человека, однако этого не скажешь ни о той же Британской или Французской колониальной империи.

Спорным представляется мне и утверждение, что «империя “заряжена” на постоянную ассимиляцию инородцев». Если мы посмотрим на Европу, то волна эмиграции захлестнула ее примерно с 1960–1970 годов, т.е. уже после распада колониальных империй, а до этого никакой ассимиляции как раз не происходило.

Еще раз хочу подчеркнуть: для меня империя – это мощный политический проект, выстраиваемый вокруг центра, имеющего определенное представление о том, как политически должен быть организован мир (а если не мир, то зона влияния этого центра). Целью данного проекта является использование ре-

сурсов периферии во имя решения определенных политических и экономических задач, стоящих перед центром, и достигается эта цель за счет территориальной экспансии центра. Как говорил Талейран, главным свойством империи является упорядочение. Это четкая структура, в которой нет места хаосу, демократии, колебаниям, непредсказуемому развитию.

Что касается нации, то сегодня она понимается двояко. Существует европейская, идущая от Гербера, традиция ее понимания и современная англо-американская. В европейском понимании нация — это сложный культурный феномен, который характеризуется продолжительной историей формирования некой общности, базирующейся на общности языка, территории проживания, исторической традиции, исторических задач, общем понимании того, что такое «другой», «чуждый».

Поскольку большинство европейских наций сформировалось в эпоху буржуазных революций, их зачастую связывают с развитием индивидуалистических начал, с формированием свободного человека и в этом смысле рассматривают как противоположность империи — общности, скрепляемой диктатурой, принуждением и жертвенностью. Я бы не абсолютизировал эту точку зрения. Потому что жертвенность по отношению к империи, о которой говорил И. Яковенко, проявлялась и по отношению к нации. Достаточно вспомнить риторику и практику времен Французской революции: ради французской нации приносились жертвы в количестве, которое могло бы посрамить многие империи.

Кроме того, признаком принадлежности к французской нации тогда объявлялось понимание и принятие ценностей революции, ценностей свободы, равенства и братства. То же самое, по сути, гораздо позднее утверждал и президент США Рузвельт: быть хорошим американцем — значит признавать стремление Америки к свободе и справедливости. Те, кто отрицают базовые ценности американского общества, — неамериканцы. В противоположность американскому президенту, Черчилль во время Второй мировой войны говорил, что даже коммунистические убеждения некоторых британцев, противоречащие самим основаниям английской политической системы, ни в коей мере не делают этих людей неангличанами.

Тем не менее, если понимать нацию в европейском смысле, как продукт продолжительного развития значительной группы людей, обладающей языковым, культурным, религиозным, территориальным единством, то понятие нации и понятие империи действительно сильно различаются. Нации не формируются имперскими методами, хотя нация может быть центром империи или может вырождаться в рамках империи.

Американцы сегодня понимают нацию как государство. Однако можно построить структуру государства, но вряд ли можно построить основание нации. Поэтому, на мой взгляд, под нацией все же следует понимать продукт долгого исторического развития.

С этой точки зрения проблема постимперскости применительно к России состоит в том, что здесь никогда не проводилось четкого разграничения между нацией и империей (государством). Поясню свою мысль на примере. В начале XX века, когда в палате общин принимался бюджет Великобритании, торговля между Индией и Канадой называлась торговлей в пределах нации, однако это была в большей степени риторическая фигура, поскольку англичане прекрасно понимали, что индусы не являются ни британцами, ни членами британской нации. И именно потому, что нация не отождествлялась с империей, распад Британской империи (равно как и Французской и многих других колониальных империй) прошел относительно спокойно: крах империи был болезненным провалом великого национального проекта, но никак не гибелью всей нации.

Искать сегодня прямые аналогии между распадом Британской империи и распадом Советской империи нельзя. Это два разных явления. Когда европейские империи гибли в 1960–1970-х годах, правительства европейских стран предприняли очень серьезные усилия по инкорпорированию в свое общество людей, которые были слугами империи на периферии. Самый либеральный порядок в этом отношении установили голландцы: после провозглашения в Индонезии независимости в Голландию было вывезено 90 тыс. этнических индонезийцев, которые служили голландской администрации и могли подвергнуться преследованию в новой, независимой стране.

России, как наследнице Советского Союза, гораздо сложнее избавиться от своего имперского прошлого. И в этом смысле ее можно сравнить, пожалуй, только с Римской империей, в которой существовало понятие римского гражданства, преодолевшее идею италийского народа, растворившегося в империи. Поэтому крах Римской империи был крахом и италийского народа, и государства как такового.

Что же все-таки мы понимаем под империей и почему так много о ней говорим? Полагаю, потому, что сегодня многие страны проводят политику, отдельные элементы которой дают основание политологам называть ее имперской (но не империалистической). И это очень правильный подход. Имперская политика — это политика абсолютно вульгарного, поверхностного, демагогического использования риторики без всякого сущностного содержания.

Имперскую политику проводит Америка, однако она — не империя, несмотря на то, что может ударить по любой точке планеты. И Россия — тоже не империя. В том и другом случае имперский проект является просто средством идеологической борьбы, причем нынешняя имперская демагогия настолько беспомощна и несостоятельна, что, я думаю, разочарование в ней будет всеобщим и быстрым. Сегодня она способна только дискредитировать любое нормальное начинание.

А. Филиппов, завкафедрой практической философии ГУ — ВШЭ, кандидат экономических наук, профессор

СМЫСЛ ИМПЕРСКОЙ РИТОРИКИ В ТОМ СОЗДАНИИ БАЗЫ МОБИЛИЗАЦИИ ДЛЯ ЭЛИТЫ

Выступления коллег лишний раз доказывают, что ветер эпохи переменялся и разговор об империи может наконец быть разумным, поскольку сам этот термин перестал вызывать однозначные политические эмоции, критические или апологетические. Не так давно, 15 лет назад, нейтральный (хотя и полный сожалений о распаде страны) анализ понятия и реальности империи разумным считаться никак не мог, и применительно к империи можно было говорить только об «имперских амбициях». А теперь мы, в частности, спокойно и взвешенно говорим о том, что империя представляет собой «способ интеграции больших пространств», и это утверждение никем не воспринимается в штыки. Назовем его, в духе времени, *имперским дискурсом*.

Сегодня, как мне кажется, отождествлять имперский дискурс, нейтральные или нейтрально-позитивные суждения об империи с имперскими амбициями было бы не совсем правильно. Есть глупая имперская политика — она неэффективна и ни к чему позитивному не приводит. Однако бывает и умная имперская политика, и вопрос, собственно, в том, нужна ли она сегодня.

Не давая никаких определений империи, я хотел бы остановиться на трех моментах, важных для любого социально-политического образования, поскольку в нем есть власть и люди, которые этой власти подчиняются, и поскольку оно находится в определенных отношениях с другими социально-политическими образованиями. Эти три момента суть *суверенитет, легитимность, солидарность*.

Понятие *суверенитета* неприменимо к империи, в которой есть то, что называется «высшая власть», *suprema potestas*. О суверенитете империи в нашем нынешнем понимании можно говорить только тогда, когда на ее границах есть другие государства, по отношению к которым она себя утверждает. Но границы империи носят динамический характер, и никакой системы взаимных признаний, в отличие от межгосударственной, она не знает.

Был ли Советский Союз суверенным государством? С одной стороны, да, а с другой — почему у этого суверенного государства герб занимал весь мир? Потому что это государство центрировалось вокруг идеи имперской миссии. Не оно первое в истории, и, возможно, не оно последнее, но понять его без этого притязания совершенно невозможно.

Суверенное государство имеет две важные особенности: оно не допускает никакого вмешательства внутри себя и, за редкими исключениями, не стре-

мится вовне, а если стремится, то, значит, претендует на роль империи. Французы отправились за Рейн, когда объявили себя империей. То же самое можно сказать и о немцах. Когда же Франция и Германия перестали быть империями, а стали суверенными государствами, которые гарантированы в своих границах взаимным признанием в большой системе государств, они договорились о том, чтобы спокойно ездить туда-сюда на машинах.

Однако если исходить из того, что существует система территориальных суверенных государств, которые друг друга признают в своих границах, то получается, что наши границы зависят только от признания их другими людьми. Но уверены ли вы, что они будут признавать их завтра? По отношению к нынешней России у меня такой уверенности нет. Изменится ситуация в мире — может измениться и ситуация признания России как суверенного государства в его собственных границах. Значит, ей нужно гарантировать себя внутри своих собственных границ как *легитимную* власть.

Базис легитимности — материя тонкая. И. Яковенко прав, когда говорит, что в больших империях высшая власть носит квазисакральный характер. Пусть в Советском Союзе не было религиозной сакрализации власти, зато были светские заменители сакральной легитимности. Гитлеровская Германия также не была религиозным государством. В обеих империях легитимность власти обосновывалась не божественной благодатью, не священной (в религиозном смысле) миссией — она выводилась изнутри, из самого устройства социальной жизни.

Для больших империй прошлого была характерна одна важная вещь: ни один подданный никогда не соприкасался с центральной властью, с верхушкой. Империи устроены как сложные системы сообществ, которые внутри себя обладают своей собственной системой правил. Поэтому легитимность высшей власти — это одно, а власть, скажем, мастера в цехе или феодала в рамках своих владений — другое, но имперской организации не противоречащее. Вспомните, как у Лескова в «Очарованном страннике» протагонист повествования попадает в заволжские степи: какие-то дикие народы со своими обычаями — где же тут власть императора, где православное государство? И тем не менее это была Российская империя.

Империя так организована всегда. Она не может существовать иначе, кроме как смыкаясь из отдельных, по своим собственным имманентным законам организуемых социально-политических образований со своим собственным базисом легитимности для тех, кто их возглавляет. Политическая составляющая становится видна впоследствии. Иными словами, фактическая легитимность власти в меньших сообществах в тоталитарном политическом образовании может быть почти неотличима от делегированной политической верхушкой легитимности.

И наконец, *солидарность*. Если ее нет – все распадается. Тем не менее имперская идея является в империях базисом солидарности исключительно для имперской элиты. Для всех остальных таким базисом является некая самоочевидность социального мира, в котором они живут и который принимают таким, каков он есть.

Что происходит с империями, когда в них образуются нации-государства? Полагаю, что, когда англичане задавали тему, которую мы сегодня обсуждаем, они имели в виду нацию не как этнокультурное образование, а как государство, потому что в Европе образуются как раз государства-нации, со своим суверенитетом, со своим универсальным базисом легитимности, про который Вебер говорил, что государство внутри определенной географической области является монополистом на легитимное насилие. Именно государство, потому что это гораздо менее располагающее к многообразию социокультурных форм жизни образование, чем империя.

В Европе суверенное государство, сведя к минимуму многообразие социальной жизни, лишив человека сословных и прочих локальных связей, оставило его один на один со своей универсальной мощью. В России была предпринята попытка сделать то же самое: суверенное государство на развалинах империи должно было стать областью унифицированного и безусловного регулирования.

Смысл имперской риторики сегодня состоит в том, чтобы создать базу мобилизации, но не для народа, который к идее империи относился все эти годы и продолжает относиться индифферентно, а для элиты. Это попытка мобилизовать нашу элиту, сплотить ее для решения некой высокой задачи. Но поскольку имперское служение предполагает жертвенность, а наша элита к этому неспособна, то она, безусловно, мобилизоваться не сможет. Так что никакая империя нам не грозит.

В докладе профессора Ливена мне показалось важным акцентирование того обстоятельства, что в отличие от Британской империи наша империя была континентальной и это определило во многом ее особенности. Соответственно, для сравнения с ней предпочтительнее выбирать другие континентальные империи, а не островную Британскую.

Я также обратил внимание на следующее замечание: у Британии была империя, а мы сами были империей. Вот на этом моменте я бы хотел остановиться чуть подробнее, потому что нельзя столь пренебрежительно относиться к логике политических понятий, которая работает даже тогда, когда человек сознательно отрицает ее законы. Итак, что значит «мы были империей»? Кто это «мы»?

Если империей был Советский Союз, то при чем здесь «мы»? С таким же успехом «мы» может сказать любой человек из Украины, Белоруссии, Таджикистана, Латвии, а также всех остальных бывших республик СССР. Или речь идет только о тех, кто остался в нынешней Российской Федерации? Не понимаю.

Или другой вопрос: что понимать под идентичностью? Скажем, что такое имперское ядро, от которого откололась некая периферия? Никакого имперского ядра нет, поскольку его нельзя зафиксировать в качестве некоего материального объекта. Идентичность в социальном мире, в мире политики, это не *что*, а *как*.

Идентичность — это то, что постоянно с большим или меньшим успехом *конструируется*, то, для чего находятся некие опорные точки в истории, причем история при этом также конструируется. В докладе А. Давидсона, в частности, убедительно показано, как конструируется колониальное прошлое теми бывшими частями Советского Союза, которые мы сегодня отказываемся называть колониями.

Они говорят: да, мы были угнетаемы. А что говорим мы? Мы говорим: раньше мы были недемократичны, а теперь наоборот, раньше мы были империей, а теперь... Теперь мы неизвестно кто, но главное — *не империя*. И еще мы говорим, что у нас все хорошо, потому что в России 85% русских. Но откуда взялась эта цифра, кого вообще следует считать «русскими» и на каком основании? На основании отметки в паспорте советского образца, на основании переписи населения? Однако, как социолог, я знаю, что нет ничего невозможного в том, чтобы из тех, кто считается русскими, выделилась уральская нация, сибирская или казачья.

О чем в этой связи имеет смысл говорить? В наименьшей степени — о каких-то готовых состояниях, в наибольшей — о неких открытых процессах, для которых существует не одно, не два, а множество различающихся между собой зерен кристаллизации. Того, что впоследствии может оказаться социальной самоочевидностью, какой для людей моего поколения был Советский Союз — великая континентальная империя.

П. Лейн, (ждем сведений об авторе):

КОСМИЧЕСКИЙ ПЕССИМИЗМ ПО ПОВОДУ ПОСТИМПЕРСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА НЕ КАЖЕТСЯ МНЕ ОПРАВДАНЫМ

Демократия начинается с признания в своих грехах. Я признаюсь в своем имперском прошлом. Моя бабушка родилась в Северной Индии, отец был там же офицером британской армии, старшая сестра вышла замуж за чайного плантатора в Калькутте. В годы войны мы получали посылки из Канады, Новой Зеландии, Австралии, где жили наши родственники.

Последние 40 лет я посвятил в значительной степени тому, что изучал Британское Содружество Наций. Не буду останавливаться на его сходстве и различиях с Содружеством Независимых Государств (СНГ). Но, возможно, мне

удастся простимулировать такие сопоставления. Для этого есть смысл остановиться на истории Британского Содружества Наций и некоторых его проблемах, сделав акцент на том, что и само Содружество, и его проблемы с течением времени существенно менялись. Это важно для понимания процесса деколонизации и особенностей управления им.

Содружество сыграло важную роль, облегчив Великобритании путь деколонизации. Но сейчас она уже завершена. Ни одно правительство нашей страны уже не заявляет, что оно руководит империей. Кстати, и никакая другая страна, что бы ни было на деле, сегодня не согласится с тем, что она «империя».

Если рассматривать сегодняшнюю ситуацию с точки зрения ортодоксальной британской политики, то надо помнить, что существуют три важных элемента внешнеполитических отношений — с США, Европой и странами Содружества. Причем в рамках Содружества главной задачей является поддержание дружеских взаимоотношений. Часто они измеряются количеством выпитого за обедом шампанского. Но определенное политическое влияние Содружество, в котором состоят сегодня 53 страны (на мой взгляд, это слишком много), все же сохраняет, хотя вряд ли оно будет расти.

С каждым годом Содружество становится все менее формальной структурой. Сейчас идут споры по поводу того, когда в нем начали происходить изменения. Но в любом случае очень важным был 1947 год, когда Индия приняла решение остаться в Содружестве. С этого момента оно стало многонациональной организацией и открыло двери для дальнейшей деколонизации.

Другая важная дата — 1965 год, когда был создан Секретариат Содружества. Произошло это по двум серьезным причинам. Во-первых, новые независимые государства — Ямайка, Малайзия и другие — не хотели, чтобы Содружество возглавлялось Великобританией, не хотели всегда встречаться в Лондоне под председательством британского председателя. Они себя ощущали уже членами постимперского клуба. Это не «Британское содружество», а «Содружество наций», говорили они. Во-вторых, сама Британия к тому времени больше не хотела уже возглавлять Содружество и стремилась несколько уменьшить значимость этой организации, а потому с радостью согласилась на такое предложение.

В СНГ тоже существуют формальные структуры. Наверное, есть и какие-то другие сходные черты. Однако хочу отметить, что Секретариат Содружества не всегда хорошо справляется со своими задачами. С чем не возникает проблем, так это с приемом в Содружество «мини-государств»: примерно половину его членов сегодня составляют именно такие малые страны с населением около полутора миллиона человек.

Некоторые историки говорят: чтобы понять империю, надо понять не только формальные, но и неформальные ее аспекты. Конечно, это важно. Когда мы говорим, например, о «Пакс Британика» или «Пакс Американа» (термины, ко-

торые я предпочитаю употреблять вместо «империи»), то должны учитывать различия между формальными и неформальными структурами и взаимоотношениями. Эти взаимоотношения часто не совпадают: от имени формальных структур провозглашается одно, а на деле происходит совсем другое. И всегда важно понимать не только то, что провозглашается, но и то, что реально происходит.

Я не случайно поставил рядом «Пакс Американа» и «Пакс Британика». В чем-то это вполне сопоставимые феномены. Есть такая книга — «Свирепые мирные войны королевы Виктории». В ней рассказывается о тех страшных методах, которые использовались для утверждения и поддержания британского правления в колониях. Но надо учитывать также экономические и социальные аспекты этих процессов: «Пакс Британика» — это не только насилие. Сказанное относится и к «Пакс Американа». Этот феномен надо рассматривать не только как военно-политический, но и как социально-экономический, не только с точки зрения межгосударственной деятельности, но и с точки зрения финансово-экономической и другой деятельности неофициальных неправительственных организаций и их роли в глобализирующемся мире.

Сегодня нередко приходится слышать, что глобализация началась вовремя, что она является своевременной: может быть, в силу ее технологической и технической обусловленности, а может быть и в силу того, что глобализация противостоит национализму — явлению, которое трудно контролировать. Это джин, которого нельзя выпускать из бутылки. Когда он выпущен, он может поселиться где угодно и повсюду порождает нестабильность (а не наоборот, как иногда утверждают). Надо понимать, что борьба народов за самоопределение еще не закончилась. Но в условиях глобализации деколонизация может быть достаточно успешной. Поэтому космический пессимизм или вселенская печаль по поводу трудностей этого процесса, может быть, и не должны нам казаться столь уж оправданными.

И еще один момент. Он касается национального самосознания и национальной идентичности. Это сложный феномен. Он не является ни одномерным, ни неизменным. Когда я был мальчиком, мне было все равно, кем себя считать — англичанином или британцем. Но я бы точно не назвал себя тогда европейцем. А сегодня я воспринимаю себя европейцем. Сейчас, мне кажется, во многих странах, в том числе и в Англии, формируется чувство множественной самоидентификации. И когда мы вспоминаем, скажем, о террористических актах в Лондоне или волнениях в Париже, когда связываем эти события с национальной или религиозной идентичностью, то будем помнить и о том, что идентичность может изменяться, может становиться множественной. Но происходит это не сразу и не всегда быстро.

М. Уринов, декан факультета прикладной политологии ГУ — ВШЭ, председатель фонда «Экспертиза»

НЫНЕШНЯЯ ВЛАСТНАЯ ЭЛИТА ОБЛАДАЕТ ПРОВИНЦИАЛЬНЫМ МЕНТАЛИТЕТОМ

Некоторые конструкции, представленные Н. Тихоновой, вызывают у меня сомнения. Я думаю, что массовое сознание далеко не так рационально и цифры, которые приводились, на самом деле не иллюстрируют в полной мере ни истинных комплексов, ни истинных переживаний, связанных с постимперским синдромом. Просто, когда вы спрашиваете человека на улице, о чем он больше всего беспокоится, он, естественно, говорит о том, что его беспокоит в данную секунду.

Я в огромной степени согласен с Д. Фурманом в том, что касается национализма как долгосрочного фактора, развалившего Российскую империю, а в последующем и Советский Союз. Разница между ростом национализма сейчас и до развала Российской империи, с моей точки зрения, сводится к нескольким пунктам.

Во-первых, до развала Российской империи русский национализм рос как ощущение силы, а сейчас это компенсирует неполноценности, потому что речь идет о стремлении восстановить былое величие.

Во-вторых, процесс развала Российской империи был отягощен тем, что откалывающимся частям особенно было некуда бежать. Ну а сейчас есть куда, потому что с одной стороны интегрируется Европа, а с другой — встает гигантская китайская цивилизация, к которой наши среднеазиатские республики тяготеют куда больше, чем к Москве. Профессор Ливен абсолютно прав, когда говорит, что ситуация в метрополии после развала империи во многом определяется геополитическим контекстом. Так вот наш геополитический контекст сегодня гораздо менее благоприятен, чем он был до 1917 года.

В-третьих, в 1917 году соотношение русского этноса и остальных этносов также было более благоприятным, чем сейчас в Российской Федерации и уж тем более чем будет через 20 или 50 лет.

И последнее — ментальность элит. Когда разваливалась Российская империя, властная российская элита обладала реальным имперским мышлением, впитанным с молоком матери в нескольких поколениях. Нынешняя наша властная элита обладает, я бы сказал, провинциальным менталитетом, что не мешает ей бить себя в грудь и кричать: мы великие, мы империя! При этом ведет она себя отнюдь не по-имперски: ссорится с соседями, пугает их, капризничает, стучит кулаком по столу — словом, делает все, чтобы даже тот, кто никуда бежать не хочет, захотел бы и убежал.

Учитывая все эти обстоятельства, я скорее склонен к эсхатологичности. Мне кажется, что А. Давидсон прав насчет афроазиатизации современной человеческой цивилизации, а мы с нашими постимперскими комплексами в последнее время делаем все возможное для ускорения этого процесса.

Б. Дубин, ведущий научный сотрудник ВЦИОМ:

ДРУГОГО НАЦИОНАЛИЗМА, КРОМЕ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО, В РОССИИ НИКОГДА НЕ БЫЛО

Я не буду вступать в полемику с основными ораторами, тем более что со многими их положениями и наблюдениями я согласен. Просто попробую под другим углом зрения посмотреть на проблематику, обозначенную в названии нашей конференции.

Меня интересует, какие изменения произошли в структуре властных групп на протяжении последнего десятилетия, каковы их взаимоотношения с другими группами, с массой населения и какова роль риторики державы, империи, национальных интересов, национальной безопасности и так далее в этих процессах.

О. Крыштановская, сравнивая в своей книге элиту ельцинскую с элитой путинской, подчеркивает несколько принципиальных изменений: резко сократилось количество людей, окончивших элитарные вузы, резко сократилось количество людей с ученой степенью, резко выросло количество людей, получивших военное образование, и просто людей в погонах, резко выросло количество выходцев из села.

Какие при этом происходили изменения в отношениях элиты с другими группами и с массой населения? Начатки политических механизмов взаимодействия между различными группами и слоями населения фактически полностью сменились административными рычагами. Сегодня мы имеем не политику, а административную политику. В идеологическом аспекте точно так же некоторые начатки динамической риторики вхождения в мир общечеловеческих ценностей, демократических свобод и так далее оказались практически полностью вытеснены охранительной риторикой великой державы, национальных интересов, суверенной демократии, национальной безопасности.

Тут стоит, конечно, подчеркнуть, что возможности выбора между разными ресурсами были ограниченными. С одной стороны, общечеловеческие ценности и социалистические идеи, и за ними фигура Горбачева. С другой — социализм по-советски и коммунисты. От либерально-демократической риторики к середине 1990-х годов население фактически отшатнулось, в частности под влиянием развернувшихся экономических реформ, и остался единственный ресурс — ресурс великой державы. Он, собственно, и был использован уже во

второй срок президентства Ельцина и окончательно укоренился в системах власти в период правления Путина.

Изменения также произошли в уровне и качестве «массовизации» населения. Была создана как конструкция некая другая масса населения. Это население телевизионное, «не участвующее», дистанцированное и фактически объединяющееся с властью, которую, в общем-то, не очень любит, на которую чаще всего брюзжит, в одном пункте: большое коллективное «мы» власть и масса понимают одинаково, а именно как великую державу.

В этом смысле наши данные опросов вступают в некоторое противоречие с теми данными, которые приводились ранее. Опрошенные считают наиболее подходящей для России советскую политическую систему. Они сожалеют о распаде Советского Союза, потому что тогда, во-первых, мы были сильной и единой страной, а во-вторых, в этой стране был порядок. Если бы не перестройка, то, как они считают, все как-то «улучшилось» бы само собой либо осталось бы «как при Брежнев», а это очень даже неплохо, поскольку брежневская эпоха — «золотой век» в сознании нынешней массы российского населения. И главное — мы бы тогда сохранили великую единую страну, в которой был бы порядок.

Иначе говоря, в тех условиях, которые были описаны, мы имеем дело с бюрократическим национализмом, другого национализма в России никогда не было, и все эти идеи выдвигали и отстаивали фракции слабеющей бюрократии. Это во-первых.

Во-вторых, национальное фактически трактуется, а главное прагматически осуществляется как условие для полной деполитизации общественной жизни и публичного поля. Иначе говоря, национальное выступает как антиполитическое. При этом «политическое» в языке власти все больше наполняется смыслом «великодержавное». Отсюда ведущим элементом риторики власти сегодня становится призыв к единению всех: не раскачивайте лодку, не угрожайте нам распадом страны. Это единение против врага, роль которого чаще всего выполняют Соединенные Штаты или исламский терроризм, а объединяет всех фигура единого вождя, за которой нет вторых и третьих, т.е. нет реальных связей этого первого лица собственно с обществом, с массой населения, с его различными группами.

Такая конструкция власти и идеологии крайне неустойчива. Она фактически консервирует разрыв между властью и массой и не предлагает никаких путей выхода из нынешней ситуации, потому что она не мобилизационная и не динамичная, а охранительная и симулятивная.

Материалы некоторых наших опросов дают основания полагать, что по крайней мере порядка трети людей, занимающих элитарные позиции в нынешнем государстве, осознают неустойчивость нынешней конструкции власти. Отсюда озабоченность точкой 2007–2008 годов. Отсюда такое насторожен-

ное поведение в отношении мифических конкурентов, которые даже конкурентами себя не называют. В качестве примера можно привести отношение власти к Украине и вспомнить «дело ЮКОСа». Я бы назвал такую реакцию даже не на угрозу, а на тень угрозы возможной конкуренции и возможной реальной политической жизни мстительной слабостью или мстительным бессилием.

К этому присоединяется «бесланский синдром». До 85% взрослых граждан нашей страны живут с чувством, что они и их близкие могут стать жертвами террористов, что их не защитит ни милиция, ни армия и, если они столкнутся даже с откровенной несправедливостью со стороны нынешних властей, ни суд, ни право им не помогут.

И, наконец, последнее. По нашим данным, именно в последние годы отмечается небывалый рост массовой ксенофобии. Число людей, которые поддерживают лозунг «Россия для русских» и которые поддержали бы действия федеральных и местных властей, пожелай те закрыть путь чужакам в конкретный город или в Россию, превышает 60% взрослого населения. Это реальная цена за такую политику, за такие амбиции, за такое употребление слов «держава» и «империя».

Т. Воробейкина, декан факультета политических наук Московской высшей школы социальных и экономических наук:

ПРИМЕРОВ ТРАНСФОРМАЦИИ КОНТИНЕНТАЛЬНЫХ ИМПЕРИЙ В ГРАЖДАНСКИЕ НАЦИИ В ИСТОРИИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ

Я хотела бы отреагировать на многие высказывания, которые здесь прозвучали, но остановлюсь только на трех тезисах.

Прежде всего, считаю нужным вслед за Э. Паиным поставить под вопрос само название конференции: «После империи». Для России империя – это не прошлое, а настоящее. Более того, в отличие от Паина я считаю, что распад империи продолжается. И свидетельство тому – война в Чечне, грозящая перерасти в «большую кавказскую войну».

На мой взгляд, это имперская война, потому что она ведется за сохранение того, что тот же Паин назвал «имперским телом». За сохранение территорий, которые, согласно и массовому сознанию, и подспудным веяниям, исходящим из власти, являются «нашими», между тем как население, на них проживающее, как бы не совсем «наше». Оно воспринимается как не вполне покоренное, не до конца «замиренное» население.

Мне кажется, что чеченская война и ее ужасающие последствия сопоставимы прежде всего с войнами во французском Индокитае и во французском Алжире и их последствиями. Здесь много исторических совпадений, связанных с болезненностью вооруженного конфликта, с перемешанностью выходцев из

метрополии и коренного населения в зонах противостояния. Возникает вопрос: какая гражданская нация возможна после таких конфликтов? И если даже произойдет очередное замирение Кавказа, будет ли она возможна вообще? У меня это вызывает большие сомнения.

Второй тезис, который здесь был практически общепринят и который мне тем не менее хотелось бы оспорить, — это тезис о бескровном распаде как Британской, так и Российской империи в ее советской ипостаси. Профессор Д. Ливен говорил об индо-пакистанских последствиях распада Британской империи и конфликте в Палестине. Но эти последствия были изначально кровавыми и во многом остаются таковыми до сих пор. Непонятно мне и то, на каком основании считается бескровным распад Советского Союза. Да, бескровно он распался по тем границам между союзными республиками, которые были прочерчены при осуществлении ленинско-сталинской национальной политики. Но если мы посмотрим, что происходило внутри этих границ... Если кто-то забыл, я напому.

Во-первых, Таджикистан, где имел место самый кровавый конфликт, ставший прямым следствием распада Советского Союза. Во-вторых, Грузия и абхазский конфликт. В-третьих, Молдавия и приднестровский конфликт. В-четвертых, армяно-азербайджанский конфликт. В-пятых, та же Чечня, т.е. опять-таки конфликт внутри границ того, что в Советском Союзе называлось союзной республикой (в данном случае Российской Федерацией).

Я думаю, что слова о бескровном распаде СССР — это эвфемизм для обозначения совершенно другого феномена. Это эвфемизм для того, чтобы сказать, что русские, т.е. нация имперская, нация этнического большинства, нигде в республиках против новой местной власти и нерусского местного населения не выступали. Русские, грубо говоря, за обрезы нигде не взяли. За исключением разве что Приднестровья.

Но все это — не бескровность, а череда кровавых конфликтов при особом поведении имперской нации, радикально отличном, скажем, от того, что происходило в Югославии.

И последний тезис, который мне хотелось бы оспорить и который заключается в следующем. Я согласна почти со всем, что говорил Э. Паин. Кроме одного пункта, которым он завершил свой доклад. Он сказал, что переход от империи к нации, к федеративному государству в принципе возможен. При этом нацию он понимает как гражданскую нацию. И я хочу еще раз спросить (для меня это открытый и очень тяжелый вопрос): каким образом империя может трансформироваться в гражданскую нацию? Что будет при этом с тем, что Паин назвал «имперским телом»? А с имперским сознанием?

В своем очень интересном выступлении Н. Тихонова приводила данные опросов, из которых следует, что имперское сознание затухает. Но она измеряла его, спрашивая у людей о том, как они относятся к идее великой державы

и ее восстановлению. Речь идет о Советском Союзе, т.е. о прошлом. Но если говорить о восприятии настоящего, то массовое сознание остается имперским. Оно абсолютно адекватно той конструкции имперской власти, которая воспроизводится в последнее время в России.

Массовое сознание русских воспринимает как чужих не только жителей бывших союзных республик, но и нерусское население Российской Федерации. Оно не делает различия, скажем, между таджикскими рабочими-мигрантами и мигрантами с Северного Кавказа. Это для него одно и то же. То обстоятельство, что это граждане или подданные Российской Федерации, для массового сознания равным счетом ничего не значит. Оно, как и власть, разделяет представления, о которых я уже говорила: территория «наша», а население не «наше» и потому должно быть покорено. И я опять спрашиваю: может ли империя трансформироваться в гражданскую нацию без окончательной этнической фрагментации?

Распад обеих континентальных империй, о которых упоминалось в некоторых выступлениях, а именно Австро-Венгерской и Османской, сопровождался такой фрагментацией. Не только Австрия, но и Турция, несмотря на сохранившуюся курдскую проблему, представляет собой гораздо более однородное в этническом отношении государство, чем нынешняя Российская Федерация. Исторических примеров трансформации континентальных империй в нации просто не существует.

Но я вижу факторы, которые работают в современной России на сохранение империи. Это ядерное оружие. И это сознание россиян, 60% которых в той или иной степени поддерживают лозунг «Россия для русских». Правда, А. Гольц выдвинул сильный аргумент: контртенденцией могло бы стать, по его мнению, изменение принципов формирования российской армии. Но он же убедительно показал, что пока их никто менять не собирается. Поэтому есть все основания усомниться в возможности трансформации у нас империи в гражданскую нацию и федеративное государство и ставить вопрос следующим образом: будущее России — это или сохранение ее как империи, или окончательный распад.

Г. Самаров, президент фонда «ИНДЕМ», кандидат технических наук:

У меня вопрос к тем, кто считает, что Россия движется от империи к нации. Если речь идет о *пути*, на который Россия встала, то каким видится в дальнейшем этот путь? Правомерны ли тут оценки «хорошо» — «плохо»? Например, тот самый «развал страны», которым нас пугают, — это хорошо или плохо? Должны ли мы ставить перед собой задачу сохранения границ или это необязательно?

Э. Паун:

Я назвал свою книгу «Между империей и нацией». Не *от* империи к нации, а *между*. Ничего не предопределено, и совсем необязательно, что Россия при-

дет туда, куда нам хочется. Нельзя полностью исключить, что с ней может произойти нечто похожее на то, что произошло с СССР: летом 1991 года обсуждался вопрос о формировании в Союзе подлинной федерации, а через пару месяцев государство распалось. Хочу, однако, заметить, что идея формирования гражданской нации вовсе не предполагает непременно распада страны на отдельные моноэтнические образования (кстати, чистых моноэтнических государств-наций нигде в мире не существует). Переход от империи к гражданской нации может происходить как движение от принудительных форм объединения к добровольным, например к федеративным. Поэтому идея формирования в некоей исторической перспективе единой полиэтнической российской нации не кажется мне заведомо утопической.

Т. Ворожейкина:

Состоялся ли где-нибудь мирный переход от империи к нации?

Э. Паин:

По большей части империи распались не мирно, хотя Советский Союз распался без войны. Были локальные вооруженные конфликты, но большой войны не было. Другое дело, что далеко не все из новых независимых государств, возникших на развалинах СССР, можно определить как государства-нации, т.е. реально добровольные объединения, основанные на подлинном, а не декларативном суверенитете народа (нации). Некоторые из таких государств можно определить как осколочные империи. Вместе с тем хочу подчеркнуть, что переход от империй к государствам-нациям возможен не только в результате распада больших государств. Так, нынешняя федеративная Германия сложилась в границах Второй германской империи времен кайзера (императора) Вильгельма II и по территории лишь немного уступает Второму рейху. Еще раз повторю: федерация (в том числе полиэтническая, как Швейцария или Индия) — это одна из форм государства-нации. И переход к ней от империи в принципе возможен.

И. Яковенко:

С моей точки зрения, Россия не становилась на путь от империи к нации, и в этом вся трагедия. В ситуацию «после империи» ее поставила всемирная история. Империя распалась, а что делать дальше — непонятно. Не только у власти, но и у общества нет внутренней психологической готовности к самоизменению. Нет и теоретического осознания происходящего. Общество находится в ситуации эмоционального и смыслового освоения дискомфортной реальности. Оно не готово принять нацию как единственный и безальтернативный вариант развития.

А. Пелипенко, главный научный сотрудник отдела теории социокультурных процессов и систем Российского института культурологии, доктор философских наук, профессор

РОССИЯ МОЖЕТ СТАТЬ ТРАНСФОРМИРУЕМОЙ, ТОЛЬКО ПРОЙДЯ ЕЩЕ ОДИН ВИТОК РАСПАДА

Прежде всего, хотел бы отметить, что сам термин «империя» употребляется, как правило, крайне некорректно: совершенно разные вещи сваливаются в одну кучу, в связи с чем возникает множество aberrаций, приводящих к путанице. Я согласен с И. Яковенко в том, что следует различать империи колониальные и империи идеократические — это разные исторические феномены. Согласитесь, что идея ограбления колоний, так или иначе облагороженная ссылкой на «цивилизаторскую миссию», и воплощение на Земле идеократического проекта — это две совершенно разные задачи. Поэтому Англия и Россия, как империи, отличаются друг от друга самым принципиальным образом, и поиски внешнего сходства между ними лишь уведут от сути дела.

Россия, будучи идеократической империей, находится в одном ряду с Османской империей, Халифатом, Византией и некоторыми другими государственными образованиями. Но происходящая сейчас на наших глазах имперская реставрация не из этого ряда. Она какая-то эфемерная, фальшивая и межумочная. Нет ощущения, что это действительно реставрация, а тем более возрождение. Наоборот, кажется, что это некая умозрительная, внешняя, наносная конструкция, которая просто «дожигает», «доиспользует» последние оставшиеся ресурсы. Я имею в виду вовсе не нефтедоллары. Речь идет о ресурсах более глубоких — ментальных, культурных. И все они либо исчерпаны полностью, либо находятся на грани исчерпания. Обратите внимание, с каким упорством современная официальная пропаганда в поисках позитивных мифологем обращается к прошлому. Исключительно к прошлому! В будущее она просто боится заглядывать, потому что как только «кончатся цены» на нефть... Какое уж там будущее...

Говорят о том, что разыгрывается националистическая карта и что национализм в перспективе ведет к межнациональным конфликтам. Это так. Но парадокс в том, что наше неоимперское сознание не может не быть националистическим, а реализация националистических принципов ставит крест на всех имперско-идеократических проектах. Есть выход из этой ситуации? Выхода нет.

Точно так же ни к чему не приведут попытки выстроить империю на основе православия, потому что средневековая нетрансформируемая конфессия не способна в современных условиях «вытянуть» имперский теократический проект, а о коммунистических идеях вообще говорить не приходится. Поэтому о них никто и не говорит.

У идеократии сегодня нет ресурса. А если так, то банкротство всех ее нынешних имитаций — вопрос времени. Да, есть фигура президента, есть какие-то замыкающиеся на нее идеологические построения. Но это, как говорят постмодернисты, «семулякры», некая пустая форма, эксплуатирующая психологическую, ментальную инерцию.

Поэтому я солидаризуюсь с теми, кто считает, что Россия как целое нетрансформируема. Она может стать трансформируемой, только пройдя еще один виток распада, и нынешний политический режим вольно или невольно этот процесс ускоряет. Кстати, хотел бы обратить внимание на то, что о распаде, о котором еще лет пять-шесть назад говорили с каким-то сакральным ужасом, теперь говорят совершенно спокойно. Психологическая готовность к такому развитию событий в обществе постепенно вызревает. Я не хочу давать этому никаких оценок, просто констатирую совершенно реальную, на мой взгляд, перспективу.

Теперь относительно интеграции России в Европу. Эту перспективу можно обсуждать только в контексте глобальных проблем, которые здесь тоже затрагивались. Диспозиция фронтиров, ментальных пространств, которые в ближайшее время мы будем наблюдать в мире, представляется мне следующим образом.

Евро-атлантическая цивилизация уже сейчас раскалывается на два сегмента. Первый включает в себя людей постлогоцентрического сознания, или, как иногда говорят, людей «цифры», идущих на смену людям «слова». Для описания этого качественно нового типа ментальности я использую термин «новая естественность». Второй сегмент — те, кто вслед за Руссо продолжают повторять, что если люди не хотят быть свободными, то надо их сделать свободными силой. Это инерционная, нисходящая ветвь традиционного европейского логоцентризма.

Этому конгломерату будут противостоять худо-бедно объединенные силы другого логоцентризма во главе с исламским фундаментализмом. Это тот тип логоцентризма, который проявляется, грубо говоря, в бросании самолетов на небоскребы. И дело тут не в бедности или каких-то других материальных причинах. Речь идет о взыскании некой божественной истины, которой бросает вызов несправедливо живущий заокеанский «дядя Сэм».

Таковы эти два фронта. Будущее России будет зависеть от того, какую позицию она займет по отношению к ним: или солидаризируется с идущим в последний бой логоцентризмом со всеми его имперско-идеократическими и прочими ценностями, или воспримет новую стилистику жизни, признаки которой мы наблюдаем в глобальных процессах современности. Проблема, однако, в том, что и сама Россия неоднородна.

Часть российского общества давно является «европейской» и уже устала ждать того момента, когда же наконец страна войдет в Европу. Дождется ли? Не знаю. Другая часть населяющих Россию людей, возьму на себя смелость это утверждать, не станут европейцами никогда. Позитивного решения такой мен-

тальный конфликт не имеет. И это еще один, как мне кажется, аргумент в пользу неизбежности дезинтеграции и распада России на регионы, внутри которых будут доминировать те или иные цивилизационные парадигмы. Потому что, повторяю, однородного общества, являющегося носителем какого-то единого умонастроения или каких-то общих для всех ценностей, в России сегодня нет.

И в заключение два частных замечания.

Первое. А. Гольц очень точно охарактеризовал армию как модельный центр империи. Я бы только добавил к этому один культурологический штрих. Армия — не просто модельный центр, но и универсальная форма социализации человека в условиях империи. Однако России при этом еще и очень «не повезло». Дело в том, что в ней на древний, архаический пласт догосударственного общества, т.е. на общинный мир, была крайне неудачно «надета» программа большого общества, программа государства. И этот болезненный разлом воспроизводится на протяжении всей российской истории, проявляясь в бесконечном перетягивании каната между архаичными локальными догосударственными мирами и полудиким деспотическим государством. Армия является одним из мощнейших институтов, адаптирующим к государственной жизни, «приручающим» догосударственного «варвара». Но то, что было возможно раньше, сегодня уже не получается.

И второе замечание. Российская империя — феодальная по своей природе. Феодальная империя — это тот максимум, та самая высокая точка «потолка», до которой Россия может прийти в своем имманентном развитии. Я имею в виду развитие, которое совершается само собой, без участия внешних стимулирующих и подталкивающих сил. Как только это внешнее воздействие прекращается или ослабевает, Россия естественным образом вновь скатывается к форме феодальной империи. А о том, какова может быть судьба такой империи в современных условиях, я уже говорил.

А. Коновалов, президент Института стратегических оценок, кандидат технических наук, профессор кафедры прикладной политологии ГУ — ВШЭ, МГИМО

АРМИЯ «МЕТРОПОЛИЕЙ» НЕ БЫЛА И НЕ ЯВЛЯЕТСЯ

Сопоставлять постимперскую Британию с постимперской Россией в самом деле некорректно и даже, на мой взгляд, бессмысленно.

Во-первых, я не очень уверен, что к России вообще применим термин «империя». Дело не в том, что она принадлежит к иной, чем та же Британская, разновидности империй. Дело в том, что она не вписывается ни в одну из этих разновидностей. Уж больно это странное образование. Хотя бы потому, что никакой метрополии мы в России не найдем. Относительно тезиса А. Гольца, что «метрополией»

у нас была армия, я еще скажу. Так или иначе, мы были — с точки зрения имперскости — очень необычным государством. Представители империобразующей нации — русские были чуть ли не самыми бедными в стране. Так бывает в империях?

Во-вторых, можно ли себе представить такую ситуацию, что в Великобритании на Даунинг-стрит, десять, оказался индус? Полагаю, это абсолютно нереально. А у нас несколько десятилетий в Кремле находился человек по фамилии Джугашвили. Как сказали бы сегодня, «лицо кавказской национальности».

Так что сопоставления не имеют никакого смысла. Известно, что поддержание Советского Союза стоило бюджету Российской Федерации в год в среднем 50 млрд долларов. Никто нам за это не был благодарен, но Россия за это платила. За то, чтобы создать и поддерживать эту мощь, эту новую историческую общность — «великий советский народ». В каких империях бывало такое? Поэтому я и говорю, что к России данный термин неприменим. Россия — уникальное образование с весьма своеобразным способом государственного строительства, предполагающим реализацию какой-то теократической идеи на Земле ради самой этой идеи.

Несколько слов о «теле империи», которому грозит фрагментация по этническому признаку. Предполагается, очевидно, что русскому «ядру» фрагментация не угрожает. Но ведь уже сегодня во Владивостоке 90% молодежи никогда не были в Москве, зато почти все были в китайских или корейских городах. По некоторым оценкам, Дальний Восток и часть Сибири уже сейчас для Москвы потеряны. И такая убежденность нарастает.

Ну и, наконец, по поводу армии, которая была якобы нашей имперской «метрополией», высасывавшей из страны ресурсы. Учитывая нищенские зарплаты наших военных, я бы от таких выводов воздержался. Да, армия была инструментом реализации некой «великой идеи». Но люди, которые использовались в качестве такого инструмента, никакой «метрополией» не были и не являются. Нельзя выделить ни нацию, ни какую-либо массовую социальную группу, которая была бы в этой стране богаче и счастливее других.

В. Кантор, член редколлегии журнала «Вопросы философии», член Союза российских писателей, лауреат премии Г. Бёлля (Германия), доктор философских наук, профессор кафедры истории философии ГУ — ВШЭ

В РОССИИ РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ НАПРАВЛЕНА ПРОТИВ ЕВРОПЕИЗМА

Насколько вообще правомерно все государственные централизованные образования, объединяющие разные народы, называть империями? Полагаю, необходимо различать деспотии, при которых происходит военное подавление

других народов, и империи, при которых народы интегрируются в некое структурное единство — экономическое, политическое, культурное.

Не могу согласиться с тезисом Э. Паина, что «империя — это власть одного». Вспомним классическое определение трех типов правления, предложенное Аристотелем. Он говорил, что есть хорошее единоличное правление (монархия) и есть плохое (тирания). Плохое коллективное правление — олигархия. Хорошее — аристократия. Демократия — скверное народное правление, политика — то, к чему следует стремиться. И империи тоже могут управляться по-разному. Еще Макиавелли писал, что римская империя соединила в себе три положительных качества, а именно единовластие монарха, власть аристократов (сенат) и народных трибунов. Этому ориентиру потом пытались следовать и другие имперские образования, в том числе сегодняшние Соединенные Штаты, где важные роли играют президент, сенат и народные представители из нижней палаты парламента.

А что же в России? Если говорить о схеме «император — аристократия — народ», то начиная с Петра I у нас был император, дворянство выполняло функцию сената, а народа как бы не было вообще. Русский философ В. Вейдле однажды сказал, что Россия стала нацией, не включив в нацию народ. Поэтому и апеллировавшая к нему русская национальная идея была направлена в России не столько против других народов, населявших империю, сколько против европеизма образованных классов и европеизма как такового, который был некой наднациональной идеей.

И так было в России всегда. Во всяком случае, начиная с появления славянофилов — первых русских националистов. Совершенно замечательные и благородные были люди, которые пытались ввести народ в национально-государственную структуру. Но их исходная установка оказалась ложной и привела в итоге к катастрофе начала XX века. Причиной этой катастрофы как раз и стало то, что русский народ был противопоставлен европеизму. Для Петра I европеизм был подобен единой национальности, куда входили все нации. Поэтому и башкиры, и туркмены, и кто угодно могли стремиться к европеизму. Когда же русская нация было противопоставлена Европе, начался полный разброд, была потеряна точка отсчета.

Империя, как показывает исторический опыт, всегда представляет собой инкубатор, в котором вырастают нации. И они выходят из нее, как из Священной Римской империи вышли Германия, Италия, Франция. А советская Россия? Я вспоминаю письмо П. Струве и его недоумение по поводу того, что большевики назвали свою партию «российская социал-демократическая», а не «русская». Они что, спрашивал Струве, претендуют на «имперскость»? Это было еще до Октябрьской революции. А после нее именно идея «российскости», т.е. объединения всех народов воедино, действительно позволила большевикам воссоздать

империю и, строго говоря, продолжить то, что не довела до конца империя Российская — сформировать достаточно большое число независимых наций.

Распад СССР, как и распад Российской империи, тоже был связан с национализмом. Но не совсем в том смысле, в каком здесь об этом говорилось. Распад опять-таки был связан с таким национализмом, который выступил против европеизма. Ведь коммунизм в какой-то степени эту роль — европеизма — все же играл. И никуда от этого не деться! В советские времена в университетах и институтах изучали Гегеля и Канта, изучали европейскую философию. Была и европейская литература, которую тоже читали легально. И было еще обязательное изучение Маркса. Отказ же от марксизма означал отказ от идеи, объединявшей все культуры, все нации.

Повторяю, распад СССР был связан прежде всего с крушением идеологии, которая держала страну. Наднациональной европейской коммунистической идеологии был противопоставлен национализм. Это началось еще со сталинской борьбы с космополитизмом, когда фактически была продекларирована русская идея. Россия, как вы помните, после этого стала «родиной слонов». И данный процесс продолжался и потом. Он потерял свою остроту при Хрущеве, но снова начал набирать обороты при Брежневле. Так происходила идеологическая подготовка будущего распада. Люди не ведали, что творили.

Теперь о настоящем и будущем. Если перестать сквозь шторы смотреть на миграцию и иммигрантов, то придется признать: речь идет о колоссальном процессе, который захватывает не только Россию, но и всю европейскую и американскую ойкумену. Мы должны осознать, что живем в эпоху нового переселения народов. Вспомните, сколько китайцев, японцев, корейцев в Москве. А сколько вьетнамцев здесь живет?

Это переселение народов подобно тому, с чем в свое время столкнулась Римская империя. Она попыталась выплыть на наднациональной идеологии — христианской идее. В конечном счете, эта идеология и позволила привести в некоторый порядок дикие варварские племена, нахлынувшие на Рим. И сегодня сотни тысяч, миллионы иммигрантов можно переварить только с помощью некой интегрирующей идеи.

Какая это идея, национальная? Категорически нет! Может сработать только наднациональная идея, только имперская идея европеизма, которая нисколько не унижает русскую национальность. Тем более что, на мой взгляд, для России существует проблема создания нации из русского народа. Эта проблема до сих пор не решена, потому что ее решение всегда блокировалось. Я уже не говорю о крепостном праве, просуществовавшем до середины XIX века, но весь сталинский период был временем полного уничтожения русского народа, представлявшего собой этнографический материал для реализации амбиций государства.

Эпоха движения народов, в которую Россия, как и Европа, сейчас вошла, требует создания новой имперской программы на основе наднациональной

идеологии европеизма. При этом не следует забывать, что Российскую империю разрушил миф о противостоящей европеизму русской нации. Поэтому я бы лично поостерегся говорить о том, что Россия находится сегодня на пути от империи к нации.

Ф. Шелов-Коведяев, политический аналитик, политический философ, в 1991–1992 гг. первый замминистра иностранных дел РФ, кандидат исторических наук, профессор кафедры прикладной политологии ГУ — ВШЭ, МШЭ

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ИМПЕРИИ И НАЦИИ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ГЛУБОКО ОШИБОЧНЫМ

Начну с благостной картины, нарисованной Е. Гайдаром, когда он говорил, что Ельцину было просто сделать противоимперский выбор. Егор Тимурович в то время решал такие кошмарные экономические проблемы, что не мог следить за перипетиями этого выбора. Между тем тогдашний министр обороны П. Грачев мне прямо говорил, что если я не прекращу мешать ему вводить войска на Украину и в Молдавию, то он устроит мне аварию на одном из перекрестков. Но, слава богу, нас, либералов, не запугаешь. Поэтому ему все-таки не удалось тогда преодолеть «мидовскую» точку зрения. В отличие от более позднего времени, когда я в МИДе уже не работал.

Теперь о том, что мы обсуждаем. Мне кажется, что не совсем правильно выстроен понятийный ряд обсуждения. А поскольку понятия — это символы, а символы формируют свою реальность, то неправильная понятийная ткань мешает нам прийти к пониманию того, что происходит сегодня и что с нами будет завтра. О чем идет речь?

Когда мы говорим об империи, то имеем в виду главным образом внешние признаки. Неустойчивость границ или что-то еще, столь же внешнее. А ведь главное — согласен с В. Кантором — имперская идеология. Но тут требуются уточнения.

Идеология империи — это идеология ответственности. *Rex Romana* — это процветание всех наций под защитой и патронатом «кверитов», то есть римлян. Не в этническом смысле, а в смысле римских граждан. И в этом смысле Рим был империей. В Персии существовала та же идеологема, и поэтому Персия тоже была империей. Британская империя также брала на себя такую ответственность. И досоветская Россия являлась империей, поскольку в ней провозглашалось процветание народов под патронатом русских. А вот Советский Союз — и здесь я с Кантором не согласен — империей не был. Потому что был лишен идеологемы ответственности. В СССР была другая идея, хорошо раскрытая в документах, которые, работая в Институте истории СССР, я знал изнутри. Идея всемирной Республики Советов. При этом

действовала логика противостояния капиталистическому миру, а не логика ответственности. Под патронатом Советского Союза мир не стал бы процветать — это даже не декларировалось. Речь шла именно о противостоянии.

Территориальный же аспект, о котором тоже говорил Е. Гайдар, вытекает из другого и к империи, строго говоря, отношения не имеет. Иван Грозный неспроста возводил себя к римскому императору Августу. Глагол «аугелла» означает «увеличивать», «Аугустос» — тот, кто увеличивает, преумножает. В данном случае имеются в виду территории. Так вот, в русском сознании действительно существует стереотип, согласно которому государство должно преумножать земли. И это колоссальная травма, когда земли уходят! Но к империи, повторяю, это не имеет никакого отношения. Это более глубокий культурный код, и если мы не отчленим его от понятия империи, нам будет трудно понять пути возможной самотрансформации.

Есть еще один важный момент. Я имею в виду парадигму «универсализма» русской культуры, которая тоже глубоко сидит в нашем подсознании. Универсализма в соловьевском смысле, в смысле вселенскости. Ведь не даром же эта концепция была так четко сформулирована русской религиозной философией на рубеже XIX—XX веков. Это шло из глубины культуры. Существенная проблема заключается в том, чтобы развести русскую идею универсализма с отечественной политической практикой. Развести их можно и нужно. Чтобы не было травмы, которая неизбежна при их отождествлении и может в конечном счете привести к гибели страны.

Мне кажется также, что мы напрасно противопоставляем империю нации. Маннергейм не был русским, но когда он весь 1917 год и половину 1918-го носился между Петербургом, Москвой, Киевом и Одессой и пытался сementировать военную элиту для того, чтобы не отдать страну в руки «большеви́чья», он действовал как русский политик. И только поняв, что не сможет помирить генералов между собой, уехал и создал свою собственную страну. Поляк Май-Маевский и тысячи других нерусских генералов и офицеров Белого движения тоже выступали — в понимании того времени — как русские патриоты. Была империя и было общенациональное сознание.

*А. Кузьмичев, профессор кафедры экономической методологии и истории
ГУ — ВШЭ:*

РОССИЮ «ВЫБИЛ» ИЗ КОЛЕИ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОГРЕССА ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ИМПЕРАТОР

Меня не убедили прозвучавшие здесь мнения о неправомерности сопоставления Британской и Российской империй. На мой взгляд, оно не только возможно, но и аналитически продуктивно.

Что общего было между этими двумя империями? Общее обстоятельство — время начала преобразований, точка отсчета в создании империй. В Британии это была «славная революция», заложившая основы гражданского общества и, как полагает В. Ростоу, предпосылки к устойчивому экономическому росту. Произшедшая в конце XVII века, она, как отмечал видный европейский исследователь Р. Камерон, стала поворотным пунктом не только в политической и конституционной истории, но и в истории экономической. Именно после нее в Британии был создан институт консолидированного государственного долга, основан Английский банк, возник организованный рынок как государственных, так и частных ценных бумаг. Более того, выработка экономической политики не являлась прерогативой монарха и его фаворитов, а осуществлялась с учетом различных и часто конфликтовавших интересов тех групп (высшей аристократии, джентри, богатых купцов, специалистов, придворных и др.), которые были представлены в парламенте.

Россия времен «славной революции» тоже стояла на распутье, ей тоже предстояло выбрать свой исторический маршрут. Реформы, проведенные в годы царствования Алексея Михайловича, лишь наметили путь к построению гражданского общества. Соборное уложение, даже неуклюжая попытка проведения денежной реформы и другие начинания были во многом схожи с преобразованиями, происходившими в передовых странах Европы. Однако царствование Петра Первого, провозгласившего себя императором, «выбило» Россию из колеи европейского прогресса.

Главным отличием от имперской Британии стала не только абсолютная власть российского самодержца. На долгие годы, на целые столетия в стране оказался в забвении институт, цементирующий европейское общество, — институт частной собственности. Практически вся последующая история России представляла собой робкие попытки вернуть этот институт обществу со стороны власти. Но даже великая реформа позапрошлого века, устранившая крепостное право и давшая свободу частному предпринимательству, сделала лишь города очагами экономического роста. Короткий промежуток начала прошлого столетия, связанный с созданием Государственной думы и столыпинскими аграрными преобразованиями, позволил этому институту доказать свою эффективность. Однако Первая мировая и Гражданская войны привели к тому, что он снова был упразднен.

Хочется отметить, что и переход от «военного коммунизма» к нэпу в начале 1920-х годов, и горбачевская «перестройка» 1980-х диктовались необходимостью реабилитации отвергнутой частной собственности. И, будучи даже частично возвращенной в экономическую политику, она вновь доказала свою эффективность. Однако окончательно утвердиться в России ей не удалось до сих пор.

Институт частной собственности, встроенный в институты гражданского общества, позволил Британии достаточно мягко перейти от империи к новому обществу во второй половине минувшего века. В России, повторяю, и сейчас этот институт все еще скорее виртуальный, чем реальный. Более того, ни государство, ни политические партии даже не декларируют защиту частной собственности в качестве основного направления своей политики.

Остается лишь надеяться, что укоренение этого института все же произойдет и позволит не только успешно решать вопросы текущей экономической и социальной политики, но и успешно интегрировать экономику страны в глобальную мировую экономику. В противном случае перспективы постимперского развития России выглядят более чем сомнительными.

Л. Васильев, завкафедрой истории ГУ — ВШЭ, доктор исторических наук, профессор

ВМЕСТО ИМПЕРИЙ ПОЯВИЛИСЬ И БУДУТ ПОЯВЛЯТЬСЯ СУПЕРДЕРЖАВЫ

Я внимательно выслушал выступавших и пришел к выводу, что здесь в основном собрались люди, стремящиеся разобраться в исторических корнях. И, в принципе, это хорошо. Исторический контекст многое дает для объяснения сегодняшнего дня, и я, как историк, это понимаю. Но остается открытым главный вопрос: а что же все-таки дальше? И насколько важна и нужна нам сегодня история, учитывая, что история империй закончилась?

Эта история началась очень давно. Может, во времена Рамзеса II, может, во времена ассирийского Саргона. Возможно, что лучшую империю создал Кир II Великий, на чем ближневосточные империи завершили свое существование. Я имею в виду Древний Восток. Потом было несколько средневековых империй. Одной из самых сильных был исламский Халифат. Потом — империи нового времени, о которых выступавшие чаще всего и говорили. Но сегодня живых империй уже нет. И вопрос стоит так: может ли наша страна вернуться к состоянию империи?

На мой взгляд, это исключено. Причины, по-моему, достаточно очевидны. Та сила, на которой держалась империя — и русская империя до революции, и империя большевистская, — себя исчерпала. А случилось это после того, как Сталин решил отказаться от курса на перманентную революцию во всем мире и сделал ставку на создание изолированной страны, которая стала бы сильнее всех и смогла бы силой завоевать мир. Кроме СССР в XX веке была еще гитлеровская империя, о которой почему-то никто не вспоминал. Может быть, потому, что она была эфемерной. И была японская империя, такая же эфемерная.

Но это все — XX век. А что будет в двадцать первом?

Уверен, что никаких империй больше не будет. Вместо них уже сейчас существуют и, возможно, и дальше будут появляться державы. Или, точнее, супердержавы типа американской, китайской, индийской. И еще исламской.

Индийская супердержава уже существует и на наших глазах добивается огромных успехов. Кстати, она наиболее симпатичная из всех, на мой взгляд. И здесь постарались англичане. Их принято считать колонизаторами, которыми они, разумеется, были, как принято и клеймить за то, что они ими были. Клеймить тоже есть за что. Но в целом они сделали из Индии «конфетку». Они дали Индии свой язык, без которого она с трудом находила бы общий язык со всем миром. Они дали Индии свою парламентскую «вестминстерскую» демократию, без которой кастовой Индии гораздо труднее было бы найти свой способ государственного существования. Во всяком случае, я бы на месте Индии англичан поблагодарил.

Существует, далее, китайская классическая держава, которую я сам всегда называл империей, используя привычный термин, хотя Китай как империя несколько отличается от всех тех, что здесь упоминались. Но и к ней больше подходит термин «супердержава». Я имею в виду ее блестящие потенции.

Есть американская супердержава — она остается первой и будет первой. Пытается стать супердержавой Европа. Пока она в процессе, который неизвестно чем закончится. Можно рассчитывать, что он завершится успехом. И, наконец, исламская супердержава.

Я и в данном случае сознательно избегаю слова «империя». Не потому, что исламский мир не похож на ту же Британскую империю. Чем-то похож: в этой империи солнце никогда не заходило, потому что она была клочками разбросана по всему земному шару — точно так же, как сегодня исламский мир. Но Британская империя реально существовала. Британия была метрополией, Британия была хозяином империи. У современного исламского общества, у великой исламской «уммы» метрополии нет. Но вместо метрополии у них есть то, чего нет ни у кого другого, даже у китайцев, хотя у китайцев есть многое, что компенсирует исламскую силу.

У ислама есть великая идея. Это самая великая и сильная идея, которая есть в современном мире. Вы не найдете больше никакой другой, которая спокойно посылала бы людей на смерть, а они принимали это с готовностью, иногда даже с удовольствием, только чтобы сделать сильнее то, что является «уммой». То, что может стать при некоторых обстоятельствах чем-то вроде халифата.

Это сегодня самая активная сила. Это сегодня самая жесткая сила. Это сегодня самая угрожающая миру сила.

Совсем недавно не такой уж, я бы сказал, обычный человек, а президент довольно большого государства Иран заявил, что он не остановится перед тем, чтобы сбросить с лица Земли одно маленькое государство Израиль. А там, воз-

можно, придет очередь и какого-нибудь государства побольше. Ну, предположим, этот президент сказал глупость, президенты иногда говорят глупости. Тем не менее сам дух таких заявлений свидетельствует о том, что создается супердержава. И нельзя на это не обращать внимания. Нельзя, как это делает иногда наше руководство, говорить о каких-то неопознанных международных террористах, каких-то неизвестных нам разрозненных силах...

Да, отнюдь не все мусульмане готовы объединиться, чтобы взрывать поезда в лондонском метро или вокзалы в Мадриде. Отнюдь не все. Но сколько было большевиков в феврале или в октябре 1917 года? Я думаю, сегодня радикальных мусульманских фундаменталистов гораздо больше. И средств у них больше. И условия для деятельности более благоприятные.

Моя основная мысль сводится к тому, что наше будущее должно быть рассмотрено совершенно в другом плане. В плане того, что в перспективе мы будем иметь все большее количество, как сказал А. Давидсон, афро-азиатских сверхдержав. В том числе — все более сильную и все более неуловимую сверхдержаву исламскую.

Это серьезно. И если об этом задуматься, то внутренние проблемы нашей страны отойдут на второй план. Может, она проживет двадцать лет, может — пятьдесят... Конечно, для людей это существенно — двадцать или пятьдесят лет, но для истории не так-то уж и много. А мировые процессы развиваются стремительно, и то, что может быть во второй половине XXI века, выглядит не очень оптимистично. Не только для нашей страны, но и для нее тоже.

И. Яковенко

НА СМЕНУ ИМПЕРСКОМУ ПРОЕКТУ ДОЛЖНА ПРИЙТИ НОВАЯ ФОРМА ИНТЕГРАЦИИ

Начну с частного замечания по поводу той части доклада профессора Д. Ливена, которая касалась Австро-Венгрии. Источники, которыми я располагаю, не свидетельствуют о том, что там не было имперской идентичности. Да и вообще, трудно представить себе государство, в котором не существует идентичности, которое собирается только силовым способом. Такие организмы нежизнеспособны.

Ситуация, которая сложилась после Первой мировой войны, чрезвычайно интересна, и прежде всего для современной России. С моей точки зрения, немцы в Германии, Австрии и Чехословакии не приняли итогов Первой мировой войны, не приняли распада имперских организмов. И в этом ключ к пониманию развития ситуации в дальнейшем. К 1 сентября 1938 года Гитлер выполнил все задачи формирования национального германского государства, и если

бы цели немецкого народа лежали в плоскости национальной консолидации, то Второй мировой войны удалось бы избежать.

Начало этой войны было началом создания великой континентальной империи. Иными словами, немцы не принимали национальной перспективы. Понимание этого в высшей степени важно для России. Нам надо помнить, что лишь военная катастрофа перевела немцев от мышления в рамках имперской модели к мышлению в рамках модели национального государства. Это в высшей степени поучительный и тревожный прецедент.

Что касается доклада А. Давидсона, то в нем сводятся воедино процессы разного характера. На мой взгляд, возможна другая теоретическая интерпретация тех реалий, о которых идет речь.

Прежде всего, мы с вами живем внутри евро-атлантической христианской цивилизации и, как люди христианской по генезису культуры, видим реальность в эсхатологической перспективе, даже если не отдаем себе в этом отчета: сейчас все плохо, а завтра все рухнет. В этом отношении прогнозы Шпенглера и масса построений других авторов, которые говорят о закате Европы, мне представляются вещью прецедентной и отражающей специфику мышления гораздо в большей степени, чем реальные исторические процессы.

В некоторой перспективе справедлива безусловная максима философии — все, что имеет начало, имеет и конец. С этих позиций и любая нация, и любой народ, и любая государственная форма конечны. Другое дело, что этот конец не надо мыслить эсхатологически. Надо понимать, что рядовой обыватель, живший в конце V века на территории Галлии или даже самой Италии, понятия не имел о том, что Римская империя закончилась в 476 году. Процессы исторической динамики идут континуально, это наше восприятие нагружает их совсем другими «картинками».

Распад империй — абсолютно закономерный процесс. В XX веке распались все империи, может быть, за исключением Китая, который, с моей точки зрения, также является империей. Однако империя — это одна из стратегий интегрирования больших пространств. Сама по себе интенция к интегрированию больших пространств есть константа и универсалия исторического развития человечества. Поэтому со «снятием» империи как исторически конкретной формы интегрирования приходят другие формы интеграции.

Мне думается, что глобализация, расширение ЕС и все то, то, что мы сейчас наблюдаем в Европе, как раз и представляет собой эти новые формы, идущие на смену имперскому проекту и находящиеся в стадии отработки. Возможно, какие-то из сегодняшних институтов отомрут или существенно изменятся, но новое качество, адекватное современной ситуации, сохранится. Эти новые институты не лучше и не хуже привычных нам имперских моделей — просто они адекватны сегодняшней реальности.

Теперь относительно претензий бывших колоний к бывшим метрополиям. История человечества показывает, что с конца палеолита и по мере продвижения к исторической эпохе мера гетерогенности человечества нарастала. Стало быть, закономерно возникают более продвинутые и менее продвинутые, более богатые и менее богатые, более удачливые сегодня и менее удачливые. Конфликт между стадияльно обгоняющими и отстающими есть рутинная константа истории. Чего-то прецедентного в этом отношении я не усматриваю. Думаю, что такой конфликт возникал, возникает и будет возникать.

Несколько слов по поводу возможного изгнания белых из Африки. Мы ведь понимаем, что за этими процессами последуют падение жизненного уровня, крупные катастрофы и политики типа Р. Мугабе. В конечном счете эти политики будут искать политического убежища в Европе от своих разгневанных сограждан. И поэтому я убежден: подобные процессы надо рассматривать в более широкой перспективе. Будем отдавать себе отчет в том, что без технологической, финансовой, организационно-технической помощи европейских стран, без европейской медицины страны «третьего мира» рухнут, потеряют до трех четвертей своего населения, будут отброшены к порогу биологического выживания. И это понимаем не только мы, прежде всего это понимают элиты бывших колоний.

Я не думаю, что процессы, о которых мы говорим, следует предельно драматизировать. И заметим, что претензии бывших колоний к метрополиям наиболее громко звучат в странах относительно маргинальных, проигрывающих, бедных. Реальные конкуренты Европы и Америки — я имею в виду «новых тигров», Китай, Японию — как правило, уходят от подобной риторики. Это либо несостоявшиеся империи, как Япония, либо актуальные империи, как Китай. И в целом эти страны озабочены совсем другими проблемами. Их реальность диктует другие отношения с евро-атлантической цивилизацией.

Другое дело, что есть проблемы демографического перехода, которые резко изменили соотношение белой расы и остальных рас, существующих на земном шаре. Но, как я понимаю, демографический переход — это некоторый конечный процесс. Однажды он, по логике его развития, завершится, и возникнет некоторая новая ситуация. Для меня очевидно, что мир белого человека, который не так давно доминировал не только политически, но и численно на Земле, окажется в новой реальности, контуры которой из сегодняшнего дня не видны.

В то же время история убеждает меня в том, что мигранты, входящие в стадияльно более продвинутую культуру, рано или поздно осваивают ее ценности, принимают их с большей или меньшей кровью. В этом смысле Европа существенно сохранится. Возможно, в другом расовом составе, в других, варваризированных, языках — вспомним, как сильно отличалась в этом отношении Европа нового времени от Европы римской. Однако она останется как источник динамики, как сущность, которая порождает свободного автономного человека.

В этом убеждении я черпаю свой осторожный исторический оптимизм. Правда, сегодня мы переживаем кризис либеральных и демократических ценностей. В докладе А. Давидсона упоминаются правые силы в Европе, реакция на массовую миграцию с мирового Юга. Это большая специальная тема. И рассматривая эту тему, обращаясь к кризису просвещенческой, либеральной идеологии, демократической идеологии, могу сказать только, что все мы принадлежим к какой-то системе ценностей. Эмпирически я либерал. Но я также историк, и, как историк, я понимаю, что любая идеология, любая система мифов исторически изменчива.

По всей видимости, новая реальность будет вносить какие-то коррективы, которых мы не можем себе до конца представить. Одна из главных истин, которую я осознал, состоит в том, что новое всегда отрицает старое. Единственный способ остаться на Земле — измениться. Этот процесс мучителен для каждого из нас, но он неизбежен. А задача интеллектуалов еще и в том, чтобы пытаться осознать логику этих изменений. Они происходят, причем прямо на наших глазах. Однако мы их не всегда замечаем.

Е. Гайдар выразил надежду на то, что имперское сознание вылечит время. Но оно ведь уже лечит! Отпадение от Москвы внешнего пояса восточноевропейских «народных демократий» и Прибалтики уже ассимилировано русским сознанием. Отпадение Средней Азии — тоже. Почти ассимилировано отпадение Закавказья. Что остается? Остается представление о славянской целостности, включающей в себя, наряду с Россией, Белоруссию и Украину. Может быть, сохраняются — во многом благодаря нашим СМИ — надежды на возвращение Приднестровья, Южной Осетии и Абхазии. Что еще? Больше ничего. Иными словами, за каких-то 15 лет произошло иссякание пространственного измерения имперской идеи. А о том, что частью империи когда-то были Финляндия и Польша, и вообще мало кто помнит.

С. Гавров, замдиректора Независимого института гражданского общества, ведущий научный сотрудник Российского института культурологии, доктор философских наук

ПРОЕКТ НОВОГО РОССИЙСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА ПОТЕРПЕЛ ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Тема империи и постимперского развития включает в себя еще один аспект, который пока не затрагивался. Я имею в виду проблему международного лидерства. Эта проблема сегодня, как, впрочем, и в иные исторические эпохи, не имела и не может иметь легкого и волюнтаристического решения. Попытка достижения лидирующих позиций должна быть подкреплена значительным

социокультурным превосходством над предполагаемыми контрагентами, локальным выражением которого служат имеющиеся в наличии инновационные технологии и мощный инвестиционный потенциал. Стремление к формальному и неформальному лидерству неотделимо от формирования поля притяжения и симпатии, позиционирования себя как референтного, модельного образца для мира в целом и/или его отдельных регионов, образца желаемого состояния государства и общества. Именно достижение таких референтных позиций позволяет транслировать ближним и дальним народам свои нормы, ценности, модели повседневного поведения.

Такое коллективное лидерство демонстрируют страны старой Европы, своими успехами создавая пример для подражания, вызывая желание приобщиться к этим успехам, интегрироваться в межгосударственную систему, способную содействовать развитию менее развитых государств. Во многом на подобных основаниях строится как рациональное и осознанное, так и подсознательное стремление к европейской интеграции во второй половине XX – начале XXI века.

Сегодня мы видим все большую институциональную экспансию Европы, когда расширение Европейского союза на восток охватывает все новые и новые регионы, в том числе и те из них, которые никогда не относились к «традиционной» Европе. Наблюдаемое расширение европейских границ беспрецедентно, но еще более любопытны возможные будущие трансформации ЕС. Я имею в виду ту настойчивость, с которой стремится в объединенную Европу Турецкая Республика. Стремится вопреки модным концепциям столкновения цивилизаций и культур. Стремится, несмотря на свое конфессиональное прошлое и настоящее и свою имперскую традицию, с которой так последовательно и убежденно боролся турецкий реформатор-западник К. Мустафа (Ататюрк).

Не так давно в Москве с лекцией «Дилеммы европеизации в свете соперничества внутри элит», посвященной сравнению турецкого и российского модернизационного опыта, выступил основатель Стамбульского центра политических исследований А. Эвин. Совпадений здесь, наверное, больше, чем различий, но относятся эти совпадения скорее к имперскому периоду существования России и Турции. Только в Турции имперская традиция прервалась в начале 20-х годов прошлого века, а в России империя просуществовала еще порядка 70 лет.

Главное отличие между российской и турецкой политической и культурной элитами, несмотря на определенное сходство социокультурной традиции, включающей в себя длительные периоды авторитаризма и имперскости, заключается в следующем. Турецкая элита со времен Ататюрка искренне стремится на Запад, в Европу. Уже несколько поколений представителей турецкой элиты, не только гражданской, но и военной, получили полноценное западное

образование, проходя полный курс обучения в ведущих университетах и военных учебных заведениях Европы. Продолжительность этого процесса в течение многих десятилетий приводит к прогрессирующей европеизации турецкой элиты. Сегодня европейская идентичность – это во многом ее собственная идентичность, укоренившаяся так глубоко, что она готова к ее защите всеми возможными способами, включая использование военной силы.

Мы знаем из истории, что при малейшей угрозе со стороны исламистов, опирающихся на традиционалистски ориентированную часть турецкого народа, в дело всегда вступала турецкая армия, которая на протяжении десятилетий была и остается оплотом турецких западников, силой, гарантирующей западный, светский путь развития страны. Так меняется мироощущение элиты, а она, как правило, первой меняет свою культурную и даже религиозную идентичность.

В российском случае легко прослеживается воспроизводимое при различных исторических и социокультурных обстоятельствах стремление к сохранению своей личности, самости, поиску некоего мифического «третьего пути», стремление остаться конкурирующей с коллективным субъектом Запада силой. Имперскость как идеология и империя как физическое и социокультурное образование вполне способны служить этим априорным, в чем-то даже подсознательным целям части российского истеблишмента. При наличии такой самовоспроизводящейся картины мира империя выглядит великой ценностью, поскольку именно имперские ресурсы могут вывести военно-политическое, экономическое и культурное противоборство с Западом за рамки ситуации заведомо анекдотичной. Заметим, что именно поэтому современную постсоветскую Россию, во всяком случае ее политическую и военную элиту, так тянет к созданию квазиимперской группировки из стран-сателлитов.

Полагаю, что в результате «оранжевой революции» на Украине проект нового российского империализма потерпел не локальное и поправимое, но окончательное и бесповоротное поражение. Другое дело, что геополитическая игра на постсоветском пространстве еще до конца не сыграна, и здесь нас могут ожидать некоторые неожиданности. Часть российской политической и силовой элиты берет отчетливо просматриваемый курс на установление еще более жесткого, чем сейчас, авторитарного правления. Известно, что подобное тянется к подобному. Поэтому неизбежен поиск Москвой тех режимов и политических лидеров за пределами России, которые сами исповедуют ценности авторитаризма, самобытности, противостояния Западу во всех сферах жизни. Но выбор невелик, если он вообще есть. Ну, два-три лидера, в прочности политического положения которых вполне возможно усомниться уже сегодня.

Можно, конечно, попробовать сыграть ва-банк, как сыграл уже господин Милошевич, провести несколько последних арьергардных боев и даже выиграть какие-то из них. Но современное состояние дел в мире таково, что в борь-

бе с коллективным субъектом Запада можно выиграть, если очень повезет, отдельные «бои», но нельзя выиграть противостояние в целом. Чем смелее, «куражнее» будут играть против западных институций и западной культуры авторитарные элиты на постсоветском пространстве, тем выше будет уровень конечных издержек как для них, так и для народов этих стран.

Парадокс истории заключается в том, что чем более бесшабашно и жестко играешь, тем быстрее попадешь в Гаагу, и отнюдь не в качестве беззаботного туриста. Конечно, пенитенциарные учреждения в Евросоюзе несколько лучше аналогичных заведений в России и других странах СНГ, но все же... Кроме того, на примере Милошевича видно, что заработанные непосильным трудом деньги хранятся в западных банках, которые совсем не свободны от политической конъюнктуры. При рассмотрении этих ограничений на пути волюнтаристской внутренней и внешней политики становится более понятно стойкое нежелание Э. Шеварднадзе, Л. Кучмы и А. Акаева играть жестко, использовать в борьбе с народными революциями спецслужбы и армию. Возможно, не все еще забыли и о судьбе К. Чаушеску...

Думаю, что главными позитивными стратегическими внешнеполитическими целями для народов европейской части постсоветского пространства является интеграция в ЕС и НАТО. Такого рода интеграция не только означает изменение геополитической ориентации и внешней политики в целом, но и изменение внутреннего положения, включающего в себя демократизацию, соблюдение прав человека, выравнивание социокультурного пространства по европейскому образцу. Я не питаю иллюзий в отношении легкости этого пути, понимая, что каждый успешный шаг в направлении европейской интеграции потребует изменений как на ментальном, так и на институциональном уровне. Но надо осознавать не только сложность задачи, но и ее практическую разрешимость в не столь отдаленной исторической перспективе.

Исторической альтернативой такому развитию событий на постсоветском пространстве служит вариант имперской реставрации, несовместимый с политической демократией, соблюдением минимального набора демократических прав и свобод. Попытки имперской реставрации ведут к неизбежному сужению личного жизненного пространства каждого, радикально уменьшают вероятность самореализации человека практически во всех профессиональных сферах кроме тех, что прямо или опосредованно обслуживают интересы неимперского государства. В нем всего два главных действующих лица — чиновник и силовик (человек с ружьем) и на подхвате — обеспечивающее идеологическое прикрытие для «активных мероприятий» новое поколение пропагандистов и агитаторов. Но, как показывает исторический опыт, народы рано или поздно мириться с этим отказываются.

С. Вебер, старший лектор по международной безопасности центра российских и восточноевропейских исследований Бирмингемского университета (Великобритания)

В ПОСТМИЛИТАРИСТСКОМ ОБЩЕСТВЕ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАТРИОТИЗМ УЖЕ НЕ СЧИТАЕТСЯ ВАЖНЫМ КАЧЕСТВОМ

Здесь говорилось о роли милитаризма в современной России. Но военные организации являются ключевыми в любых постимперских ситуациях, потому что именно они доминируют во всех империях. Я не знаю ни одной из них, которая существовала бы без мощной военной машины и в которой машина эта не являлась бы основой государственного устройства. Вот почему я считаю, что в постимперский период надо особо исследовать взаимоотношения общества и военных организаций. Это, повторяю, ключевой момент.

В течение последних 15 лет я участвую в таком исследовании. Оно включало в себя и достаточно широкий четырехлетний проект, который мы реализовывали в России, Германии и Великобритании. Нас интересовало отношение общества к вооруженным силам и проблемам безопасности.

Россия, Германия и Великобритания были выбраны потому, что это крупные постимперские державы, которые можно было сопоставлять. Мы хотели выяснить, как и в какой степени военные организации воздействуют на общество и его институты — политические, экономические и другие, и пытались определить признаки сдвигов к тому состоянию, которое мы называем постмилитаристским обществом.

Этот термин заимствован нами у М. Шоу, профессора из Великобритании. Его книга так и называется — «Постмилитаристское общество». Она вышла в 1991 году, когда официально заканчивалась холодная война. Начиная тогда же, в начале 90-х годов, свое исследование, мы предположили, что окончание холодной войны будет сопровождаться определенными последствиями, а именно будут сокращаться размеры вооруженных сил, уменьшится их влияние на общество, на политические и финансовые структуры, а со стороны общества и определенных групп активистов, в свою очередь, будет нарастать давление, направленное на изменение военного аппарата, обеспечение уважения прав человека в армии, а также включение в нее тех групп, которые ранее лишились возможности служить (например, женщин).

Все это имеет прямое отношение к формированию постмилитаристского общества. Ведь если крупномасштабные конфликты между странами остаются в прошлом (а именно такое допущение мы делали), если действительно военные утрачивают свое прежнее значение, то это приводит к значительным изменениям. Потому что в первый раз за тысячи лет люди, особенно молодежь, мо-

гут не беспокоиться о том, что их пошлют на войну. Я принадлежу к тому поколению, которое вынуждено было постоянно думать: а будет ли конфликт между ведущими державами мира? И я всегда считал, что меня могут забрать в армию. Но в последние годы произошли изменения, которые делают возможными фундаментальные перемены в жизни общества.

Почему, например, повышается роль в нем женщин? Потому что роль военных, которая раньше была очень большой, уменьшается. Это открывает также возможности для более широкого участия общественности в принятии решений. Одна из причин, по которой она была в этом ограничена, — интересы безопасности, наличие такого феномена, как военная тайна. Многие организации закрывали свои данные, но сейчас, когда угрозы больших войн не существует, ситуация может измениться. И в каждодневной общественной и государственной жизни граждане смогут принимать более активное участие. Есть достаточное оснований для того, чтобы на это надеяться. Скажем, в большинстве своем военные считают, что они мало получают. Они всегда недовольны своими заработками и умеют добиваться их увеличения. Однако теперь они и в этом отношении поступают под большой контроль со стороны гражданского сектора.

Есть и еще один существенный момент, касающийся военных организаций. Самосознание военных всегда базировались на национальном признаке, а понятие патриотизма играло очень важную роль в поддержании милитаризации. В постмилитаристском обществе национальный патриотизм уже не считается таким важным качеством, как раньше, и поэтому появляются возможности для формирования транснациональной идентичности. Это влияет на военные организации в том плане, что некоторые европейские правительства (не английское) говорят о транснациональных силах в Европе. Понятно, что такая армия должна основываться уже не на патриотизме, а на чем-то другом. И это очень важное изменение.

Не могу не сказать и о том, что исследование военных организаций — дело непростое. Сколько раз, когда я начинал говорить с военными, они замыкались в себе, потому что считали, что я недостаточно патриотичен. Но ставить и обсуждать эти вопросы необходимо, поскольку они касаются не только военных, но и фундаментальных проблем взаимоотношений военных и общества. Существуют политические, социальные, культурные аспекты и параметры их взаимодействия. И если речь идет о трансформации милитаристского общества в постмилитаристское, то все эти аспекты и параметры должны трансформироваться тоже. Милитаризм связан с идеологией и соответствующими эмоциями, с идеей защиты от внешних военных угроз. Постмилитаристское общество, напротив, ориентировано на защиту от милитаризма в условиях, когда такие угрозы минимальны или отсутствуют вообще. Но такая ориентация не сразу и не везде становится доминирующей. Скажем, Швейцария — одна из европейских стран, которая является милитаризированной. В том смысле, что оп-

ределенное количество молодых людей начиная с определенного возраста должно пройти военное обучение. Но есть ли какая-то серьезная военная угроза для Швейцарии? Нет, такой угрозы не существует. И тем не менее милитаризация сохраняется.

В данной связи правомерно говорить и о военном компоненте гражданства. Как милитаризм влияет на жизнь людей, на их гражданское сознание? Как он влияет на вас, россиян? На нас, британцев? Например, военная культура и военная символика. Вещи, которые мы даже не замечаем. Между тем в Лондоне многие памятники посвящены военным победам, а не каким-то культурным или научным достижениям, и люди даже не отдают себе в этом отчет — это просто часть их жизни. Как эта военная символика влияет на них и влияет ли? Это важно знать. Еще более важно знать, насколько часто человек контактирует с военными организациями и как они на него воздействуют. Знает ли он людей, которые служат в армии? Какое влияние с их стороны испытывает?

Ответы на эти и многие другие вопросы мы и пытались получить в ходе исследования. Кстати, при его проведении не Россия и не Германия проявляли наименьшую предрасположенность к сотрудничеству с нами. Догадаетесь, о какой стране я говорю?

Дело в том, что в Британии еще остаются секреты, касающиеся военных организаций, и с этим надо бороться. Ведь нам даже не разрешают иногда задавать военным определенные вопросы. Вместе с тем в Британии, к нашему удивлению, гражданское население оказалось очень плохо осведомленным в интересовавшей нас тематике. Наша молодежь ничего не знает ни о милитаризме, ни о военных, и ее это не волнует. Для нас это было откровением.

В России, конечно, не так, поскольку военные играют очень важную роль в вашей стране. Долгое время военных у вас уважали. Теперь же в России молодежь отрицательно относится к тому, что делают военные, и к военной службе. Меняются приоритеты. Многие люди не возражают против собственно военных организаций, но их приоритеты лежат в другой плоскости. Им важно получить хорошую работу, иметь хорошее здоровье. Военная служба в число приоритетных занятий не попадает, а милитаристский менталитет уходит, похоже, в прошлое. Причем не только в России. Серьезные перемены настроений произошли и в Великобритании. Если вы спросите у британца о том, какие качества он хотел бы видеть в армейских новобранцах, то он ответит, что им не нужно слишком много патриотизма. Двадцать лет назад вы бы такого не услышали.

Происходит же это в том числе и потому, что появляется больше возможностей для найма людей, которые могут работать в мультинациональных организациях, в мультинациональных вооруженных силах. Конечно, патриотизм еще существует, но многие мои знакомые в Британии поступили в армию отнюдь не из патриотических соображений.

Еще одно важное изменение заключается в том, что люди стали лучше знать свои права и пользуются ими, чтобы влиять на военную политику прямым или косвенным образом. Наши респонденты, когда им задавали вопрос, могут ли они, как граждане своей страны, прямо или косвенно влиять на оборонную политику государства, отвечали чаще всего положительно. Если нужно, говорили они, то мы сможем. Но это в Великобритании. В России же люди говорили, что они этого сделать не могут. Однако молодые россияне теми или иными способами могут уклоняться и уклоняются от службы в армии. И это может в конце концов повлиять на российскую военную политику.

Сегодня на первое место выходят права граждан. Мы это наблюдали во всех странах, где проводили исследование. Хотя проявляется это не везде одинаково.

Ю. Афанасьев, президент Российского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ АМОРФНОСТЬ ПОДАЕТСЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ

Я хочу вернуться к уже поднимавшемуся в ходе дискуссии вопросу относительно правомерности названия нашей конференции: «После империи». По моему, сомневаться тут не в чем. Ясно, что мы не «после империи». Мы внутри этого состояния. О том, что представляет собой нынешняя фаза, можно еще дискутировать — то ли распад, то ли реконструкция, то ли, может быть, что-то еще. Но что мы «не после», что мы еще из имперского состояния не вышли — совершенно очевидно.

Хочу поделиться предположением, касающимся очередной попытки выработать национальную стратегию. Отличную от той, которая официально декларируется в посланиях президента Путина и разных официальных документах времени его правления. Какова эта национальная стратегия — особенно наглядно, как мне кажется, продемонстрировала покупка «Газпромом» «Сибнефти». Комментарии, которые сопровождали этот акт, сводились к тому, что «Газпром» должен стать чем-то вроде стового хребта российской экономики. Раньше говорили: командные высоты. Теперь же речь идет о «высотах» не только в пределах России — речь идет о выходе, так сказать, на мировые просторы, что очень симптоматично. Сил на то, чтобы держать что-то или кого-то в руках, уже нет. Материально-финансовых, экономических возможностей для того, чтобы доминировать в мире, нет тем более. А доминировать по-прежнему хочется. И одного этого хотения оказалось достаточно, чтобы появилась идея обеспечить сверхмонополией господствующее влияние на формирование и удержание высоких цен на сырье. И тем самым в определенной мере влиять на мировую ситуацию.

Теперь посмотрите, чем сопровождалось это решение. Заговорили о том, что у нас образуется нечто новое, и это новое назвали «межнациональной общностью с консолидирующей ролью русского народа». При этом несколько недель, может быть и месяцев, не упоминается Федерация. Ничего не говорится о ее правовых основаниях. Не говорится о гражданственности. То есть этнонациональную аморфность в виде «межнациональной общности» при консолидирующей роли русского народа выставляют на место гражданского общества, прав человека, рыночной экономики...

Но никто нигде не сказал, что идет что-то вроде смены парадигмы. Последовательно завершали построение «вертикали власти», но до самого последнего времени «держали» тему реформ. Реформа армии, реформа ЖКХ, пенсионная реформа. Целый пакет реформ. А теперь и о них упоминать перестали. Сейчас не положено говорить ни о реформах, ни тем более об их неудачах. Если же тебе невмоготу и ты о чем-то все-таки хочешь сказать «в этом духе», то ты должен говорить «о поиске позитивных решений по всем направлениям».

Из всего этого можно сделать вывод, что если «смена вех» в области национальной стратегии еще не до конца вызрела в головах у самого высокого начальства, то она уже на подходе. К чему это приведет? К продлению агонии той самой империи, о которой мы говорим. Структурных перемен, которые обеспечат новое качество жизни, в России не произойдет. Будет зажим по всем направлениям для того, чтобы реализовать эту якобы новую идею.

Так что «после империи» — это все еще не про нас, и на этот счет не должно быть никаких иллюзий.

И. Савельева, директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований, доктор исторических наук, профессор кафедры истории философии ГУ — ВШЭ

ИСТОРИЧЕСКИЕ АНАЛОГИИ МОГУТ БЫТЬ ТОЛЬКО ОРИЕНТИРАМИ

В начале 1990-х годов А. Филиппов опубликовал статью, которая называлась «Наблюдатель империи». Я же ощущаю себя в этом зале наблюдателем за «наблюдателями империи». Потому что я историк и не являюсь специалистом ни по текущей политике, ни по проблематике империи. Так что некоторые размышления, которые у меня возникли по ходу дискуссии, можно считать размышлениями такого вот наблюдателя второго уровня.

Первое мое замечание касается объяснительной силы самого понятия империи, а также концепта имперского и постимперского синдрома. Мне кажется, что все-таки объяснительная сила этого концепта не очень велика.

Почти все соглашаются с тем, что империя у нас, безусловно, была, многие говорили о том, что она не кончилась, некоторые считают, что конец все же имел место и есть опасность возврата. Но ведь помимо распада империи было еще несколько очень важных факторов, и без их учета мы не можем анализировать те процессы, которые идут сейчас. Был еще конец тоталитарного государства, был конец коммунистической идеологии и был конец плановой экономики. И даже если мы говорим о таком непосредственно связанном с распадом империи явлении, как рост национализма, надо учитывать всю совокупность факторов, которые к нему привели. Ведь национализм — это идеология, которая заполняет лакуну, образовавшуюся после исчезновения идеологии коммунистической. Просто потому, что иной идеологии нет. Думаю, что и другие процессы — социальные и политические — нужно рассматривать, привлекая не один, а все названные мною четыре фактора. Во многих случаях некоторые из них могли и могут играть более существенную роль, чем распад империи.

Тут много говорили о важности зарубежного опыта и исторического опыта. Иногда эти понятия смешивались, тогда как это разные вещи. И сначала я хотела бы высказаться по поводу исторического опыта.

В истории империи представляли собой, с одной стороны, некоторое типичное политическое образование, а с другой — все они были разными. Слава богу, ссылок на примеры Римской империи или Священной Римской империи было мало, но даже более современные примеры вызывают возражения. Так, профессор Ливен, говоря о распаде Австро-Венгерской империи, сказал, что австрийцам, может быть, даже меньше повезло, чем нам, если учесть, какие последствия их ожидали во времена более отдаленные. Но, мне кажется, корректнее было бы сравнивать распад Австро-Венгерской империи с распадом Российской империи, который произошел в 1917 году, если уж их вообще сравнивать. И тут еще неизвестно, кому повезло больше. Если сравнивать периоды именно распада, то россиянам, на мой взгляд, повезло намного меньше. В принципе же, исторические аналогии — вещь очень рискованная. Как и ссылки на зарубежный опыт.

Конечно, учитывать этот опыт нужно. Но когда мы говорим о той же Британии, мы можем считать ее опыт не столько историческим, сколько современным, учитывая, что в истории действует принцип «неодновременности одновременного». Мы от Британии значительно отстали. Есть много проблем, которые Британия успешно решила (или в основном решила) «в итоге», и это может быть для нас каким-то ориентиром. Но не более того. Странно, кстати, что тут совсем не говорили об опыте США. Потому что, с одной стороны, это, конечно, классический пример федерации, с другой — сегодня это страна с большими имперскими амбициями. А главное, она ведь и сложилась как страна

с основополагающим признаком империи — незавершенностью границ. Ведь это «Юнайтед Стэйтс» не 13 штатов, которые тогда объединились, а «Юнайтед Стэйтс оф Америка»! Предполагалось — по крайней мере в пределах континента — ее безграничное расширение, что совершенно нормально для американского сознания. И такое расширение происходило. Но при этом США — одна из стран безусловно демократических, заложившая и реализовавшая основные принципы органического федерализма.

Возвращаясь к роли истории в анализе современных явлений, я хочу сказать, что роль эту нельзя переоценивать, но нельзя и недооценивать. Однако она не в том, чтобы подыскать подходящую к случаю историческую аналогию. Она, как правильно говорил Д. Фурман, проявляется прежде всего в формировании идентичности, в конструировании прошлого для культурной и политической консолидации общества. Мне, в частности, очень понравилась идея Дмитрия Ефимовича о том, что в республиках СССР в советский период были созданы культурные предпосылки для формирования наций и их последующего отделения. Если политические структуры были квазигосударственными, то развивавшиеся культурные атрибуты — вполне органичными. Язык, словари, фольклор, художественное творчество — это все действительно развивалось. Но чего там не создавалось, так это своей истории. История СССР — вспомните учебники! — у нас была общая для всех. Никакой истории, скажем, Латвии или Украины, соответствующей представлениям о научном историческом знании, прочитать тогда, в том числе и в этих республиках, было невозможно. Хотя пантеоны национальных героев, действительно, были созданы.

Очень важную сторону проблемы, о которой обычно забывают, затронул А. Давидсон. Мы все время говорим о метрополиях, а надо иметь в виду, что есть еще колонии или периферии, которые развиваются по своей логике. И учет этого фактора очень важен в том числе и для того, чтобы понимать, что ждет Россию. Я вспоминаю свою встречу в начале 1990-х годов с профессором Э. Валерстайном, который приезжал тогда в Москву. Мы шли с ним по нашей тогда совершенно разоренной столице, и он сказал: «Скоро у вас появятся африканцы. Они будут жить на всех окраинах». Я возражала: «Этого не может быть». А он настаивал: «Нет, вы не понимаете. У вас будут эмигранты». Он говорил так, основываясь на опыте стран Запада. Мы же обрели этот опыт в своей, специфической форме: у нас тоже есть эмигранты, но не из Африки. Поэтому я хочу еще раз сказать, что всякие примеры и аналогии из зарубежного опыта, особенно исторического, могут и должны быть какими-то приблизительными ориентирами, но никакой другой силы и никакого другого аналитического значения они не имеют.

Е. Ясин

ПЕССИМИСТИЧЕСКИЕ ПРОГНОЗЫ НЕ КАЖУТСЯ МНЕ ОБОСНОВАННЫМИ

Я хочу поблагодарить всех английских и российских докладчиков и участников дискуссии. Хочу также выразить признательность Британскому посольству за прекрасную организацию конференции. Думаю, все согласятся со мной, что она прошла в творческой атмосфере и существенно продвинула нас в осмыслении вынесенных на обсуждение проблем.

Уже давно замечено, что идеи ученых рано или поздно воспринимаются социальной практикой — политическими деятелями и даже рядовыми людьми. Надеюсь, что это произойдет и с идеей гражданской нации, которая объединяет почти всех участников обсуждения. Поэтому я настроен оптимистично. Вместе с тем относительно империи и постимперского развития в подходах к этим феноменам и их оценке обнаруживается, как мы могли наблюдать в ходе дискуссии, довольно большой разброс мнений. Даже у людей, идеологически и политически близких. Я не претендую сейчас на то, чтобы привести все это к какому-то общему знаменателю. Могу лишь констатировать, что дискуссия нуждается в продолжении. Мы подумаем, как это сделать. Но на один момент хочу отреагировать уже сейчас.

В некоторых выступлениях прозвучали откровенно пессимистические прогнозы. Мне они не показались обоснованными. Т. Заславская в своей последней книге о трансформации российского общества написала, что русским свойственно апокалиптическое сознание. Чуть что, и начинают кричать о неизбежной катастрофе. Я не знаю, может быть, нам и не удастся избежать новых потрясений. Но катастрофа, полный распад? Сомневаюсь. С серьезными трудностями сталкивались все страны на выходе из имперского состояния. И ничего, справлялись. Об этом говорили наши британские коллеги. Справимся, надеюсь, и мы.

Россия переживает мучительный процесс перехода от традиционного общества к постиндустриальному. Да, мы всегда умудрялись устраивать себе такие трудности, каких другие страны не знали. И нынешний рецидив имперского синдрома, который мы видим в режиме Путина, меня тоже очень и очень беспокоит. Но страна выживет. Может быть, пара кавказских республик и отойдет, но тотального распада не будет. Уникальная страна, на огромной территории люди говорят на одном языке, почти без диалектов — почему она должна развалиться?

Я вовсе не хочу отбрасывать с порога те аргументы, с помощью которых некоторые участники дискуссии обосновывали закономерность и даже неизбеж-

ность дальнейшего распада. Они заслуживают внимания, их нужно обсуждать. Но я исхожу из того, что интеллектуальный поиск должен быть направлен на предотвращение катастрофических сценариев, а не на обоснование их неизбежности и даже полезности. Катастрофические прогнозы нередко именно потому и сбываются, что им не выдвигается убедительных позитивных альтернатив.

Полагаю, что мы можем прийти к гражданской нации. И ничего сверхъестественного для этого делать не надо. Россия прошла уже определенный путь от империи к национальному государству. Да, оно может характеризоваться как гражданским, так и этническим национализмом. Согласен с теми, кто говорил, что второй вариант был бы для России губителен. Но он вовсе не предопределен. И нынешние тенденции такого рода не кажутся мне фатальными. Напомню, что общество «Память» было первой организацией, которая возникла в стране с началом перестройки. И в каком-то смысле это было естественно – любые глубокие перемены сопровождаются всплесками страстей. Задача же в том, чтобы перевести их в открытую дискуссию и убедить общество в том, что любые вопросы, в том числе и национальные, могут быть предметом именно дискуссии и вовсе не обязательно должны разрешаться дракой. Задача в том, чтобы постепенно сформировать общественный консенсус относительно демократии и гражданской нации в нашей стране.

После империи
Под общей редакцией
Клямкина Игоря Моисеевича

Подписано в печать ???.?.2007
Печать офсетная

Фонд «Либеральная миссия»
101990, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (095) 923 33 13, 924 26 25
Факс: (095) 923 28 58